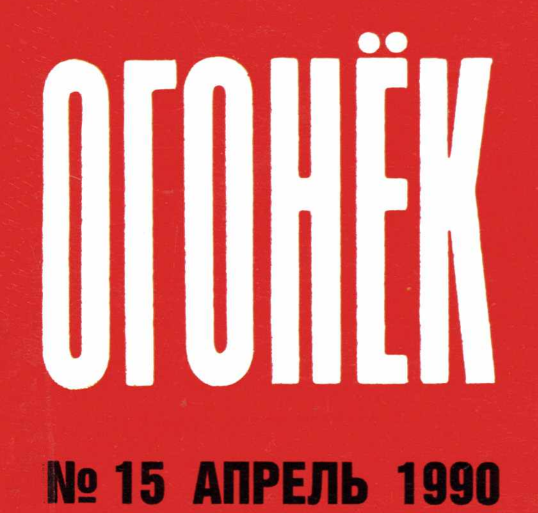
ISSN 0131—0097

№ 15 АПРЕЛЬ 1990

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Учрежден 1 апреля 1923 года

№ 15 (3273)

7 — 14 апреля

ИЗДАТЕЛЬ — ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

«Птица атакует» (см. в номере материал «Уорлд Пресс Фото-90»).

Фото Норберта РОСИНГА (ФРГ)

Оформление Е. М. КАЗАКОВА при участии О. И. КОЗАК

Сдано в набор 19.03.90. Подписано к печати 03.04.90. А 09428. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 2075. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

1990 ГОД: НАШИ НАДЕЖДЫ

Фото Э. ИНКОНОВА, В. ИНЮТИНА и П. КРИВЦОВА

Всесоюзный Центр по изучению общественного мнения сообщает

ЧЕГО МЫ ЖДЕМ?

Распределение ожиданий населения страны в целом на 1990 год имеет, согласно результатам настоящего опроса, следующий вид.

«Как вы считаете, будет ли 1990 год для вас лучше, чем минувший, 1989-й?»

Да, безусловно — 4%.
Очень надеюсь на это — 40%.
Думаю, что хуже не будет — 13%.
Вряд ли что-нибудь изменится — 22%.
Нет, пожалуй, он будет хуже — 14%.
Затрудняюсь ответить — 9%.

Как видно, безоговорочных оптимистов в нашей стране осталось немного. Еще год назад их было, по данным аналогичного опроса, гораздо больше (34%). Над оптимистами теперь преобладают пессимисты (14%), составлявшие к началу прошлого года всего 6%. Значительно уменьшилось и число тех, кто думает, что хуже не будет: с 35% до 13%. Заметно выросла за год доля тех, кто отметил (вероятно, с унынием), что вряд ли что-нибудь изменится: с 13% до 22%.

Все эти не вполне утешительные перемены не должны, однако, заслонять главного факта: на первое по численности место вышли те, кто смотрит в будущее с надеждой. За год их число выросло с 5% до 40% — почти на порядок! В конечном счете это, быть может, важнейшее событие 1989 года: в стране воскресла надежда! Традиционный безусловный оптимизм явно сдал свои позиции. Но надежда лучше оптимизма: она побуждает к разумным, сознательным действиям.

Чувством надежды охвачены практически все группы населения. Оно преобладает среди других видов ожиданий во всех возрастных, образовательных и профессиональных группах, у мужчин

и у женщин, в материально обеспеченных и плохо обеспеченных семьях. Наиболее заметно это чувство надежды связано с возрастом. Надежду испытывают 52% молодежи до 20 лет и всего 31% пожилых людей в возрасте 60 лет и старше (что тоже, в общем, немало).

Пессимистическое чувство распределяется по группам населения не столь равномерно. С ростом образовательного уровня и уровня доходов доля пессимистов удваивается, достигая примерно 20%. В возрасте до 30 лет пессимистов — 7—8%, в период 30—50 лет — около 20%, после 50 лет — 10—15%.

Что же именно вызывает у людей надежду или пессимизм? Какие процессы и события в 1990 году не явятся полной неожиданностью?

Распределение ожиданий по видам идущих в обществе процессов выглядит следующим образом:

«Как вы считаете, будет ли в 1990 году развиваться или сокращаться?»

	Будет развиваться, %	Будет сокращаться, %	Трудно сказать, %	Ничего не знаю об этом, %
Движение в защиту окружающей среды	73	1,7	19	7
Деятельность Народных фронтов	39	7	31	24
Забастовки	29	19	43	9
Борьба за сохранение памятников отечественной культуры	59	3	26	11
Конфликты на национальной почве	37	17	38	8
Эмиграция из СССР	48	9	30	12
Организованная преступность	44	15	34	7
Выход из рядов КПСС	40	10	35	15
Отказы от службы в армии	35	12	37	17
Распределение продуктов и товаров по карточкам	51	16	29	4
Выступления в защиту вашего родного народа	50	3	33	14
Движение за увековечение памяти жертв сталинизма	50	9	29	11
Участие церкви в жизни общества	72	1,5	18	8

Из таблицы видно, что сравнительное большинство населения ожидает нарастания буквально всех перечисленных в ней процессов. Даже если некоторые ожидания не оправдаются, массовая уверенность в предстоящей активизации всех общественных сил в стране налицо. Однако реальная неопределенность, непредрешенность судьбы многих из идущих процессов очень велика. Показателем этого может служить высокая доля тех, кто выбрал ответ «трудно сказать», хотя и знает о соответствующем процессе.

Наиболее непредсказуемый в этом смысле процесс — забастовочное движение, затем конфликты на национальной почве и отказы от службы в армии. Все эти процессы явно выделяются своим остроконфликтным характером. Их ход и исход плохо предсказуемы по самому существу дела.

На противоположном полюсе — процессы, число сомневающихся в развитии которых, включая ответивших «трудно сказать», заметно меньше числа уверенных в их развитии. К таким «уверенно развивающимся» процессам относятся движение в защиту окружающей среды, участие церкви в жизни общества, борьба за сохранение памятников отечественной культуры, движение за увековечение памяти жертв сталинизма, выступления в защиту своего народа. Все эти процессы объединяет, по-видимому, дух восстановления исторической справедливости.

К числу «уверенно развивающихся» процессов можно также отнести эмиграцию из СССР, распределение продуктов и товаров по карточкам и, наконец, деятельность Народных фронтов (в последнем случае оценка пограничная).

Любой из названных процессов амбивалентен. У кого-то он связан с надеждой, у кого-то вызывает пессимизм, кого-то оставляет безразличным.

Год назад события, являющиеся теперь для большинства непредсказуемыми, находились в группе реально возможных событий. Год, богатый неожиданностями, повысил осторожность оценок, в том числе и оценок пессимистического характера. Только одно событие из числа непредсказуемых переместилось за год в число реально возможных, как бы приблизилось: экономическая катастрофа. Приблизилось к границе непредсказуемых и, в меньшей мере, реально возможных и еще одно событие: возврат к массовым репрессиям.

В отношении всех названных событий ожидания различных групп населения расходятся между собой не слишком существенно. Так, ожидание экономической катастрофы несколько усиливается (примерно на 10% по численности) с ростом образовательного и материального уровней, у специалистов технического профиля и в возрастной группе 30—39 лет. Ожидание переворота в высшем руководстве и гражданской войны также несколько увеличивается с ростом образовательного и материального уровней, снижается с возрастом. Максимально ожидание переворота у руководителей предприятий (до двух третей из их числа считают его возможным при средней цифре 40%), а ожидание гражданской войны — у руководителей на уровне подразделений предприятий, служащих в милиции и Советской Армии, учащихся и студентов (41—44% при средней оценке 30%). С ростом образовательного уровня, в возрастной группе 20—24 года, у служащих в милиции, Советской Армии и руководителей на уровне подразделений несколько повышенное ожидание возврата к массовым репрессиям (20—24% против 13,5% в среднем).

Вне всякого сомнения, надежды населения страны в целом обращены не к событиям, а к процессам. Не события, а процессы в наших руках. Некоторые из развивающихся теперь процессов прямо направлены на предотвращение, недопущение тех или иных катастрофических событий. И это отражает глубокий драматизм нашего времени. Ведь развитие таких процессов находится в прямой зависимости от роста угрозы какого-то катастрофического события. Удаляя эту угрозу, мы ослабляем стимулы и для соответствующего процесса и вслед за тем вновь ее приближаем. Наши воскресшие надежды не должны поэтому возвращаться в лоно слепого оптимизма, этого фатализма навыворот. Нужно избежать и другой крайности — нужно не пасовать перед событиями, не терять надежды, не впадать при каких бы то ни было обстоятельствах в пессимизм и уныние. Вспомним христианскую мудрость: уныние хуже греха. Пусть не все наши надежды в 1990 году исполнятся, но пусть все они сохранятся и умножатся.

Так чего мы ждем? Ждать нечего. Нужно надеяться и действовать. Действовать так, чтобы оправдать собственные надежды.

ГДЕ ИСКАТЬ ТОЧКУ ОПОРЫ?

В панацеи сегодня не верят. Среди множества вариантов ответов на вопросы о средствах коренного улучшения положения страны мы не встречаем ни одного, который можно было бы счесть выражением «общего мнения», какого-то единогласия народного. Обращения к факторам экономическим и политическим, к основательно забытым старым средствам и неизвестным еще новым — все это соседствует и перемешивается в грандиозном миксере массового сознания, порождая иногда причудливые, порой чрезвычайно устойчивые конфигурации мнений и склонностей.

Чаще всего на вопрос о средствах решительных перемен отвечают ссылкой на необходимость обеспечить законный порядок (54%, годом раньше 50%). Но термин этот слишком многозначен, и частота его употребления говорит скорее о широко распространенном ощущении социального беспорядка. Речь ведь идет не только и не столько о внешнем, милицейском, уличном порядке, но об отношениях на производстве, в экономике вообще, об авторитетах и ценностях общественно-политической жизни и пр. Впрочем, на отсылках к порядку все же лежит некая тень простого и внешнего подчинения. Такие отсылки чаще встречаются у женщин, у людей старше 60 лет, у менее образованных, а по профессиональной принадлежности — у работников милиции.

Но может ли гарантировать желанный порядок чья-либо сильная рука? В прошлом году лишь 8% населения уповало на порядок «сталинского» образца. А сейчас 10% предлагают сосредоточить власть в руках сильной личности. Это по преимуществу «мужская» позиция, чаще всего ее разделяют те, кому 55—59 лет, кто имеет среднее образование и техническую квалификацию.

Из числа категорий нашей экономической жизни (а точнее, экономической идеологии) большой «определяющей» силой обладает «улучшение планирования», эта извечная уловка, которая долго считалась пригодной для универсальных объяснений любых бедствий и универсальным же средством решения всех проблем в туманном будущем. В прошлом году к этому рецепту обращались 34% опрошенных, сейчас — только 22% (и прежде всего женщины пожилого возраста, среднего образования).

Сравнимый статус в общественном мнении у другого определяющего средства — ссылки на необходимость выравнивания доходов. Сегодня его повторяют лидеры, рассчитывающие на массовую популярность. Но круг влияния этой идеи не столь широк: 17% (годом ранее в пресс-опросе на уравнение надеялись 24%). И это тоже преимущественно мнение тех же категорий населения — женщин, пожилых, среднеобразованных.

А вот другая «экономическая» позиция — проведение радикальной экономической реформы (27%) — разделяется прежде всего мужчинами, молодыми (25—29 лет), имеющими высшее образование: это позиция активных людей, и уже это делает ее перспективной.

Доля тех, кто считает решающим средством передачу земли тем, кто ее обрабатывает, за год несколько снизилась — с 35% до 31% (возможно, в связи с тем, что больше внимания требуют новые, чисто политические проблемы). Но это тоже «мужское» мнение, разделяемое по преимуществу людьми молодыми и хорошо образованными.

Наконец, возьмем такое широко дискутируемое в последнее время средство, как узаконение частного предпринимательства. Из других опросов нашего центра мы знаем, что в последние месяцы более половины населения выражало согласие с развитием частного хозяйства в нашем обществе. В нашем опросе выяснялась другая сторона проблемы — кто считает такое хозяйство средством решительных перемен. Таковых оказалось 10% (в минувшем году 12%), и это тоже прежде всего мужчины, молодежь, образованные (с высшим образованием — 15%).

Обратимся к поискам средств более политического плана (говорим «более», так как в действительности мы имеем дело не с политикой и не с экономикой, а со сферой оценок и пристрастий массового сознания). Интересно сопоставить распространенность трех ответов, за которыми стоят различные типы массового политического сознания.

9% населения соглашается сегодня с утверждением, что для улучшения положения страны нужно «укрепить авторитет партийного руководства». Старый, проверенный и оцененный нашей историей вариант. Избирают его преимущественно мужчины старших возрастов, имеющие среднее образование, наибольшая доля сторонников такого мнения — среди военных и работников милиции (15%).

На протяжении года остается практически неизменной популярность требования «лишить начальство его привилегий»: 25,5% год назад, 27,5% — сегодня отмечают его важность. Это непременная принадлежность самых распространенных и не самых зрелых популистских программ. Неудивительно, что осуждение привилегий несколько чаще называют женщины, люди старших возрастов, среди них немало специалистов с высшим образованием.

А вот требование свободы слова выделяют (год назад — 26%, теперь несколько меньше — 22%: то ли сказывается насыщение уже достигнутой степенью гласности, то ли понимание недостаточности одних «словесных» свобод в нашей жизни?) в большей мере мужчины, хорошо образованные, старших рабочих возрастов, среди них много руководителей предприятий и цехов, впрочем; и работников милиции тоже. Новая для нашего общества, но все более популярная идея многопартийной системы собирает в нашем опросе 14% голосов, принадлежат они прежде всего мужчинам, чей возраст 30—40 лет, это в значительной мере люди с высшим образованием и ученой степенью, технические специалисты, студенты.

Как видим, три различных варианта мнений — три «набора» их сторонников. Да не обидятся на нас наши прекрасные женщины, на плечах которых сегодня и большой груз борьбы за общественные перемены, но логика результатов утверждает, что «женские» (не по большинству, а только по преимущественному составу отвечающих) выборы больше связаны с традиционными решениями, «мужские» — с поисками новых вариантов. Аналогичным образом распределяются и «возрастные» предпочтения: более активный возраст — более активные программы действий.

К поискам вожделенной точки опоры можно подойти и с другой стороны — попытавшись выяснить, как распределяется доверие и поддержка населения между различными социальными институтами, действиями, деятелями. Здесь мы получаем результаты, которые вряд ли можно считать тривиальными.

Наибольшую общественную поддержку получает «дальнейшее расширение критики в печати»: 64,5% поддерживают его полностью и еще 17,1% частично, только 3,5% не поддерживают (в прошлом году эта серия вопросов не ставилась). Неплохой ответ на опасения относительно надоевшего «очернительства»... Следующая по порядку поддержки позиция — это требования бастующих шахтеров: полностью «за» здесь 40%, частично — 31%, не согласны 10%.

Деятельность М. С. Горбачева на посту главы государства полностью поддерживают 43%, частично — 35%, не поддерживают — 12% (затрудняются ответить 11%). Заметно менее выражена общественная поддержка политической линии КПСС (26% — 29% — 20%) и экономической политики правительства страны (24% — 42% — 18%). Согласие явно преобладает над несогласием, но при значительной доле сомневающихся и возражающих.

Заслуживают внимания и позиции, где несогласных оказывается значительно больше, чем готовых поддержать. Так, известные позиции ВЦСПС по вопросу о кооперативах полностью поддерживают только 12%, а не поддерживают 30% (частичная поддержка со стороны 23%). Лозунги интердвижений в Прибалтике полностью поддерживают всего 10% опрошенных, частично — еще 13%, не согласны с ними 47%.

Как видим, при всем разбросе мнений и значительной доле неуверенных преобладающим все же является поиск ответов в зоне основных течений прогрессивного развития общества, причем радикальные варианты здесь занимают видное место.

ВРАЧУ, ИСЦЕЛИСЯ САМ

Поиск средств исцеления, как известно, неотделим от диагноза заболевания, а диагноз этот очень по-разному ставится различными группами нашего в высшей степени неоднородного населения. Прежде всего было бы ошибкой считать, что все у нас поголовно считают положение кризисным, а страну больной. На вопрос о причинах отсталости нашей страны 10% отвечают, что «у нашей страны особый путь и свои достижения», а 2% вообще склонны полагать, что «наша страна — пример всему миру». Эта — назовем ее «слепо патриотической» — позиция чаще встречается среди узбеков (21% и 10%), у пенсионеров (16% и 2,5%), читателей «Правды» (14% и 2,5%) и, как ни удивительно, кооператоров (25%; 5%). Среди колхозников и сельхозрабочих, а также азербайджанцев до 8% вырастает доля тех, кто продолжает видеть в нашей стране образец для всеобщего подражания.

Как бы то ни было, подавляющее большинство населения — 90% — готово вести разговор о причинах наших сегодняшних трудностей, предлагая свои варианты их определения, зависящие как от осознания глубины кризиса, так и от четкости собственных мировоззренческих установок. В исследовании было предложено 22 варианта ответов на вопрос о причинах переживаемых страной бедствий, и отвечавшие могли выбрать по нескольку ответов сразу, поэтому лишь очень сложный анализ позволил на основании этих ответов выделить некоторые устойчивые типы сознания и взвесить их долю в населении страны.

Так, 10% людей, отвечающих, что причиной наших трудностей является утрата религиозной веры, можно считать относящимися к тем группам населения, которые, во-первых, ставят религиозные ценности превыше всех остальных и, во-вторых, сталкивались на протяжении нашей истории с гонениями на религию и притеснениями на религиозной почве. Их больше всего среди молдаван (21%) и русских (проживающих в республиках 16%), но совсем нет в Армении. Чаще это неквалифицированные рабочие (16%), с низким доходом на члена семьи (15%), но читающие и приобретающие книги (15% из тех, кто имеет 500—1000 книг в домашней библиотеке). Нельзя не отметить повышенное количество (14%) религиозно мыслящих лиц среди молодежи до 20 лет и среди подписчиков «Огонька».

Примерно такой же по численности выступает и группа ортодоксов «социалистической веры». Устойчиво, из опро-

са в опрос, 10% отвергают идею частной собственности в любом ее проявлении, видят выход из создавшегося положения в сосредоточении власти в руках сильного лидера и в повышении авторитета партийного руководства. Наиболее жесткое ядро этой группы — 4% — это те, кто насаждение идей рынка, плюрализма и т. п. считает причиной сегодняшних бед. Здесь чаще можно встретить высокооплачиваемых специалистов технического профиля в возрасте старше 30 лет (9%), руководителей предприятий (7%), полуинтеллигентов (библиотека от 500 до 1000 книг). Шире такого рода взгляды представлены в Москве (6%) и на Украине (6,5%), чаще среди русских и украинцев, чем среди представителей других национальностей. Собственно, именно этот контингент образует актив движений типа ОФТ и сонм сторонников «принципов» Н. Андреевой.

На противоположном полюсе общественного сознания находятся те слои населения, которые либо вообще отвергают социализм во имя западнических идеалов (14%), либо выступают за коренное преобразование существующих экономических структур в рамках социализма — введение практически неограниченных рынка и частного предпринимательства (20%), ликвидацию партийной монополии на власть (20%), устранение вмешательства партийного аппарата в дела государства (21%), широкое привлечение иностранного капитала (11%) и т. п. Эти взгляды наиболее характерны для молодых мужчин, инженеров со средним заработком, для лиц с ученой степенью, а из регионов — для Кавказа и Прибалтики. Наименее склонна к решениям такого рода Белоруссия.

Этой радикально и более или менее (не без элементов западнической утопии) конструктивно мыслящей части населения присуща склонность к таким диагнозам кризисной ситуации, как «наследие сталинизма» (13,5%, в возрасте 55—59 лет — 21%, среди «остепененных» — 67%); «разрушение национальных традиций» (15%, до 31% у владельцев домашних библиотек с более чем 1000 книг, 38% среди молдаван, но 8% у белорусов); «вырождение народа» (5,5%, главным образом руководители, а также молдаване, эстонцы и москвичи); «уравниловка, зажим людей с инициативой» (19,5%, до 33% у «остепененных» мужчин, 31% у технарей со средним достатком и библиотекой от 500 до 1000 книг, чаще среди русских, чем у представителей других наций, и особенно часто у москвичей).

В общей сложности на долю носителей такого типа сознания приходится около 30% населения, и эта треть составляет основной резерв и базис перестройки.

Около 20% респондентов придерживаются резко критических взглядов менее конструктивного, зачастую противоречивого и непоследовательного свойства. В этой среде принято, с одной стороны, акцентировать «ошибки в руководстве страной» (всего по стране такой диагноз ставят 31% ответивших, т. е. не только «популисты»), «некомпетентность начальства» (18%), с другой стороны, отвергать наиболее решительные экономические мероприятия и выступать за ограничение владения средствами производства лишь индивидуальной формой без найма (25%), выдвигая в качестве главных средств преодоления кризиса «устранение неравенства в доходах» (18%) и «передачу власти людям труда» (23%).

В число этих 20% входят и представители крайне правого шовинистического популизма, наиболее шумными выразителями которого выступают активисты общества «Память» и их поклонники, количество которых не превышает, однако, 2,5%.

Популистские взгляды особенно часто наблюдаются у людей в возрасте свыше 50 лет с низким образовательным цензом, среди военных, рабочих-подсобников, работников милиции и других правоохранительных органов.

Наконец, 35% населения можно отнести к категории людей с еще неоформившимся, непробужденным, «темным» сознанием. Это лица, либо вообще затрудняющиеся ответить на вопросы о причинах наших недугов, либо дающие односложные ответы типа «нежелание работать», «пьянство», «воровство». Пусть читателя не смущает, что сумма наших категорий превышает 100%, ибо мы имеем дело не с застывшей глыбой, а с подвижной, пульсирующей массой, и как раз именно люди «темного» сознания пребывают как бы одновременно в двух состояниях, на какие-то моменты и в каких-то ответах оказываясь в других категориях и пополняя собой перечисленные выше группы. Чаще всего этот тип сознания демонстрируют, естественно, респонденты с низким образовательным цензом, пенсионеры. Среди регионов выделяются Молдавия, РСФСР, Москва, Белоруссия.

Представляется важным в этой связи определить, какого типа ответы преобладают у носителей властных функций — руководителей предприятий и учреждений, военнослужащих и работников правоохранительных органов.

Первые довольно определенно выступают за отмену однопартийной системы (31%), чаще других видят причину бед в «вырождении народа» (10%), но одновременно более других (7%) склонны усматривать корень зла в рынке и плюрализме. Можно, таким образом, говорить о дифференциации руководящего корпуса на полярные группы прогрессистов и ортодоксов в отношении 3,5:1.

Что касается армии и органов охраны порядка, то им в наибольшей степени импонируют популистские объяснения — «утрата веры в идеалы социализма» (30% при среднем по стране 18%) и «ошибки в руководстве» (49%), но они же в наименьшей мере (1,7%) порицают идеи рынка и плюрализм, равно как и однопартийную систему (12%). Характерно, что в меньшей степени, чем другие группы, они видят причину бедствий в «мафии, организованной преступности» (27% при среднем 35%), «коррупции» (19% при среднем 24%), «пьянстве» (19% при среднем 28%), «воровстве» (20% при среднем 29%). Как говорится, профессионалам виднее. 50% (при среднем 43%) указывают как на причину на техническую отсталость. Вместе с тем в этом слое совершенно нет людей, которые считали бы перестройку повинной в том, что страна стала отставать или впала в кризисное состояние, притом что в среднем по стране так считают 11% людей, а среди крестьян и сельхозрабочих и все 21%. Похоже, что в целом наших «владельцев средств насилия» отличает умеренно критический подход к проблемам, колеблющийся между ортодоксией и популизмом.

И последнее, что необходимо отметить,— это удивительную устойчивость, которую обнаружили при сравнении ответов, касавшихся причин кризиса. Лишь доля религиозных людей повысилась с 7,5% до 10%, ответ «разрушение национальных традиций» с 11% до 15% и «ошибки в руководстве» — с 24% до 31% при почти полном равенстве остальных величин, что указывает на усиление политизации по линиям религиозности, национального самосознания и популистского нетерпения. Одновременно подтверждается предположение о том, что именно вокруг представлений об истоках неблагополучия кристаллизуются более устойчивые мнения, мировоззренческие позиции.

Рабочая группа ВЦИОМ:
А. ГОЛОВ, А. ГРАЖДАНКИН,
Л. ГУДКОВ, Б. ДУБИН,
Н. ЗОРКАЯ, Ю. ЛЕВАДА,
Л. СЕДОВ.

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

В «Огоньке» № 9 за этот год был опубликован «круглый стол» офицеров Советской Армии «Какая армия нам нужна», а в № 13 журнала — статья ведущего инспектора Комитета народного контроля СССР Владимира Сергеева «Дачные привилегии при свете гласности». В ней говорится о выходящих за всякие разумные рамки привилегиях высшего руководящего состава Советской Армии. В последние дни в Верховном Совете СССР стало распространяться письмо группы депутатов на имя т. Лукьянова А. И., в котором утверждается, что деятельность «Огонька» «может быть сравнима только с репрессиями, осуществленными Сталиным в 30-х годах». В радиопередаче «Маяк» в воскресенье, 1 апреля, уже была дана оценка этому письму, и факт его появления стал широко известен. Поэтому мы публикуем его текст, комментарии к которому, как говорится, излишни. Большинство подписей под ним, их около 20, разобрать невозможно (и точно подсчитать невозможно). Прочитываются такие: Ахромеев, Куликов, Крюченкова, Ю. Соколова, Горбачев А. Г., В. Николаев. Редакция опубликует фамилии всех подписавших, если они сообщат их нам. Народ должен знать своих героев.

Первому заместителю Председателя
Верховного Совета СССР
товарищу ЛУКЬЯНОВУ А. И.

Уважаемый Анатолий Иванович!

Большое беспокойство о боевой готовности Вооруженных Сил СССР делает крайне необходимым это наше необычное обращение к Вам.

Журнал «Огонек» вот уже в течение нескольких лет необъективно преподносит общественности историю развития нашего общества после 1917 года, роль и место в этом Коммунистической партии Советского Союза. Усилия журнала при этом направлены на показ только отрицательных явлений, которые действительно имели место, и замалчивание всего хорошего, что сделано за эти годы КПСС для страны и народа.

Мы считаем такую позицию неверной, но в условиях гласности и демократии редколлегия в конце концов имеет право на собственную позицию, и мы уважаем это право, хотя оно наносит вред перестройке в нашей стране.

Но журнал «Огонек» в одном важнейшем для нашей страны и советского народа вопросе ведет себя совершенно недопустимо. Из месяца в месяц, из года в год он занимается дискредитацией Вооруженных Сил СССР.

Журнал в искаженном виде представляет жизнь и деятельность армии и флота, пытается расколоть офицерский состав, противопоставляя высший командный состав армии и флота основной массе офицерского состава. В журнале систематически чернятся советские генералы и адмиралы, которых он представляет эгоистами, карьеристами и недоумками. Журнал злонамеренно и неправдиво информирует читателей о том, что руководство Минобороны не проявляет заботы об офицерском составе.

Он ведет систематические нападки на Министра обороны СССР, его заместителей, на Главное политическое управление СА и ВМФ.

Этот перечень его деяний можно было бы продолжить.

Учитывая, что журнал «Огонек» издается тиражом свыше трех миллионов экземпляров, а антиармейские материалы публикуются из номера в номер, его деятельность приняла опасный для общества характер. По масштабам отрицательных последствий она может быть сравнима только с репрессиями, осуществленными Сталиным в 30-х годах против командно-политического состава армии и флота. По методам действий материалы «Огонька» сравнимы с пропагандой в ходе войны против вооруженных сил противной стороны.

Все наши попытки прекратить или хотя бы ограничить эту деятельность журнала «Огонек» во внимание не принимаются. На неоднократные выступления в Верховном Совете СССР с просьбой разобраться с деятельностью этого журнала ответа также нет.

В связи с этим мы предлагаем на одном из ближайших заседаний Верховного Совета СССР поставить на обсуждение вопрос «Об общественно-политической деятельности журнала «Огонек», заслушав при этом его главного редактора Коротича В. А.

Просим поставить на голосование включение этого вопроса, как дополнительного, в повестку дня Верховного Совета СССР.

Народные депутаты СССР:

(Ахромеев)

Ю.Соколова

Горбачёв А.Г.

В Николаев 509 нт

■

Когда умер Андрей Дмитриевич Сахаров, многими, вероятно, овладело горькое чувство обреченного одиночества — этот человек с тихим голосом и образом «не от мира сего» был живым символом единства честных и добрых людей. Кажется, что его смерть определила и оборвала какой-то важный этапный период истории человеческой борьбы за свое достоинство. Но таков, очевидно, феномен нравственной чистоты и духовной силы — горестный итог этой утраты лишь подчеркнул суть личности академика Сахарова — он снова, как и при жизни, объединяет людей.

Этим письмом мы объявляем о создании двух общественных организаций, связанных с именем Андрея Дмитриевича. Одна из них — Комиссия по увековечению памяти академика А. Д. Сахарова и его наследию, в которую вошли общественные деятели, ученые, друзья и близкие Андрея Дмитриевича. Учредителями этой Комиссии стали неформальные общественные объединения и творческие союзы, органы массовой информации, в том числе журнал «Огонек», газеты «Московские новости», «АиФ» и Физический институт Академии наук СССР.

В числе основных задач Комиссии — создание общедоступного архива с материалами о жизни и деятельности Андрея Дмитриевича, обеспечение работы музея-квартиры А. Д. Сахарова в Москве и сбор средств для памятника в Москве.

На правах одного из соучредителей Комиссия вошла в Международный организационный комитет по созданию Международного сахаровского центра — Фонда Сахарова и проведению Международного конгресса имени А. Д. Сахарова по проблемам прав человека в мире.

Учредители Оргкомитета с советской стороны, а ими являются учреждения науки и культуры, намерены пригласить в его состав ряд зарубежных ученых, общественных деятелей и представителей заинтересованных организаций разных стран мира.

В июне 1990 г. предполагается созвать в Москве общее собрание Международного оргкомитета, чтобы обсудить вопросы подготовки к первому Международному конгрессу имени Сахарова, созыв которого намечен на май 1991 года.

Международные конгрессы имени Сахарова по проблемам прав человека будут проводиться для обсуждения насущных для сохранения цивилизации проблем глобального характера, а также имеющих особое значение для населения страны, избранной для проведения Конгресса.

Для работы первого Конгресса советские участники Оргкомитета предлагают две темы: «СССР и страны Восточной Европы на пути от тоталитаризма к правовому государству» и «Последствия чернобыльской катастрофы в СССР и в мире».

Открытие Конгресса намечено на 21 мая 1991 года — день рождения А. Д. Сахарова, окончание — на 25 мая. Место проведения первого Конгресса имени А. Д. Сахарова — город Москва.

В дальнейшем силами Международного сахаровского центра — Фонда Сахарова планируется проводить Международный конгресс имени А. Д. Сахарова по проблемам прав человека каждые два года в разных городах мира.

К началу первого Конгресса Организационный комитет издаст присланные на Конгресс тезисы, а затем доклады и материалы прошедших на Конгрессе дискуссий.

Конгресс будет сопровождаться обширной культурной программой с участием лучших исполнителей и творческих коллективов мира, сборы от которой пойдут в Фонд Сахарова.

Мы приглашаем общественные организации, благотворительные и частные фонды, предприятия, фирмы и компании, граждан мира, разделяющих цели и задачи Международного оргкомитета, принять участие в организации и финансировании важнейшего неправительственного мероприятия, посвященного памяти Андрея Дмитриевича Сахарова.

Адрес Оргкомитета: 101456, Москва, Бумажный проезд, 14, «Огонек» и 117418, Москва, Новочеремушкинская ул., 46. Институт Восточной Европы АН СССР.

Телефоны: 128-46-78, 212-22-87.

Международный телефакс: (095) 212-22-87, «Огонек».

Внутрисоюзный телетайп: 112849, «Огонек».

По поручению членов Комиссии и Организационного комитета:

О. Т. БОГОМОЛОВ — академик, народный депутат СССР

Е. Г. БОННЭР — председатель Комиссии

С. А. КОВАЛЕВ — заместитель председателя Комиссии, народный депутат РСФСР

В. А. КОРОТИЧ — главный редактор журнала «Огонек», народный депутат СССР

Р. З. САГДЕЕВ — академик, народный депутат СССР

Е. В. ЯКОВЛЕВ — главный редактор газеты «Московские новости», народный депутат СССР

ОТ РЕДАКЦИИ.

Добавим, что среди важнейших мероприятий Комиссии значится обнародование номера банковского счета для сбора средств на сооружение памятника академику Сахарову, вопросы о котором поступают со всех концов страны. Более того, кое-где сбор уже прошел, но деньги эти лежат мертвым грузом. Всем заинтересованным лицам сообщаем, что в ближайшее время мы опубликуем в журнале номера валютного и рублевого счетов общественной Комиссии по увековечению памяти академика А. Д. Сахарова и его наследию и Международного оргкомитета Конгресса имени Сахарова и Международного сахаровского центра — Фонда Сахарова.

■

В последние годы в органы внутренних дел приходят на работу люди с высоким общеобразовательным уровнем, способные разобраться в общественно-политических процессах, происходящих в стране и в мире, без, так сказать, направляющей подсказки политорганов, в частности замполитов ОВД.

Система политорганов в настоящий момент является нежизнеспособной, направлена в своей сущности на поддержку, по мнению моих товарищей, интересов бюрократического аппарата, далекого от сложностей жизни и настоящей работы рядовых сотрудников.

Чем же в основном заняты замполиты? В лучшем случае они проводят мероприятия, не оказывающие никакого влияния на общественно-политическую жизнь коллектива, выпускают стенгазеты, ведут контроль за своевременным написанием протоколов партсобраний и т. п. Постепенно, чувствуя свою незанятость и ненужность, они начинают дублировать обязанности руководителей, зачастую именно там, где в этом нет необходимости. Конечно, при таком положении дел легко понять раздражение сотрудников, когда в их конкретную работу вмешивается ни за что в данном случае не отвечающий человек. Да еще при острой нехватке оперсостава, о чем теперь многие говорят.

По нашему мнению, политическую работу в органах внутренних дел могут осуществлять люди, облеченные доверием коллектива, а именно секретарь партбюро, парторганизации. Наша страна остается едва ли не единственной, где институты политорганов продолжают существовать. Не пора ли и нам, по примеру стран Восточной Европы, отказаться от рудимента административно-командной системы в виде политорганов в органах внутренних дел, должности в которых высокооплачиваемы?

ВОРОПАЕВ, ЦИБА, ДОРДЮН, СОЛОВЬЕВ,
всего 40 подписей,
сотрудники Заполярного ГОМ

■

В статье И. Мильштейна «Выйти на площадь» (№ 1, 1990) «Огонек» рассказал о судьбе московских правозащитников, протестовавших в августе 1968 года против ввода советских войск в Чехословакию. Вскользь упомянут и ленинградский юноша Игорь Бугуславский, выступивший в одиночку...

Он вышел из лагеря в 1971 году — растерянный, замкнутый, погасший, но еще не растерявший всех надежд. По профессии киноинженер, до ареста Игорь работал на «Ленфильме» и наивно рассчитывал туда вернуться в прежнем качестве. Не взяли. Постановщики, из тех, что подобрей, иногда брали его рабочим или такелажником, но официально оформить не решались. Последние двадцать лет ушли на безрезультатные поиски работы по специальности. Безвыходность положения, несправедливость приговора, беззащитность породили в нем чувство обреченности. Игорь болен, одинок, его ждет нищета. Он — жертва обстоятельств, сложившихся в государстве, привыкшем калечить и топтать жизни своих сограждан.

Перед народом Чехословакии нам как бы уже не стыдно — мы признали свою ошибку. Пора обратиться к собственному народу. Пора гласно реабилитировать тех, кто предупреждал об «ошибках», извиниться перед этими людьми и — сегодня им помочь. Правота их ныне очевидна, а плата за эту правоту — лагеря, тюрьмы, психушки и в итоге — невыносимая жизнь и отчаяние!

...Всего более сочувствуешь тем, кто ближе. Игорь родился и вырос на моих глазах, его беды я глубоко переживаю, с его матерью мы прожили вместе самые тяжелые годы. Он не просил меня писать это письмо.

К. БЕЛЯЕВА,
Ленинград

■

Мы много говорим о демократии в гражданской жизни, но остается без внимания жизнь армейская. Инженер, отработав положенные три года после получения диплома и разочаровавшийся в приобретенной специальности, имеет полное право перейти на другую работу. Почему же у нас, военных, нет такой возможности? Мы, выходит, «крепостные» Министерства обороны?

Я хочу расстаться с армией. Полтора года я пытался стать настоящим офицером, но, кроме как «лентяй» и «бездельник», ничего не услышал, ни одного доброго слова в свой адрес. То есть в армии положено быть всем в одной связке, все «подровнены» армейским начальством, и слишком ретивых по службе точно так же, как и действительно ленивых, держат «за одного». Естественно, что в таких условиях карьера перестает интересовать, как постепенно и сама служба.

Но если я «пустое место» для ВС, то почему не имею права уволиться? Да, я действительно когда-то мечтал об армии, читая сплошь надуманные книги о ней. Красивая форма, романтика, наконец, оклад больше, чем у инженера... Вчерашний школьник, так мало знающий жизнь, «клюнул» и на престижное назначение защитника Родины.

И вот расплата: помимо разочарования в армейской жизни, я вынужден был сдать комсомольский билет, скоро, вероятно, придется расстаться со званием, а вместе с тем, по меркам офицера, и с честью. Но, увы, других способов уволиться из рядов ВС у меня, как и у многих моих товарищей, нет.

О. РОМАНОВ,
Литовская ССР

■

Пишут вам советские хоккеисты, которые уже второй год выступают за хоккейный клуб «Партизан» города Белграда, Югославия.

Нас «продали» Совинтерспорт и Госкомспорт СССР. Иного слова мы не можем подобрать, так как мы не участвовали в заключении контракта и не ставили под ним своих подписей. Контракт в Москве нам не удалось прочитать, а ознакомились мы с ним случайно в Белграде только в декабре 1989 г. Первый контракт с сентября 1988 г. по май 1989 г., а второй контракт с июля 1989 г. по май 1990 г. Наконец-то мы узнали, сколько за нас платят СССР ежемесячно и какой процент от этого мы получаем! Оказалось, что сумма второго контракта увеличена Совинтерспортом в 2 раза, а наша зарплата осталась той же. Оказывается, нам должны были предоставить и хорошие квартиры, и застраховать от несчастного случая, и обеспечить бесплатным медицинским обслуживанием и лекарствами нас и наши семьи, и т. д. За исключением квартир, мы от наших новых хозяев ничего не получили (может, они и не знали ничего, так как контракт только на русском языке). За все время нашего пребывания в Югославии Совинтерспорт ни разу не поинтересовался нашей работой и жизнью. Их не интересует, как живут советские хоккеисты и их семьи за рубежом!

ПАМЯТИ САХАРОВА ●
ОПАСНОСТЬ ЦЕНТРАЛИЗМА ●
ПО СЧЕТУ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ ●

Нам до сих пор стыдно вспоминать удивленные взгляды встречавших нас на вокзале в Белграде руководителей и игроков югославского хоккейного клуба (5000 марок ежемесячно, а везут из Москвы консервы!). На горьком опыте прошлого сезона из отпуска в Москве мы везли коробками все, что смогли купить в Москве. Спасибо советской таможне, что вошли в наше положение! Мы — живые люди и надеялись, чего греха таить (как и все выезжающие работать за границу), заработать.

Наша работа требует от нас отдачи больших физических сил. Нас здесь трое игроков: вратарь, защитник и нападающий — и мы приносим команде 80 процентов игрового результата. Находимся на льду $^{2}/_{3}$ игрового времени, а иногда и больше. Получаем же в 2 раза меньше югославских хоккеистов «Партизана». Отношения с игроками в команде сложились братские. Теперь, когда они узнали о наших «доходах», они испытывают к нам еще больше уважения и чувство жалости. Шутя называют нас «самыми дешевыми рабами в мире».

В июне 1989 года, находясь в отпуске в Москве, мы обращались со своими проблемами и «просили» повысить нам оклады в Совинтерспорте и в Госкомспорте. Нам пообещали в короткое время решить наш вопрос положительно. И мы с надеждой уехали в Белград. Однако этот вопрос не только не был решен. Мало того, нам не дали в чужой стране подъемных динаров, и целый месяц мы одалживались у югославов, пока не получили первую зарплату, нам еще два месяца не переводили деньги из Совинтерспорта.

Генеральный директор Совинтерспорта В. Галаев в одной газетной статье пишет о валютных потерях государства при подписании контрактов с НХЛ, а когда же наконец эти государственные мужи подумают о потерях престижа Советского государства, отправляя на таких условиях хоккеистов с семьями для работы за рубежом? Ведь, глядя на нас, судят о нашей стране, о наших людях с их бытом и нравами. Мы уже не говорим о наших моральных, духовных и физических потерях.

Мы не надеемся на улучшение нашего положения, так как через три недели будем уже дома, но очень хотим помочь тем, кто поедет после нас.

В. ДОРОЩЕНКО,
член КПСС, мастер спорта международного класса, бывший игрок московского «Спартака»,
А. МУРАШОВ,
мастер спорта СССР, бывший игрок «Крыльев Советов»,
Ю. ШУМАКОВ,
мастер спорта СССР, бывший игрок «Трактора» (Челябинск)

■

Централизм не может быть демократическим, так как он означает безусловную обязательность решений высших органов для низших. Поэтому «демократический централизм» — это нонсенс.

В проекте Платформы ЦК КПСС к XXVIII съезду партии указывается, что надо «переосмыслить» и «обновить» принцип демократического централизма, то есть этот принцип предлагается сохранить в будущем Уставе партии. Но ведь именно демократический централизм привел партию и всю нашу страну к катастрофе.

В статье В. Шапко «О демократическом централизме» («Правда», 14 февраля 1990 г.) разъясняется, что вместо демократического централизма мы, оказывается, в прошлом получили бюрократический централизм; нам же, дескать, нужен в будущем именно демократический централизм, хотя название его можно несколько изменить. Таким образом, нам предлагается в течение следующих [illegible] испытать новый вид централизма. Неужели еще на нескольких поколениях советских людей хотят проводить эксперименты с централизмом, неужели наше общество будет и далее деградировать?

Опасность централизма для партии и страны прекрасно понимал Г. В. Плеханов — еще до того, как этот принцип был положен в основу деятельности Коммунистической партии. В своей статье «Централизм или бонапартизм?» он писал, что централизм — это «...мертвая петля, туго затянутая на шее нашей партии...». Отвечая на утверждение сторонников централизма, что Центральный Комитет при централизме будет представлять собой коллегию «...самых опытных, самых энергичных, самых закаленных борцов, самых умных и испытанных последователей идей революционного социализма...», Г. В. Плеханов писал:

«В такую коллегию захотели бы войти только ограниченные честолюбцы». «...Я не хочу, чтобы центр нашей партии съел всю партию, подобно тому, как тощие фараоновы коровы съели жирных. ...этот вопрос касается самого существования нашей партии, как партии сознательного, растущего и развивающегося пролетариата».

О предстоящем съезде партии Г. В. Плеханов там же писал: «Ввиду приближения съезда, ЦК всюду «раскассировывает» все недовольные им элементы, всюду сажает своих креатур и, наполнив этими креатурами все комитеты, без труда обеспечивает себе вполне покорное большинство на съезде. Съезд, составленный из креатур ЦК, дружно кричит ему: «ура!», одобряет все его удачные и неудачные действия и рукоплещет всем его планам и начинаниям».

Можно поражаться гениальной прозорливости Г. В. Плеханова! Как точно он предсказал, что принесет партии, стране и народу централизм. Столь меткого попадания «в яблочко», наверное, не было ни у К. Маркса, ни у В. И. Ленина. Если бы В. И. Ленин прислушался к доводам Г. В. Плеханова, то сейчас бы Советский Союз не находился бы на краю пропасти, а народы его не пережили бы кошмаров прошедших десятилетий. Но он не прислушался. И свершилась трагедия!

Г. ШПИРО,
Москва

■

Я бывший учитель, затем «минпросовский работник», а теперь доцент математического факультета, поэтому так называемая школьная реформа начиналась и продолжается у меня на глазах. Начало этому положено в 1966 году. Было написано и издано множество учебников и всевозможных пособий, казалось бы, пользуйся на здоровье. Но нет, начали их «совершенствовать», то есть каждый год переиздавать, а учителей собирать чуть ли не по два раза в год на курсы повышения квалификации. В лучшем случае на этих курсах «джинсовые» молодые люди объясняли седоглавым учителям, как надо понимать книги, предназначенные школьникам. В основе «повышения квалификации» лежала следующая установка: учебник не должен быть самоучителем, ибо если бы он оставался таковым, то терялась бы социальная роль учителя.

Прока, как понимаете, от такой «переквалификации» за последние 20 лет почти никакого. Но никто не подсчитал при этом, в какую сумму обернулись сборы учительской многомиллионной армии.

Сегодня школа переживает очередной «бум» — компьютеризацию. Даже в институте у нас срочно ликвидировали «компьютерную безграмотность», выдали окончившим курсы удостоверения, и... все затихло. Конечно же, подавляющее большинство имеющих свидетельство не сумеет составить элементарной программы, да в том и нет никакой необходимости.

А что в школах? Те, кто смог приобрести дорогую технику, ходят чуть ли не в героях. В таких школах первый этаж обычно «зарешечен»: несколько комнат отведены под занятия начальной военной подготовки, а в остальных, на свою беду, поставили компьютерную технику, выходящую из строя примерно через месяц. И никто ни за какие деньги не берется ее ремонтировать.

Теперь очередное доказательство того, что государство вовсе не «скупится» на образование советских детей. Бывший Минпрос СССР провел конкурс школьных учебников. Определились победители, издательство «Просвещение» получило указание приступить к печатанию «победивших» учебников огромными тиражами. Но тут вдруг начинается обсуждение концепции школы, и в частности математического образования, что являет в свет очередное новшество: мол, математика в старших классах вообще не обязательный предмет!

И что же, запущенные в производство учебники вновь окажутся не у дел? Вот уж поистине где «простота хуже воровства», так это у «конструкторов» общеобразовательной программы, спешащих «перестраиваться» во имя перестройки.

Н. ТЕРЕШИН,
Калининград

■

Мы с женой — инвалиды труда, воспитываем двух дочерей — четырнадцати и пяти лет. Наша пенсия на двоих составляет 157 рублей. В последнее время все чаще говорят о милосердии, но нам кажется, что это только сказка: то кого-то из инвалидов послали за границу для реабилитации, то многодетной семье дали микроавтобус. А вот немного о своей жизни.

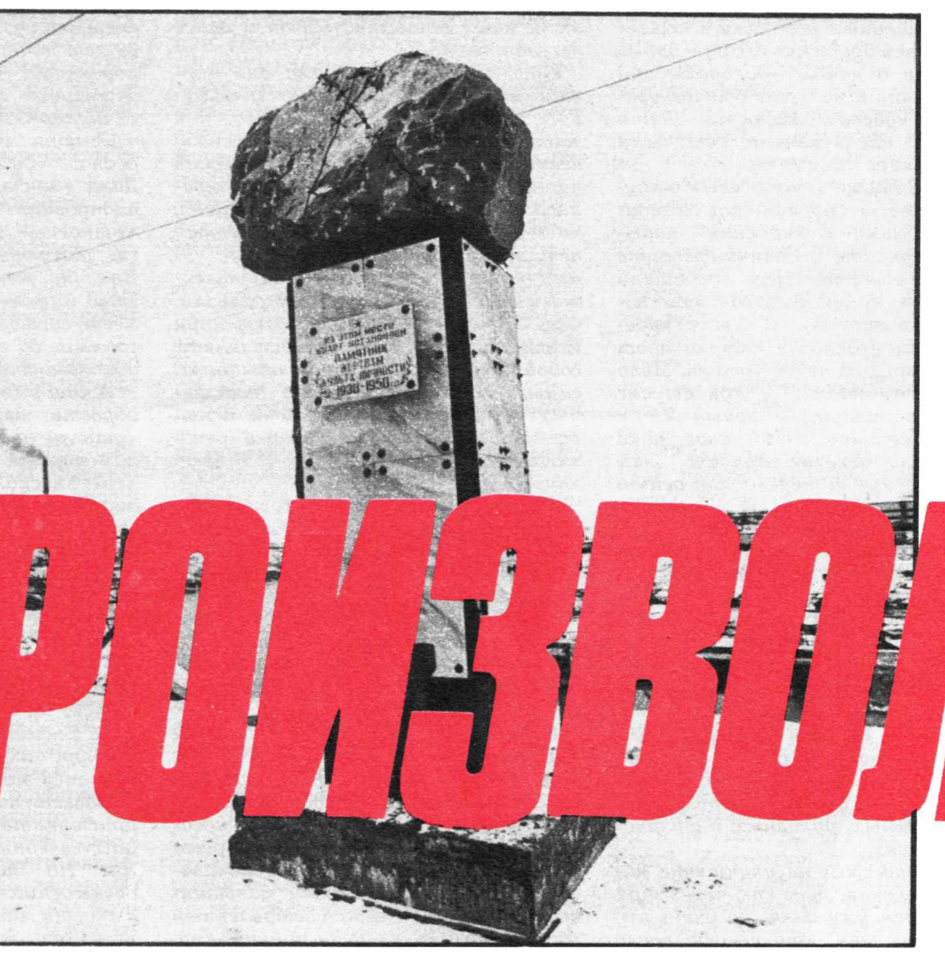
Живем мы в деревне, я без единого пальца на руках, а жена едва ходит. В магазине у нас ничего нет — ни продуктов, ни товаров, огород нам не по силам. И вот представьте, каково мне ездить в райцентр или в облцентр, чтобы хоть кое-что купить для пропитания семьи (да при таких «больших» деньгах в кармане), а потом возвращаться оттуда с сумками, считай, без рук. Я обратился к местным властям с просьбой выделить для жены «Запорожец», но получил ответ, что «Запорожцы» выдаются бесплатно только инвалидам войны. Поймите меня верно, я не против помощи своим товарищам, в полном смысле этого слова, по несчастью, но думаю, что те «Запорожцы», которые инвалиды войны сдают после семилетнего пользования ими, надо отдавать в исключительных случаях бесплатно инвалидам труда. Это, на мой взгляд, будет обходиться куда дешевле, а людям удобнее, чем мотоколяски, которыми в настоящее время обеспечиваются инвалиды труда. Я не знаю, что делать и как «поднимать» семью, от кого и с какой стороны ждать милосердия. Даже такой «пустяк», как проезд в транспорте, для нас, инвалидов, получающих мизерную пенсию, стыдно признаться, бьет по карману...

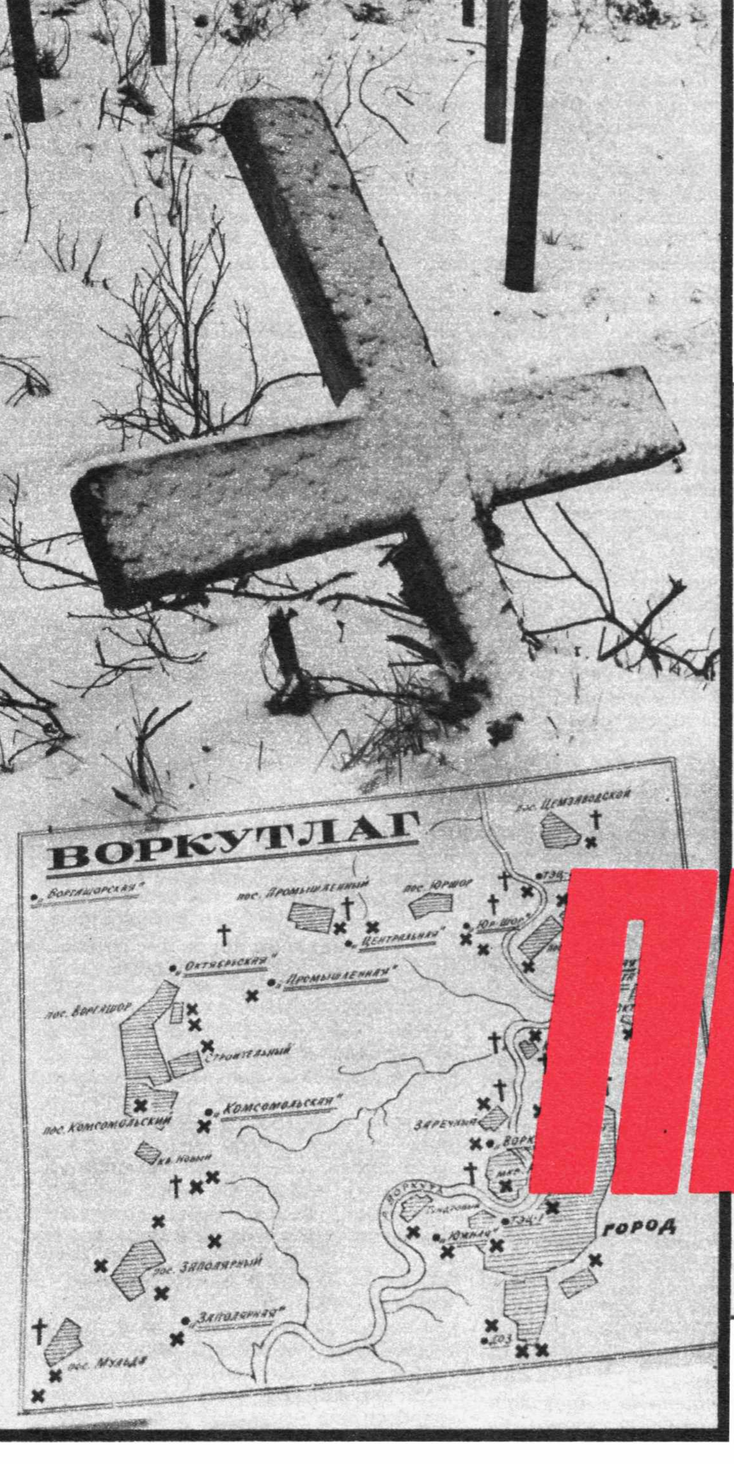
И то хорошо, что переполненный автобус надумает остановиться в нашей деревне. А так, стою я в стужу или в дождь с сумкой, повешенной через локоть, и надеюсь, надеюсь на милосердие. Сколько ждать и откуда, не знаю, но детей кормить надо.

Е. РЫБАКОВ,
инвалид труда 1-й группы,
Костромская обл.

ПРОИЗВОЛ

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

Сергей ИВАНОВ,
кандидат экономических наук

Фото С. СУХОРУКОВА

Всю нашу историю с давних времен пронизывает один и тот же основной принцип организации жизни во всех ее проявлениях. Стоит вглядеться — и мы увидим, что корни наших текущих бед лежат не в верхнем историческом слое 30-х — 70-х годов XX века, а запрятаны на глубине многих столетий; увидим, что корни эти никогда не засыхали и питали наш государственный и общественный организм одними и теми же соками. Это позволит лучше понять причины неудач предыдущих реформ, избавит от иллюзии простого решения проблемы, от подозрения о постоянном коварном вмешательстве в нашу судьбу таинственных внешних сил и, главное, поможет, как мне кажется, легче отделять истинно новые решения от иных, всего лишь имитирующих новизну или откровенно ретроградных.

Произвол... Надо ли подробно доказывать его влияние на всю нашу дореволюционную жизнь? Бесчисленное множество фактов, известных нам из истории и литературы, позволяет говорить о произволе как о переходящем из века в век повсеместном явлении.

Естественный произвол бесконечных завоевателей с востока и с запада сменялся не менее тяжким произволом собственных князей, грабивших соседние владения и уводивших в плен своих единоплеменников. Признавалось только одно право — право сильного и имеющего власть. Наказанный должен был «благодарить за науку». Петр, при всех его прогрессивных замыслах, видел в народе только рабочую силу и гнал кнутом к великой цели, не считаясь с потерями. Вся мощь крепостного права, липкая паучья сеть чиновников, продажные суды — вся сила самодержавного государства вбивала в сознание мечтающего о счастье и воле народа понятие о его подчиненности, о неизбежности и неотвратимости произвола.

«Избалованность власти, не встречавшей никакого противудействия, доходила несколько раз до необузданности, не имеющей ничего себе подобного ни в какой истории. Вы знаете меру ее из рассказов о поэте своего ремесла, императоре Павле. Отнимите капризное, фантастическое у Павла, и вы увидите, что он вовсе не оригинален, что принцип, вдохновлявший его, один и тот же не токмо во всех царствованиях, но в каждом губернаторе, в каждом квартальном, в каждом помещике. Опьянение самовластья овладевает всеми степенями знаменитой иерархии в четырнадцать ступеней. Во всех действиях власти, во всех отношениях высших к низшим проглядывает нахальное бесстыдство, наглое хвастовство своей безответственностью, оскорбительное сознание, что лицо все вынесет...» Так писал А. Герцен в 1849 году.

Клин вышибают клином, произвол — произволом. Часто произволу властей противопоставлялся народный бунт, «бессмысленный и беспощадный», по сути дела такой же произвол, за которым следовало усмирение и восстановление старого положения. Но бунт — крайняя мера, возможная только в условиях большого ожесточения широких масс. А как быть одиночке? Испытанный русский способ — взятка — помогал, но не всегда. Кроме того, обычный произвол и «верхов», и «низов» носил разрушительный характер и не мог вызывать симпатий в народе христианском и миролюбивом. Положение изменилось коренным образом, когда люди почувствовали, что произвол может быть и созидательной силой, восстанавливающей справедливость.

Обратимся к литературе.

Подписав сфабрикованное мошенниками заемное письмо на крупную сумму, Илья Ильич Обломов должен был вскорости полностью разориться. Выручил Штольц. Он не пошел ни в суд, ни в полицию, а рассказал все генералу, в департаменте которого служил один из мошенников. Расправа была быстрой и суровой: генерал приказал мошеннику подать в отставку и пригрозил вообще выгнать его из города, если он не оставит Обломова в покое. Фактически действия Штольца и генерала — тот же произвол, но «хороший». Он выполнил роль, которую в государстве должны играть закон и право, но что же делать, если на Руси эти элементы не только не получили развития, но и сами были ярким образцом произвола. Случай с Обломовым интересен еще и тем, что произвол становился в глазах народа более привлекательным, чем даже хорошо организованное правосудие: ведь подпись-то Обломова под заемным письмом была подлинной, и неизвестно, какое решение вынес бы закон...

По такой схеме благополучно решались у нас самые разные проблемы. Обращения на высочайшее имя, постоянный поиск покровителей и благодетелей, подходы «с заднего крыльца», ходоки в столицу стали обязательным атрибутом нашей жизни. Нередко это помогало спасти и жизнь, и честь. Каждый знает сколько угодно примеров такого рода. Но все эти победы отдельных людей обернулись крупным поражением народа в целом. В его сознании сформировалось твердое убеждение, что единственная реальная сила в жизни — это произвол, и все дело только в том, кому он доверен. В этом нельзя винить никого. Мы испокон веку приучились не верить закону, не уважать ни суды, ни судей, не надеяться на право. В произволе признали универсальное средство и для злых, и для добрых дел. Надо только иметь «доброго начальника» и не попасть «под горячую руку», а попавши, не жаловаться и в полном согласии с окружающими ведать, что сам виноват. На вопрос «так как же тебя судить — по закону или по совести?» — следовал почти всегда один и тот же ответ: «по совести...» А как же иначе? Ставка делалась не на совершенный закон при обычном человеке, а на «совершенного начальника» пусть даже при плохом законе. Идеальный человек у власти... Поиски его не прекращаются до сих пор, но мы не отчаиваемся.

Были у нас, конечно, люди, не мирившиеся с произволом, возражавшие и даже восстававшие против него. Честь им и слава! Освещали они верный путь, и хотя сгорали как свечечки, вели нас к «лучшему будущему».

Я не убежден, впрочем, что зачинатели великих перемен хотели дать бой прежде всего именно принципу произвола как таковому. Они говорили о власти, о политических, экономических, военных и других проблемах, но если и заходила когда-либо речь о ликвидации произвола, то с недвусмысленной добавкой «помещиков и капиталистов». Произвол оставался важнейшим, почти единственным способом решения всех текущих задач, и с этой точки зрения накопленный поколениями опыт был чрезвычайно полезен. Вы можете себе представить, что посланные, скажем, на реквизицию революционные бойцы — вчерашние крестьяне потребуют от своего командира точных инструкций с юридическим обоснованием, кого можно, а кого нельзя репрессировать, какое имущество можно брать, как соблюсти права личности и т. д. и т. п.? Все эти вопросы решались, как и прежде, «по совести», только теперь с прилагательным «революционной», что существенно расходилось с усвоенным ранее христианским содержанием этого понятия и, следовательно, рождало еще больший произвол, выбитый из рук его старых хозяев и перешедший в руки хозяев новых.

«Замечено, что у оппозиции, которая открыто борется с правительством, всегда есть что-то от его характера, но в обратном смысле. И я уверен, что существует известное основание для страха, который начинает испытывать русское правительство перед коммунизмом: коммунизм — это русское самодержавие наоборот» (А. Герцен, 1850).

«Если бы даже случилось то, что предсказывает Маркс, то случилось бы только то, что деспотизм переместился бы. То властвовали капиталисты, а то будут властвовать распорядители рабочих» (Л. Толстой, 1898).

Лев Толстой, с интересом наблюдавший первую русскую революцию, отметил в дневнике (9 марта 1906 г.): «Как ярко выразилось на революционерах, когда они начинали захватывать власть, обычное развращающее действие власти: самомнение, гордость, тщеславие и, главное, неуважение к человеку. Хуже прежних, потому что внове».

Действительность, казалось, опровергала скептиков-пророков: произвол давал возможность быстро решать самые сложные насущные задачи, ради чего и свергался старый режим. Победившие борцы за счастье народа были искренно уверены, что «в своих дерзаниях всегда мы правы», действовали смело... Но цели множились и дробились, ряды старых борцов редели, на их место вставали новые, по-своему понимавшие старые цели и очень хорошо усвоившие идею произвола, которая упрощала все: поиск решения, руководство массами, собственную жизнь. Новая власть, принявшая от старой, царской, эту бациллу, станет вскоре ее жертвой — ее судьба будет зависеть опять только от личностей. Произвол, как некий социальный СПИД, будет быстро разлагать власть, вырождая ее в культ, а затем и в застой. И все начнется сначала.

Десятки лет нас убеждали, что таким путем были получены превосходные результаты без каких-либо издержек.

В последние годы говорят, что, кроме издержек, вроде бы ничего и не было. Я не думаю, что правда у одной из этих сторон, но, вглядываясь в наше достаточно взрослое государство и общество, рассматривая его «фотографии» в отроческом и детском возрасте, я никак не могу сказать, что в 1917-м родился здоровый правовой «ребенок».

В недавнем прошлом в ходу была стандартная формула: «Раньше у нас не было... И только после Октября...» По желанию авторов (преимущественно политических обозревателей) в пропущенные места вставлялись названия самых различных предметов: санаториев, колхозов, самолетов. В последнее время сравнение до и послеоктябрьских реалий вышло из моды, но я просто вынужден использовать этот старый прием, потому что, не сравнив произвол дореволюционный с произволом послереволюционным, мы не поймем до конца, что с нами случилось, не разберемся в своей нравственности.

Так вот, основное отличие «произвола до» от «произвола после» заключается в том, что он из категории любителей перешел в профессионалы.

Если раньше, как свидетельствует литература, подчас достаточно было сказать зарвавшемуся типу: «Да ты Бога-то побойся» или «Как вам людей не стыдно...», чтобы хоть как-то смягчить произвол, то в новое время такие слова, хотя и повторялись по привычке, потеряли всякий смысл. По той простой причине, что перед обиженным человеком уже не было определенного обидчика с конкретным лицом и именем, а стояла крепко сколоченная Система.

В соответствующих томах Большой советской энциклопедии, где это понятие должно было бы быть, вообще не содержится статьи «произвол». При нашем ревнивом отношении к престижу это крупный промах, потому что в этом деле за нами не только богатая практика, но и безусловный приоритет в разработке принципиальной схемы Развитого Произвола. В 1861 году в споре со сторонниками довольно-таки странного мнения, что русские пока не выработали своего национального характера, Н. Чернышевский высказал следующее соображение:

«Основное наше понятие, упорнейшее наше предание — то, что мы во все вносим идею произвола. Юридические формы и личные усилия для нас кажутся бессильны и даже смешны, мы ждем всего, мы хотим все сделать силою прихоти, бесконтрольного решения; на сознательное содействие, на самопроизвольную готовность и способность других мы не надеемся, мы не хотим вести дела этими способами; первое условие успеха, даже в справедливых и добрых намерениях, для каждого из нас то, чтобы другие беспрекословно и слепо повиновались ему. Каждый из нас... Наполеон, или, лучше сказать, Батый. Но если каждый из нас Батый, то что же происходит с обществом, которое все состоит из Батыев? Каждый из них измеряет силы другого, и, по зрелом соображении, в каждом кругу, в каждом деле оказывается архи-Батый, которому простые Батыи повинуются так же безусловно, как им в свою очередь повинуются баскаки, а баскакам — простые татары, из которых каждый тоже держит себя Батыем в покоренном ему кружке завоеванного племени, и, что всего прелестнее, само это племя привыкло считать, что так тому делу и следует быть и что иначе невозможно. От этой одной привычки, созданной долгими веками, нам отрешиться едва ли не потруднее, чем западным народам от всех своих привычек и понятий».

Зародыши любых общественных систем имеются, наверное, в каждом обществе. Как возбудители болезней — в каждом человеческом организме. И в том, и в другом случае все зависит от того, какие из них получат наиболее благоприятные условия для своего развития. В ряду других государств Россия не исключение. Она дала миру выдающихся мыслителей и, хотя никогда не знала демократического правового управления, готовилась к нему усилиями лучших своих людей. Но говоря об общих, качественных возможностях любого развития, не следует, конечно, забывать о количественном соотношении различных исходных элементов, что можно толковать как некую предрасположенность к определенному типу отношений. В России в общественных отношениях явно преобладали элементы авторитарного характера, склонные принять в качестве руководящей идею произвола. Но ничего рокового и фатального в этом не было. На то и революции, чтобы менять коренные условия жизни и создавать наибольшее благоприятствование для иных, нетрадиционных путей.

В 1917 году Россия делала выбор.

Февральские события были кратковременными, но все же в них просматривалась тенденция принять в качестве основы общественных отношений идею права и демократии (при сохранении в качестве основы экономических отношений старой частной собственности). В октябре возобладали иные тенденции: в качестве основы общественных отношений сохранить идею произвола, а в качестве основы экономических отношений принять государственную собственность на средства производства.

Не исключено, что послеоктябрьское общество, даже сохраняя на уровне инстинкта старые привычки к произволу, не пошло бы в его развитии дальше своих предшественников, если бы не возникли некоторые дополнительные обстоятельства, которых Россия самодержавная не знала.

Первым и основным обстоятельством явилось официальное провозглашение произвола важнейшим инструментом государственной и партийной политики и признание его в связи с этим высоконравственным делом. Этого не было раньше. При всей склонности к произволу его не считали моральным, а крайние формы произвола вообще называли самодурством. Теперь государственные и партийные решения проводились силой диктатуры пролетариата. «Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, ника-

кими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть». Так трактовал В. И. Ленин сущность диктатуры пролетариата по подавлению эксплуататоров. У диктатуры было много и других задач, которые требовали иных методов, но задачу подавления — зримую, ясную, персонифицированную до конкретных фамилий и адресов — предлагалось решать только произволом, никакими законами не ограниченным. Всем, наверное, памятны слова В. И. Ленина о том, что массы пока проявляют нерешительность в захвате власти на местах, что массы «робеют». Конечно, нужно было время, чтобы привыкнуть поступать по собственному произволу и к тому же гордиться этим. Нужны были новые понятия о нравственности, и они были сформулированы В. И. Лениным достаточно четко: «Классовая борьба продолжается, и наша задача подчинить все интересы этой борьбе. И мы свою нравственность коммунистическую этой задаче подчиняем. Мы говорим: нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества...». Так замыкался круг: произвол становился нравственным, если он служил *нашим целям*, *нашей* классовой борьбе. Но классовая борьба границ не имела — и произвол постепенно становился безграничным. В движение были приведены миллионы людей, и каждый из них привносил что-то свое в понятие «наши цели». В революции участвовали люди, воспитанные царским режимом, со всеми их понятиями и привычками. Дело осложнялось всеобщей разрухой, ростом преступности, неустроенностью, ожиданием со дня на день мировой революции. Быстрые и решительные, «никакими правилами не стесненные» действия позволяли, как уже говорилось, справиться со многими трудностями. Но стратегические интересы перехода государства и народа на правовой и демократический путь цивилизованной жизни опять были отложены «на потом» и принесены в жертву текущим задачам.

Вторым обстоятельством, способствовавшим ускоренному развитию произвола, стало введение строго иерархических структур управления (прежде всего в партии) и составление номенклатуры должностных лиц, не зависимых от управляемых ими коллективов, назначаемых вышестоящими органами и только им подчиненных. Это была не просто техническая или даже организационная процедура, а важнейшая политическая и социальная акция, создавшая кастовый круг руководителей разных уровней, своеобразно «канонизированных в начальники». Они скоро поняли, что в рамках, определенных начальством более высокого уровня, могут совершенно произвольно вести любые свои дела. Общество стало привыкать к новому, организованному, государственному произволу. Первым, кто понял, что принятый образ действий ведет к огромным потерям, был опять же Ленин. Он стал говорить о праве, о недопустимости законов «калужских и казанских», но идея произвола к тому времени настолько укоренилась в новом революционном сознании, что вытравить ее было уже невозможно. При всем различии вопросов, которые затрагивались в издаваемых декретах и постановлениях, методы их решения продолжали укреплять взятую на вооружение идею произвола. Законы укрепляли произвол. Прежде всего обеспечивалась монополизация власти, «верхам» присваивался максимум прав, «низам» оставлялись одни обязанности.

В политической сфере из многих партий вскоре осталась одна. Даже небольшая угроза ее монополии, которая могла исходить от профсоюзов, была подавлена в зародыше — профсоюзы стали всего лишь «приводным ремнем» от чужого «мотора» к маленьким «колесикам». Монополия власти партии подкреплялась монополией власти в партии: фракции и дискуссии были запрещены. Представление о принятой идеологии как о единственно правильной не требовало доказательств и позволяло автоматически зачислять всех инакомыслящих в категорию еретиков.

В хозяйственной сфере создавались наркоматы по отраслям. Создание колхозов позволило монополизировать и сельскохозяйственное производство. Вскоре во всем народном хозяйстве осталась одна форма собственности.

По аналогичной схеме монополизировалась творческая деятельность. Союзы писателей, художников, композиторов и пр.— те же наркоматы-монополисты — обеспечивали удобное руководство из одного центра самыми, казалось бы, «неруководимыми» людьми бывших «свободных» профессий.

Иногда возникает вопрос: могла ли система, родившаяся в октябре 1917 года, коренным образом измениться, скажем, в конце 20-х — начале 30-х годов? Все живое (и биологическое, и социальное) имеет свою внутреннюю логику, алгоритм развития. Логика нашей системы легко отторгла нэп как совершенно несовместимое и чужое ей, принадлежащее иному миру явление. Та же логика привела к диктатуре. Можно сказать, что они искали друг друга — система и диктатор. Из многих претендентов самым подходящим оказался один, наиболее последовательный идеолог произвола, ранее других почувствовавший всю зыбкость грани между понятиями «наши цели» и «мои цели» и неограниченные возможности, которые проистекали из этого. В нашей послереволюционной жизни мы столкнулись с интереснейшим феноменом.

Происходило наглядное превращение идеи в материальную силу, когда она овладевает массами (в данном случае — массами руководителей). Шел интенсивный процесс беспрепятственного саморазвития одного из вариантов человеческого сообщества, который мы можем наблюдать изнутри от самого начала — появления зародыша до формирования вполне взрослого социального организма.

Неверно думать, что процесс централизации и монополизации шел только под давлением сверху или что этот процесс встречал сопротивление. Формирование монопольных систем и отношений шло спонтанно, передаваясь по управленческой пирамиде, как цепная реакция. Каждый из «винтиков» системы, на каком бы ее уровне и в какой бы ее клеточке ни находился, прекрасно понимал или инстинктивно чувствовал, что если он примет предложенные «правила игры», то непременно и надолго, если не навсегда, станет «Батыем и архи-Батыем» над своим «покоренным племенем» — независимо от того, считают его наверху всего лишь баскаком или даже «простым татарином».

Сложившаяся в «батыйской» системе философия отторгала руководителей, допускающих рассуждения, не проявляющих строгости, твердости и непреклонности в проведении «линии». Постепенно самым ценимым наверху и потому самым устойчивым стал тип руководителя, который можно назвать словами: «прогрессист и деспот». Это определение принадлежит И. С. Тургеневу и было высказано им одновременно с понятием «нигилист», вызвавшим в то время много шума. Зато характеристика губернатора — «прогрессист и деспот», естественная уже тогда,— становилась все более точной и всеобщей в наше время для оценки деятельности новых руководителей, которые, в отличие от Петра, не просто гнали народ кнутом к великой цели, но ради «светлого будущего» заключали его в лагеря и расстреливали.

Выше говорилось, что власть, основанная на произволе, будет всецело зависеть от личных качеств руководителей. Речь здесь не идет, конечно, о всем разнообразии свойств, вообще присущих каждому человеку. Руководители бывали добрыми и злыми, веселыми и мрачными, умными и не очень. Дело в другом. Система произвола требовала от всех своих адептов особых свойств, нерассуждающей преданности более высокой инстанции, способностей быстрой, безынерционной смены «убеждений» в зависимости от воли (а иногда и каприза) центра, отказа от вчерашних друзей и предания их анафеме как врагов.

Остановимся на одном свойстве многих руководителей того времени, которое было неизбежным побочным результатом системы произвола и, хотя официально осуждалось, распространено было широко. Это некомпетентность. Она возникала в силу ряда причин. Прежде всего претензия руководить на «своей» территории всем и вся расходилась с естественно ограниченными возможностями человека. Отсутствие конкуренции вело к застою любого «неаппаратного» мышления, а нескончаемое «ура!» по поводу всего, что изрекалось руководителем, было способно хоть кого привести к сознанию собственной непогрешимости. К этому можно добавить перемещения по службе, в ходе которых человека «бросали» с одного участка на другой, подчас совершенно незнакомый; выдвижение по принципу личной преданности и многое другое. Последствия были печальны.

Некомпетентные люди руководили наукой, культурой, литературой и искусством. Я затрудняюсь отыскать такую сферу жизни, где можно было бы найти результаты компетентных действий. До недавнего времени таковой считалось военное дело. Но последние данные о потерях в войне заставляют усомниться и в этом. Оказывается, наша армия потеряла 22 миллиона солдат (общие потери вместе с мирным населением — 46 миллионов), а Германия на Восточном фронте против нас и Польши — 1,5 миллиона. То есть на каждого убитого немца — четырнадцать наших. Такова цена некомпетентности в этой сфере. К пережитому всеми народами прибавлялось пережитое каждым в отдельности.

Система не любила и отторгала человека. Ей нужен был работник, старательный и безропотный; благодарящий за счастливое детство, даже если его родителей сослали; аплодирующий, когда надо; кричащий «долой!», когда власти указывали ему на врага; являющийся немедленно по вызову и не сующий свой нос, куда не следует. «Наиболее распространенная из теорий, определяющих отношения отдельного человека к интересам страны, имеет девизом очень простое и краткое изречение — «Не твое дело»... С изумительною настойчивостью преследует она свою цель и в конце концов действительно достигает того, что девиз «Не твое дело» не только становится внешним правилом, определяющим человеческие действия, но входит в нравы». Это — Салтыков-Щедрин.

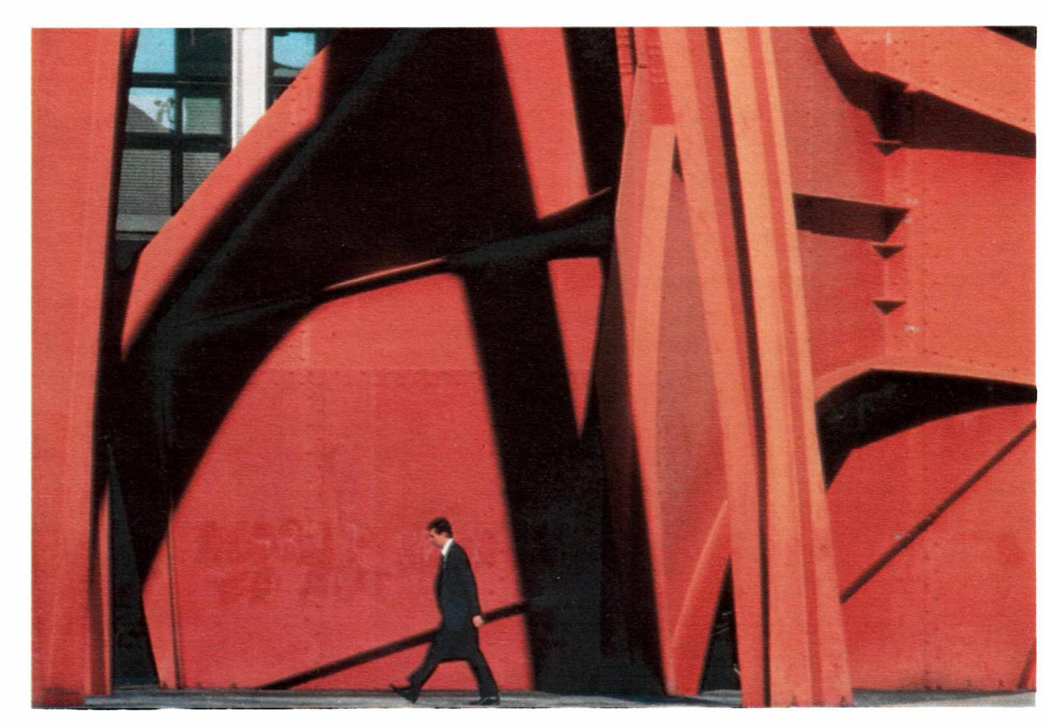
В государстве, называющем себя народным, народ оказался на положении бедного родственника. Одни смирялись и замолкали, другие становились «жалобщиками» и даже «клеветниками», третьи принимали диктуемые условия, потихоньку попивали, подвирали и аплодировали. Но «привычка не может быть ограничиваема какими-нибудь частными сферами: она охватывает все стороны жизни. Нельзя выдрессировать человека так, чтобы он умел, например, быть энергичным на ниве и безответным в приказной избе... Он будет таким же вахлаком и за сохою» (Н. Чернышевский). Энтузиазм, рожденный революцией и подогнаемый максималистскими амбициозными претензиями руководства «догнать и перегнать» всех, не мог продолжаться вечно, как и любой другой порыв. Инстинктивной самозащитой общества от превышающей его наличные силы, изнуряющей гонки могу я объяснить появление в трудолюбивом народе работника-поденщика, готового сделать свое дело кое-как, приписать и украсть по мелочи.

Частные беды отдельных людей, повторяясь неоднократно, становятся типичными и осознаются в народе как большая общая беда. Так все мы пришли постепенно к нашему безнадежному *«все равно никому ничего не докажешь»*... Не знаю, породил ли какой другой народ на свете столь печальную философию. На ней кончается Человек и начинается обыватель. На мой взгляд, в ее распространенности — главный грех власти, за который всем еще долго придется расплачиваться. Теперь народ не безмолвствует. В этом — надежда на лучшее будущее и... опасность вернуться к старому. Какие идеи возобладают в сумятице митинга? Перед нами множество нерешенных вопросов: пища, одежда, жилье... Опять хочется сделать все быстрее. Опять нетерпение и — нетерпимость. Один за другим появляются новые законы, устанавливающие идею права. Но вошедшая нам в плоть и кровь идея произвола, наш вечный *«серый кардинал»*, уже нашептывает свои советы. И вот исполнительная власть по своему произволу толкует закон; одна нация, недовольная другой, вершит над нею свое насилие. Даже народные депутаты — «лучшие из лучших» — не желают слушать иные точки зрения и нетерпеливо «захлопывают» своих коллег.

Иногда приходится слышать о насилии как причине всех бед. Считаю это глубоко ошибочным. Два понятия идут рука об руку в нашей революционной истории — насилие и произвол. Но это не сиамские близнецы. Давно пора разделить их и дать каждому свою оценку. Насилие, опирающееся на закон,— неизбежное и обязательное условие существования демократического государства, необходимая форма защиты права от всех посягательств на него. Как иначе можно обеспечить выполнение всеми закона (и, в частности, борьбу с преступностью), пока уважение к нему не стало естественным свойством каждого гражданина?

Иное дело — произвол. Революционеров, говоривших об оправданности произвола в 1906 г., еще можно понять — все тогдашние законы были в руках их противников. Но революционеры, настаивавшие на оправданности собственного произвола в 1920 г., когда они сами издавали законы, уже вызывают недоумение. Сохранение произвола после «полной и окончательной» не имело никаких объективных оснований. Произвол опасен в любом виде, независимо от того, связан он с насилием или нет. Ведь награждение орденом заведомо недостойного — тоже произвол и безнравственное дело, хотя не сопровождается насилием. Никакой произвол не может быть лекарством для общества, давно отравленного этим ядом. Пора дать решительную отставку нашему «серому кардиналу». Но как это сделать, если он внутри нас, в каждой нашей клеточке, и опять опасно поднимает голову? Хорошо, что крики бывших и настоящих «батыев» и «баскаков» самых разных калибров о том, что они никак не могут поступиться своими принципами, все чаще вызывают смех. Их идейное поражение очевидно. Но не надо недооценивать их реальной силы. Отступать нам некуда: *эта перестройка последняя*. Если она победит, другой просто не понадобится, начнется нормальная жизнь — без произвола, без подавления личности.

Размышляя об ужасах эпохи Николая I, Герцен писал: «Еще один век такого деспотизма, как теперь, и все хорошие качества русского народа исчезнут». Какие еще предупреждения нужны нам? Или мы не учимся на собственной истории?

Эмиль Лундер (Нидерланды). «АРХИТЕКТУРА».

Профессиональные фотографы из 64 стран прислали на конкурс рекордное количество снимков, более 11 тысяч. Международное жюри единогласно признало лучшей фотографией года работу американского репортера Чарли Кола «Из плоти и стали», которую он сделал во время событий в Пекине. Советские мастера Андрей Соловьев и Иван Куртов (ТАСС), Владимир Федоренко (АПН) завоевали высокие призы — «Золотой глаз». Различными наградами отмечены работы Льва Шерстенникова и Эдуарда Эттингера («Огонек»), Анатолия Иолиса, Игоря Костина (АПН).

Геннадий КОПОСОВ,
член жюри «Уорлд Пресс Фото-90»

УОРЛД ПРЕСС ФОТО-90

Чарли Кол (США). «ИЗ ПЛОТИ И СТАЛИ».

Антони Суау (США) «НЕТ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЕ».

Эрик Буве (Франция) «ПОХОРОНЫ ХОМЕЙНИ».

Франц Мартин Лантинг (Нидерланды).
«НУЖНА ПОМОЩЬ».

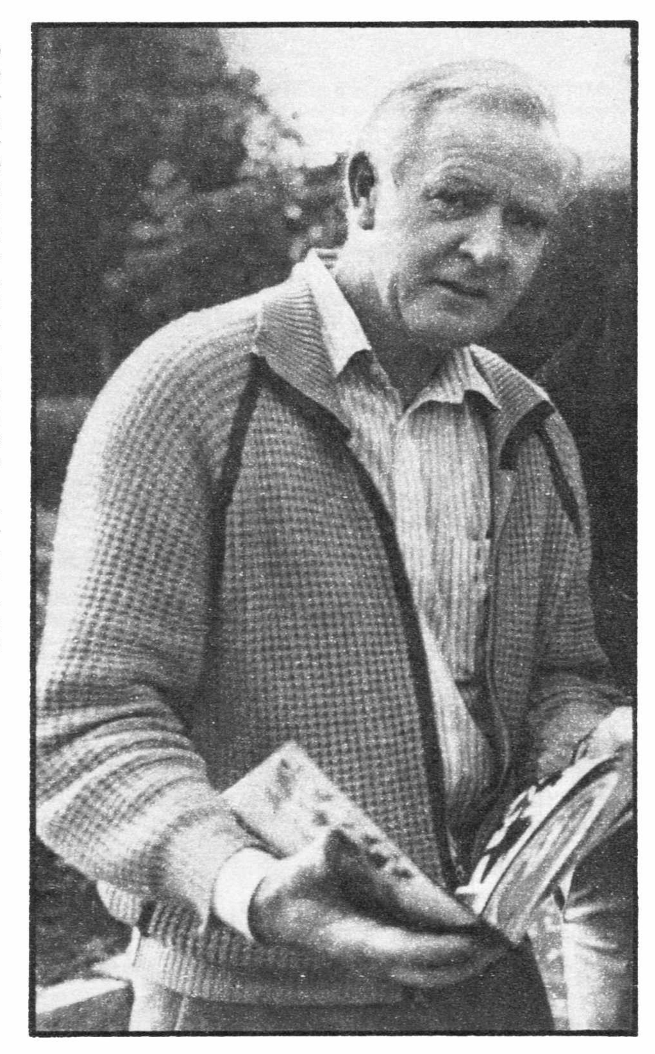
Франц Мартин Лантинг (Нидерланды). «АНТАРКТИЧЕСКИЕ ОСТРОВА».

Владимир Федоренко (СССР). «МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ».

Дорогие читатели «Огонька»,

искренне приветствую вас и желаю вам получить удовольствие от этого романа. Пусть он вас не слишком пугает, ведь он написан о том, какими мы были, а не о том, какие мы сейчас. Я написал его в самые мрачные дни «холодной войны», несколько месяцев спустя после того, как стал свидетелем возведения Берлинской стены, в состоянии горького отчаяния при виде тех ужасных вещей, которые каждая сторона причиняла другой «во имя человечества». Кажется, в то время была в ходу русская шутка: «Войны не будет, но в борьбе за мир не останется камня на камне». Эта шутка выражает мои тогдашние чувства и в какой-то мере объясняет горечь и цинизм моего главного героя, Алека Лимаса.

«Холодная война» окончилась. Я в это верю, надеюсь, что вы — тоже. Давайте никогда больше не будем стоять по разные стороны стены, швыряя друг в друга лозунги. Давайте никогда не забывать, что каждая личность выше духом, чем создаваемые ею учреждения, и что гуманность всегда может объединить нас — даже тогда, когда идеология утверждает, что это недопустимо.

Почти каждый день мы читаем в западной прессе о несчастьях, выпавших на долю советских республик. Мы читаем о дефиците, трудностях и разочарованиях советских людей, и, заверяю вас, ни одному хотя бы мало-мальски разумному человеку это не доставляет удовлетворения. Лучшие из нас разделяют вашу боль и ищут пути ее облегчения.

И мне кажется, что мой роман может в какой-то мере принести такое утешение. Возможно, советского читателя утешит мысль о том, что, несмотря на все нынешние трудности, этот период нашей общей истории навсегда закончен. И что период бурных перемен — справедливая цена за освобождение из ледяного плена «холодной войны».

Джон Ле Карре

27 февраля 1990 г.

Об авторе и его книге

«ШПИОН, КОТОРЫЙ ВЕРНУЛСЯ С ХОЛОДА»

Мы встретились позапрошлой весной, как в шпионском романе. Два бывших разведчика: Давид Корнвелл, известный под псевдонимом Джон Ле Карре, работавший против нашей страны в годы «холодной войны», и я, советский разведчик, рискнувший однажды выдать себя за его коллегу. И вот мы пожимаем друг другу руки, и сам Джон Ле Карре пишет дарственную надпись на фронтисписе бестселлера «Маленькая барабанщица» — шпионского романа о борьбе израильского Моссада против палестинцев: «С наилучшими пожеланиями — коллеге...»

Эту книгу я купил за валюту и с огромным интересом, как все книги Ле Карре, прочитал в 1983 году, когда она вышла в свет, но я сказал ему честно, что с точки зрения литературной нашей профессии я ставлю превыше всего его книгу 1963 года: «Шпион, который вернулся с холода».

Как я выяснил, мы оба жили в Хемпстеде. Он учился в частной школе, а я, как сын представителя «Интуриста» в Англии,— в школе Лондонского графства. Он начал работать против нас в Австрии в 50-х. Но мы никогда не забывали, что во второй мировой мы были союзниками. Он уважал Сталина, я — Черчилля. Потом он возненавидел Сталина, а я стал дважды ЧСИРом (членом семьи изменника Родины), когда Берия арестовал отца и сестру, и я тоже разлюбил Сталина. Ле Карре любит Гоголя, а я перевел «Миргород» и «Вечера на хуторе близ Диканьки». Из советских писателей он любит Юрия Трифонова, я же учился с Юрой в литстудии.

Пусть это непатриотично, но по жанру шпионского романа мы всегда заметно отставали от англичан. И в первую очередь потому, что нам легче было перейти через линию фронта, чем преодолеть колючую проволоку соцреализма и минные поля цензуры. Как это ни парадоксально, во многом бывший оперативный разведчик Корнвелл мне ближе и понятнее, чем наши штабные разведчики — белая кость. Или непрофессионалы, высасывающие из пальца свои сногсшибательные сюжеты.

Возвращаясь к цензуре, скажу, что, насколько нам всем известно, только она виновна в том, что такой выдающийся разведчик, как Ким Филби, увы, не оставил нам настоящих откровенных мемуаров. Изданная в Англии книжка «Моя молчаливая война» — это лишь полуфабрикат.

В духе гласности открою страшную тайну: Ле Карре жаловался в «Шпионе...», что отставной резидент СИС Алек Лимас получал пенсию в скромном размере 400 фунтов стерлингов в год, мы же вообще не получали пенсию после войны и выхода «на пенсию». Давно не секрет, что разведчикам нашим Сталин выплачивал минимальные средства и зарплату, требуя при этом максимальных результатов. Словом, держал нас вождь в черном теле. Кадры, которые «решали все», не жалел. Известно, что Рихарду Зорге прекратили выплату жалованья, пока он лечился, разбившись на мотоцикле. А когда его арестовали, Сталин отрекся от него, как писал Л. Треппер, бывший шеф «Красного оркестра», и отказался обменять его на пленного японского генерала. Это должны знать все.

Корнвелл — Ле Карре учился в Берне и Оксфорде. Меня не пустил в Оксфорд Суслов из-за анкеты: ЧСИР плюс пребывание на оккупированной территории! То, что я занимался там разведкой, для этого «серого кардинала» ничего не значило.

История разведок — это история побед и поражений. При Сталине у нас было больше поражений, потому что разведчики наши находились между молотом и наковальней. Зарубежные разведки терпели поражения от врагов. Наши разведчики погибали и от врагов, и от Сталина. Нам стреляли в спину.

Двоих наших разведчиков, равных по калибру Зорге, Л. Треппера и Ш. Радо, Сталин и Берия засадили в тюрьму. Они выжили только потому, что умер Сталин и расстреляли Берию.

Увольняя агентов, СИС — Сикрэт Интеллидженс Сервис — дарила им золотые часы. Сталин и Берия чаще всего расплачивались пулей под череп, но не брезговали ни японской виселицей, ни американским электрическим стулом.

Зато палача Вышинского — после расстрела Берии он сам пустил себе пулю в лоб в Нью-Йорке — с почетом похоронили в Кремлевской стене, недалеко от «хозяина». А на место палача Берии назначили палача Серова.

За то, что начальник Разведупра Берзин говорил правду Сталину, тот расстрелял его. Зато аллилуйщики Сталина, все сделавшие, чтобы обеспечить «внезапное нападение» и успех блицкрига, выходили у нас в маршалы.

А в Британии отправили на почетную жирную пенсию одного из «Си» — шефов СИС, хотя по сей день его публично, в прессе, обвиняют в измене, в том, что он работал на противника. Это, так сказать, другая крайность. Впрочем, и мы с почетом отправляем на жирные пенсии не справившихся с работой министров.

Эйфория победы и законы соцреализма заставляли нас врать и после войны в полном соответствии с русской поговоркой: война прошла, похвальба пошла. Конечно, у нас были свои реалисты: Быков, Адамович, Бакланов, Некрасов... Но тогда лишь единицы читали эпопею Гроссмана «Жизнь и судьба». Изначально больше было Бубенновых, Бабаевских, Панферовых.

У Ле Карре нет никакой лакировки. Его правду поляки называют брутальной, то есть зверской, правдой. Его третья книга (за три года!) принесла ему заслуженную мировую славу. Это не просто шпионская история, а политический роман высокой пробы, подлинно художественная проза, классика в своем роде. Подкупают у Ле Карре не только правдивость, но и заостренное внимание к моральным вопросам. У наших авторов этого жанра они, как правило, начисто отсутствуют. Но если у нашего народного мстителя не возникает вопроса о допустимости ликвидации высокопоставленного гитлеровца, за которой следуют поголовные расстрелы и ссылка в Освенцим пленных партизан, арестованных подпольщиков и просто мирных жителей, то что он за человек?! И что за писатель, если он не интересуется душой своего героя?!

Мы еще не воздали по-настоящему Сталину, Берии и присным за разгром нашей военной разведки и контрразведки в канун величайшей из войн. Налицо моральная путаница и растерянность из-за резкого сдвига нравственных ценностей, краха замшелых догм и принципов. У Ле Карре нам стоит поучиться если не таланту — он дается милостью Божией,— то элементарной человечности, которая у нас почила в бозе с классиками русской литературы. Обидно, когда убеждаешься, что многие зарубежные авторы, не только Ле Карре, ближе нас к нашей классике, человечнее.

Еще позавчера эта книга Ле Карре считалась антисоветской, антикоммунистической. С точки зрения нового мышления осуждала она сталинщину и нас, какими мы были при Сталине. Да и долго после него. Великие тираны бросают длинные тени в будущее. В конце мрачного тоннеля наконец-то мерцает свет. Новое мышление диктует нам новые нормы поведения. Пора, товарищи и джентльмены, перестать сводить счеты. Козни, убийства — соль детективных и шпионских романов, но пора и на них наложить мораторий. Пусть убийцы исчезнут, подобно динозаврам. Мы все должны «вернуться с холода», потому что народы мира устали от окаянной «холодной войны». Да внемлют им Московский Кремль и вашингтонский Капитолий.

О лучшей книге Джона Ле Карре даже создатель Джеймса Бонда сказал: "Это очень, очень прекрасная книга».

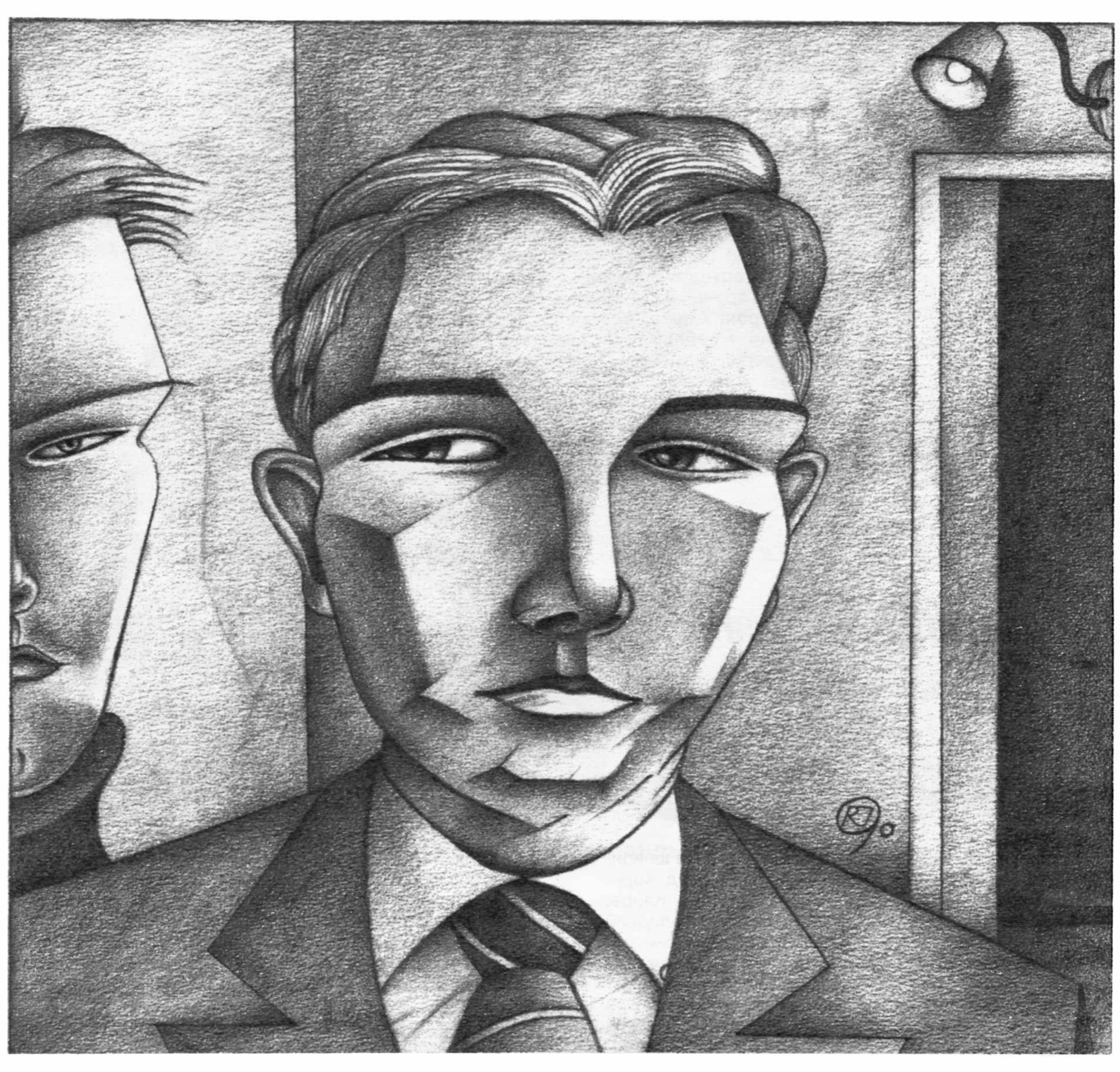
А вот что сказали другие. Лорд Чарльз Перси Сноу: «Джон Ле Карре — лучший из всех живых и мертвых авторов шпионских романов». Грэм Грин: «Это лучший роман о шпионаже, который я когда-либо читал».

Уже через год после выхода в свет «Шпиона...» его перевели на 12 языков. Мы, как обычно, опоздали — почти на 30 лет.

Овидий ГОРЧАКОВ

Рисунок
Роберта ДЖОРДЖАНА

ШПИОН, КОТОРЫЙ ВЕРНУЛСЯ С ХОЛОДА

РОМАН

КЕМБРИДЖСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Он следил за тем, как под ним проваливается беговая дорожка аэродрома Темпльгоф.

Лимас не был склонен к размышлениям и тем более к философии. Он знал, что его списали — такова действительность, и с ней нужно смириться, как человек смиряется с тем, что заболел раком или попал в тюрьму. Он знал, что ничего не подготовлено, чтобы перебросить мост из прошлого в настоящее. Он принял крах, как принял бы смерть,— с цинизмом и мужеством одинокого человека. Он тянул дольше других; теперь он вышел в тираж. Говорят, собака живет, пока у нее есть зубы. В переносном смысле слова у Лимаса не осталось зубов. Их выбил Мундт.

Десять лет тому назад он мог выбрать другой путь. Была канцелярская работа в безымянном правительственном учреждении, помещавшемся на Кембриджской площади. Лимас мог получить эту работу и просидеть на ней Бог знает сколько. Но Лимас был устроен иначе. С тем же успехом можно предложить жокею стать клерком.

Лимас не променял бы оперативную работу на интриги и мышиную возню в правительственном офисе на Уайтхолле. Он продолжал оставаться в Берлине, понимая, что Отдел Личного Состава не только пометил его досье к пересмотру в конце каждого года, но и на деле проверял его тщательно, строго, с соблюдением правил инструкции.

«Обойдется»,— говорил он себе. Разведка с моралью накоротке: цель оправдывает средства, и лицемеры с Уайтхолла подчинялись этому неписаному закону. Они оплачивали Лимаса. До той поры, пока не появился Мундт.

Даже странно, как быстро Лимас понял, что Мундт — его злой рок.

Ганс-Дитер Мундт родился в Лейпциге сорок два года тому назад. Лимас знал его досье, видел фотографию на внутренней стороне папки — отрешенное тяжелое лицо под соломенными волосами. Он знал наизусть историю его восхождения к вершинам власти, знал, каким образом он стал вторым человеком в Отделе Разведки (ОР) и самым умелым руководителем оперативных работ. Мундта ненавидели сотрудники его же отдела; Лимасу об этом говорили перебежчики и Римек, который, будучи членом президиума Объединенной Социалистической Партии Германии, заседал в Комитете Безопасности вместе с Мундтом и безумно его боялся. Боялся не зря: Мундт, как известно, убил его.

До 1959 года Мундт формально был еще маленьким чиновником в ОР, который проводил операции в Лондоне под видом члена Восточногерманской Сталелитейной Компании. Оттуда он поспешил вернуться в Германию после того, как убил двух своих же агентов, спасая собственную шкуру, и о нем не было слышно больше года. Потом он вдруг появился в штабе ОР в Лейпциге на должности заведующего сектором Материального Снабжения, в обязанности которого входило обеспечение специальных заданий конвертируемой валютой, необходимой аппаратурой и агентами. В конце этого года началась страшная борьба за власть внутри ОР. Резко уменьшилось количество офицеров, имевших связи с Советским Союзом, ослабело их влияние, многие представители старой гвардии были уволены по идеологическим причинам, и на поверхность всплыли три человека: Фидлер стал руководителем контрразведки, Йаан занял место Мундта, а сам Мундт снял сливки: в возрасте сорока одного года стал директором Оперативного Отдела. С этого времени установился новый стиль работы. Первый агент, которого Лимас потерял, была молодая девушка. Она использовалась в качестве связной. Всего лишь маленькое звено в цепочке. Они убили ее на улице, когда она выходила из кино в Западном секторе. Полиция так и не нашла убийцу, и Лимас поначалу склонен был считать, что происшествие не связано с ее работой. Месяц спустя на шпалах нашли изуродованный труп списанного агента из цепочки Питера Гийома, который работал носильщиком на железнодорожной станции в Дрездене. Теперь уже Лимас понимал, что это не совпадение. Вскоре еще два агента из цепочки Лимаса были арестованы и в ходе упрощенной судебной процедуры приговорены к смертной казни. И пошло, и пошло... Ни жалости, ни угрызений совести.

Теперь они покончили с Карлом, и Лимас покидал Берлин в том же положении, в каком приехал туда: без единого агента, стоящего хотя бы ломаного гроша. Мундт выиграл.

Лимас был коренастым мужчиной с коротко подстриженными седеющими волосами и физическими данными пловца. Мускулистые спина, плечи и шея, а особенно крепкие жилистые руки с короткими пальцами выдавали в нем недюжинную силу.

К одежде, как, впрочем, и ко всем остальным вещам, он относился с чисто утилитарной точки зрения и даже очки носил в металлической оправе. Костюмы, как правило, были из синтетики и все без жилетов. Он предпочитал рубашки американского стиля с пуговками на кончиках воротника и шведские ботинки на каучуке.

У него было привлекательное лицо с резко очерченными тонкими губами и маленькие карие глаза (о таких глазах говорят: «Как у ирландцев»). Трудно было угадать его социальное положение. В Лондонском клубе швейцар вполне признал бы в нем будущего члена. В ночных клубах Берлина ему всегда предлагали лучшие места. Он выглядел человеком, с которым лучше не связываться, который своего не уступит, даже если придется быть не совсем джентльменом.

...Стюардессе он приглянулся. «Из северной части Англии,— подумала она (и была не далека от истины),— богат (что было очень далеко от истины), лет пятьдесят (примерно правильно), холост (наполовину правильно: когда-то он разошелся, где-то у него были дети — теперь уже подростки; они получали свое содержание из маленького частного банка в Сити)».

— Если хотите еще виски,— сказала стюардесса,— поспешите. Через двадцать минут мы будем в Лондоне.

— Больше не надо.

Он не посмотрел на нее. Он не отрывал глаз от серо-зеленых полей Кента.

Фоули встретил его на аэродроме и повез в город.

Журнальный вариант.

— Контролл очень недоволен историей с Карлом,— сказал он, искоса поглядывая на Лимаса.
Лимас кивнул.
— Как это случилось? — спросил Фоули.
— В него стреляли. Работа Мундта.
— Убили?
— Видимо, да. Во всяком случае, лучше бы убили. Ему почти удалось перейти. Если бы он не спешил, возможно, они и не распознали бы его. Распоряжение ОР пришло на КПП, когда он уже, можно сказать, перешел в Западный сектор. Они запустили сирены, и часовой расстрелял его ярдах в двадцати от демаркационной линии. Несколько секунд он еще шевелился на земле, потом застыл.
— Бедняга.
— Точно,— сказал Лимас.
Фоули не любил Лимаса, и Лимас это знал. Фоули был членом нескольких клубов, носил солидные галстуки, с важным видом говорил об известных спортсменах и на канцелярской ерунде дослужился до какого-то там чина. Он считал Лимаса подозрительным, а Лимас его — дураком.
— В каком ты отделе?
— Личного состава.
— Нравится?
— Безмерно. Куда меня теперь денут? Законсервируют?
— Спроси лучше у Контролла, старина.
— А ты не знаешь?
— Знаю, конечно.
— Какого же черта не хочешь сказать?
— Не могу, старина,— ответил Фоули, когда Лимас уже начал было выходить из себя, но передумал: все равно правды не узнать от него.
— Ладно, скажи хотя бы, нужно ли мне обзаводиться в Лондоне какой-нибудь вонючей квартирой.
— Не думаю, старина, не думаю,— почесал Фоули за ухом.
— Не думаешь, значит. Ну, слава Богу.
Они подкатили к платной стоянке на Кембриджской площади и вместе вошли в вестибюль своего учреждения.
— У тебя нет пропуска? Придется выписать временный.
— С каких это пор нам нужны тут пропуска? Макккол меня знает как облупленного.
— Новые порядки. Разрастаемся, старина, разрастаемся...
Лимас промолчал, кивнул Макколу и прошел в лифт, так и не предъявив пропуска.

Контролл осторожно пожал ему руку, словно доктор, ощупывающий место перелома.
— Вы, наверно, безумно устали,— извиняющимся тоном сказал он.— Садитесь же!
Тот же бесцветный голос и ослиный педантизм.
Лимас сел лицом к зелено-оливковому электрическому камину, поверх которого был установлен увлажнитель.
— Вам не холодно? — спросил Контролл, переминаясь с ноги на ногу и потирая руки перед камином.
Под черным пиджаком виднелся коричневый свитер. Лимас вспомнил жену Контролла, маленькую глупую женщину по имени Мэнди, которая искренне верила, что ее муж работает в Комитете угольной промышленности. «Наверно, сама вязала».
— От камина ужасная сухость,— продолжал Контролл.— Только воздух нагреется, как делается невыносимо сухо. Не знаю, что хуже.— Он подошел к столу и нажал кнопку.— Попробуем получить кофе. Беда в том, что Джинни в отпуске. Дали мне какую-то новую девицу. Хуже не придумать.
Он, оказывается, ниже, чем помнилось Лимасу, а в остальном все, как было. Та же деланная вежливость, то же старомодное тщеславие, тот же страх перед черновиками, по-прежнему рекомендует методы, ничего общего не имеющие с жизненным опытом Лимаса. Та же улыбка (жидкий кофе с молоком), та же отработанная неуверенность и строгое соблюдение хорошего тона, который он якобы считает смешным. Та же пошлость.
Он принес пачку сигарет со стола и протянул Лимасу.
— Теперь эти сигареты подорожали,— сказал он, и Лимас покорно кивнул.
Положив сигареты в карман, Контролл уселся. Наступила пауза. Наконец, Лимас сказал:
— Римек убит.
— О, конечно,— откликнулся Контролл, словно Лимас сообщил ему приятную новость.— Весьма прискорбно. Наверное... Я полагаю, его выдала эта особа? Эльвира?
— Я тоже так думаю.— Лимас не собирался спрашивать, откуда он знает об Эльвире.
— Его убрал Мундт?
— Да.
Контролл встал и начал ходить по комнате в поисках пепельницы. Наконец, он ее нашел и поставил на пол между их стульями.
— Как вы себя чувствовали? Я имею в виду, когда стреляли в Римека. Вы видели своими глазами?
Лимас пожал плечами.
— Мне было здорово тошно.
Контролл склонил голову набок и прикрыл глаза.
— Уверен, что вы испытывали более тяжелое чувство — глубокое огорчение. Что, впрочем, вполне естественно.
— А кто на моем месте не был бы огорчен?
— Вам нравился Римек как человек?
— Наверно, да,— растерянно ответил Лимас.— К чему этот вопрос?
— Что было потом? Как вы провели остаток ночи?
— Послушайте,— вышел из себя Лимас.— Куда вы клоните?
— Римек был последним звеном,— рассуждал вслух Контролл,— в целой серии убийств. Если мне не изменяет память, началось с девушки, которую застрелили при выходе из кино, затем человек в Дрездене, аресты в Иене. Ни дать ни взять — «Десять негритят». Затем убрали Пауля, Фирека и Лендсера. Наконец, Римек. Довольно большие расходы.— Он с горечью улыбнулся.— Может, с вас довольно?
— Что вы хотите сказать этим «довольно»?
— Может быть, вы устали? Выдохлись?
Наступило долгое молчание.
— Вам решать,— наконец, сказал Лимас.
— Мы должны жить без привязанностей, а это невозможно. Наша жестокость, я имею в виду с обеих сторон,— часть нашей работы. Но по природе мы не такие. В общем, я хочу сказать... Не может человек беспрерывно оставаться на холоде... Человек должен возвращаться с холода... Вы понимаете, что я хочу сказать?
Лимас смотрел на него и видел длинную прямую дорогу под Роттердамом, там, за дюнами... и поток беженцев, движущихся по этой дороге. Совсем низко, на высоте нескольких миль, маленький самолет. Поток остановился, разглядывая его. Самолет снизился, повис прямо над дюнами. Он видел хаос, бессмысленный ад после сброшенных на дорогу бомб.
— Терпеть не могу такие разговоры, Контролл,— сказал, наконец, Лимас.— Чего вы от меня хотите?
— Чтобы вы еще побыли на холоде.
Лимас ничего не ответил, а Контролл продолжал:
— Этика нашей работы, как я ее понимаю, должна строиться на том, что мы никогда не будем агрессорами. Вы согласны с тем, что это достойная политика?
Лимас кивнул — что угодно, лишь бы не вести эти разговоры.
— Мы делаем не совсем приятные вещи, но делаем их в целях защиты, а значит, сохраняем, по-моему, порядочность. Мы этим занимаемся, чтобы рядовые люди могли спокойно спать в своих постелях. Что, слишком романтично? Конечно, мы иногда позволяем себе чудовищные вещи,— улыбнулся он, как провинившийся школьник.— Если смотреть с точки зрения общепринятой морали, то мы, пожалуй, иногда поступаем бесчестно. Но нельзя сравнивать идеалы одного лагеря с методами другого.
Лимас не находил себе места. Он слышал, что бывают убийцы, которые, прежде чем вонзить нож, любят вести дурацкие разговоры, но ничего подобного в жизни себе представить не мог.
— Я хочу сказать, что нужно сравнивать методы с методами и идеалы с идеалами. Я сказал бы, что после войны наши методы, я, собственно, имею в виду как наши, так и наших противников, стали практически одинаковыми. Но нельзя пользоваться иными, менее жестокими, чем у противника, только потому, что правительство ведет миролюбивую политику. Вы согласны? — Он рассмеялся про себя и добавил: — Такого никогда не будет.
«Зараза,— подумал Лимас,— можно подумать, что работаешь на вонючего пономаря. Заткнется он когда-нибудь?»
— Вот почему,— продолжал Контролл,— мы должны попытаться избавиться от Мундта... Да, кстати...— сказал он раздраженно, повернувшись к двери,— где, черт побери, кофе?
Контролл открыл дверь и что-то сказал невидимой секретарше. Вернувшись, он продолжал:
— Я действительно думаю, что следует избавиться от него, если можно.
— Для чего? У нас никого не осталось в Восточной Германии, совсем никого. Вы сами только что сказали, что Римек был последним. Нам некого защищать.
Контролл принялся разглядывать свои пальцы.
— Это не совсем так,— наконец произнес он,— но я не знаю, стоит ли обременять вас деталями.
Лимас пожал плечами.
— Скажите,— продолжал Контролл,— вы устали от работы? Простите, что я повторяю вопрос. Вы знаете, что мы понимаем эту усталость... как ее называют авиаконструкторы, усталость металла. Кажется, так они говорят. Если устали, скажите прямо.
Лимас вспомнил сегодняшний полет домой и задумался.
— Если да,— добавил Контролл,— мы найдем кого-нибудь другого заняться Мундтом. У меня несколько необычный план относительно него.
Молодая девушка принесла кофе, поставила поднос на стол и налила две чашки. Контролл подождал, пока она выйдет из комнаты.
— Несносная дура! — сказал он почти про себя.— Можно подумать, что больше не осталось подходящих работников. Черт знает что! Жаль, что Джинни в такое время ушла в отпуск.
Несколько минут он рассеянно помешивал кофе, а потом сказал:
— Нам необходимо дискредитировать Мундта. Простите, вы много пьете? Виски и вообще алкоголь?
А Лимас было подумал, что раскусил его до конца!
— Прилично. Наверно, больше, чем средний человек.
Контролл понимающе кивнул.
— Что вы знаете о Мундте?
— Это убийца. Он был здесь год или два тому назад с Восточногерманской Сталелитейной Компанией. Мы туда заслали Мастона в качестве советника.
— Совершенно точно.
— Мундт завербовал здесь агента, жену какого-то типа из Министерства Иностранных Дел. Потом он ее убил.
— Он попытался убить Джорджа Смили тоже. И мужа этой женщины он, разумеется, потом убрал. Мерзкая личность. В прошлом член гитлерюгенд или что-то в этом роде. Коммунист отнюдь не интеллектуального толка. Функционер от холодной войны.
— Точно так же, как и мы,— сухо заметил Лимас.
Контролл не улыбнулся. Он сказал:
— Джордж Смили хорошо знал эту историю. Он теперь у нас не работает, но у него можно добыть кое-какие сведения. Сейчас он занимается историей Германии XVII века. Живет он в Челси, прямо возле Слоун Сквер, на Байстер-стрит. Вы знаете эту улицу?
— Да.
— И Гийом занимался этим делом. Он сейчас работает в Четвертом Отделе в секции спутников на первом этаже. Боюсь, что с тех пор, как вы были здесь, многое изменилось.
— Да.
— Проведите пару дней с ними. Они знают о моем плане. А потом, может быть, погостите у меня в субботу. Моя жена,— поспешил добавить он,— ухаживает за своей матерью. Мы будем вдвоем — вы и я.
— Спасибо. С удовольствием приду.
— У меня и обсудим спокойно все детали. Так будет удобнее всего. Думаю, на этом вы можете сделать большие деньги и получить их в любое время.
— Благодарю.
— Все это, разумеется, лишь в том случае, если вы уверены, что хотите взяться за это дело, невзирая на... утомление металла и всякое такое.
— Если речь идет о том, чтобы убрать Мундта,— я готов.
— Вы от души соглашаетесь? — вежливо спросил Контролл и, задумчиво посмотрев на Лимаса, заметил: — Видимо, да. Но не считайте, что вы обязаны дать согласие. Я хочу сказать... В нашем мире так легко перейти границы и любви, и ненависти... Перестаешь отдавать себе ясный отчет... Есть звуки, настолько сильные, или, наоборот, слабые, что ищейка перестает их слышать... Потом остается чувство тошноты, и... так мучительно не хочется испытать его снова... Простите, видимо, именно это вы испытывали, когда они убили Карла Римека? Не ненависть к Мундту, не любовь к Карлу, а болезненное потрясение, нечто вроде оцепенения... Вы, кажется, ходили всю ночь. Просто ходили по берлинским улицам. Верно?
— Да. Вышел прогуляться.
— На всю ночь?
— На всю.
— Что стало с Эльвирой?
— Бог ее знает... Мне хотелось бы заняться Мундтом.
— Хорошо... хорошо. Кстати, если пока что вам придется встречаться со старыми друзьями, думаю, не стоит обсуждать с ними этот вопрос.— И, помолчав, Контролл добавил: — Я держался бы от них подальше. Пусть думают, что мы вас обидели. Это будет неплохое начало для дальнейшего хода событий. Верно?

Перевела с английского С. ТАРТАКОВСКАЯ.

Продолжение следует.

Одна из работ П. Н. Филонова («Пропагандист», 1925), хранившаяся в Русском музее и обнаруженная в Париже.

БОЛЬ ОТЕЧЕСТВА

СТРАСТИ ПО ФИЛОНОВУ

Александр МОСЯКИН

МУЗЕЙНЫЙ ДЕТЕКТИВ С ПРОЛОГОМ И ЭПИЛОГОМ

Осенью прошлого года в Ленинграде и в Москве прошла персональная выставка Павла Николаевича Филонова. Среди явлений российского изобразительного искусства, всплывших за последние годы «из темноты», она произвела, пожалуй, самое ошеломляющее впечатление. Стало очевидно, что этот художник стоит в одном ряду с величайшими мастерами современного мирового искусства. В книге отзывов есть запись: «Великий провидец! Он почувствовал, до боли ощутил и гениально выразил боль и кровь XX века». Еще бы! Этой боли и крови он хлебнул сполна. Никто из лидеров русского авангарда не подвергался при жизни таким гонениям, а после смерти — такому забвению, как Филонов. Искусство отчаянного правдолюбца объявляли «контрреволюционным», его лишали возможности работать, и он неделями голодал, а завистливые сотоварищи по кисти призывали его «шлепнуть». От учеников Филонова требовали отречения, вызывали в НКВД, один из них повесился, написав в предсмертной записке: «Пусть захлебнутся моим трупом».

В 1938 году арестовали обоих пасынков Филонова и дали срок без права переписки, а с разбитой параличом жены взяли подписку о невыезде. И все же каким-то чудом он тогда уцелел.

Умер Филонов от голода в блокадном Ленинграде в декабре 1941 года и девять дней лежал мертвый на лавке, в промерзлой квартире, под своей картиной «Пир королей». Рядом мучительно умирала парализованная жена. Не было досок на гроб. Хлопотали несколько знакомых и на девятый день выхлопотали — доски дали в Союзе художников,— и это была единственная услуга, оказанная Союзом художнику. В последний путь везли его друзья на санках, рядом катились другие санки, на которых везли жену, и пополудни похоронили обоих на Серафимовском кладбище. Наследие художника удалось спасти.

Истинный подвиг совершила его младшая сестра Евдокия Николаевна Глебова. Она сберегла работы брата и подарила их Русскому музею. О связанных с этим драматических событиях и об одной музейной загадке этот рассказ.

«Исходящий № 816/1-4 от 16.04.85 г.

Начальнику Управления изобразительных искусств и охраны памятников Министерства культуры СССР тов. Попову Г. П. Начальнику Управления изобразительных искусств и охраны памятников Министерства культуры РСФСР тов. Воробьеву В. П.

Государственный Русский музей доводит до Вашего сведения, что 27.03.1985 г. в журнале «Cahiers», 1983 г., № 11 обнаружено воспроизведение 8 графических работ П. Н. Филонова, принадлежащих музею Современного искусства Центра Помпиду. В то же время в коллекции Государственного Русского музея находятся 8 графических работ Филонова П. Н., выполненных тушью, визуальное сличение которых с воспроизведенными в журнале позволяет предположить их идентичность. Название одной из них — «Пропагандист» — совпадает с названием репродукции в указанном журнале, 7 других названий — не совпадают. В настоящее время создана комиссия по научной обработке всей графической коллекции П. Н. Филонова.

Директор Государственного Русского музея Л. И. Новожилова.

Главный хранитель Г. А. Поликарпова».

...Во дворе кинотеатра «Аврора», где была квартира Глебовой, в годы блокады жил мальчик Женя Ковтун. Мальчик вырос и стал искусствоведом. Как-то раз, бродя по запасникам Русского музея, он увидел картины умершего в блокаду художника. Имя — Филонов — ему ничего не говорило, но самобытность изобразительного языка и эпическая мощь образов завораживали. Это знакомство определило его профессиональный выбор. И вот однажды много лет спустя сотрудник Государственного Русского музея, один из ведущих специалистов по русскому авангарду, Евгений Федорович Ковтун открыл информационный журнал Центра искусств Жоржа Помпиду «Cahiers» с интересовавшей его статьей Жан-Клода Маркаде о Филонове и обомлел: со страниц журнала на него глядели восемь рисунков художника, хранившихся в Центре. Ничего странного в этом не было бы, если бы не три обстоятельства: поразительно похожие рисунки хранились в запасниках Русского музея; название одного из них и карандашный номер 225, отчетливо видимый на фотографии с оборота другого, совпадали; но главное было в том, что по впечатлению это были подлинники! Он слишком хорошо знал руку художника, чтобы ошибиться. Рисунки значились как новые поступления в Центр Помпиду, источник поступления не был указан. Евгений Федорович показал журнал другому специалисту в этой области, старшему научному сотруднику Русского музея Елене Николаевне Селизаровой. Ее мнение было схожим. Известно, что Филонов подобных дубликатов не выполнял. Тогда что же? Так родилась загадка, быть может, самая интригующая в истории знаменитого музея, и Ковтун сообщил о ней секретарю парторганизации. Стоял февраль 1985 года.

Это был нелегкий период в жизни Русского музея. Долгие годы его возглавлял Василий Алексеевич Пушкарев — человек, глубоко преданный русской культуре. За четверть века его руководства музей стал крупнейшим центром по сохранению, изучению и пропаганде русского искусства. Благодаря многолетней дружбе Пушкарева с Глебовой удалось сохранить наследие Филонова. Но ершистый директор, проводивший независимую линию, был не по нутру многим власть имущим, особенно в городе на Неве. От него решили избавиться, и после массированного прессинга он был вынужден уехать в Москву. На его место назначили Ларису Ивановну Новожилову, работавшую первым секретарем Дзержинского райкома партии Ленинграда. Хотя Новожилова имела отношение к искусству — она окончила философский факультет ЛГУ и одно время занималась проблемами эстетики,— это было спорное назначение, ибо жизнь гигантского музея столь специфична и сложна, что его должен возглавлять музейщик-практик, квалифицированный искусствовед. Но новый директор была «своим» человеком в кулуарах власти, ее назначение устраивало руководство, и этим сказано всё.

Не знаю, что сыграло роковую роль: характер Ларисы Ивановны или казарменный стиль руководства, усвоенный ею в райкоме, но с ее воцарением в музее началась "генеральная уборка». Сразу был смещен и. о. замдиректора по научной части. Затем ушли из музея заместители директора по АХЧ и пропаганде искусства, главный бухгалтер, начальник отдела кадров, главный инженер, заведующие издательским отделом и научным архивом, научной библиотекой, много квалифицированных специалистов и рядовых сотрудников. На их место подбирались другие, подчас случайные люди, впоследствии уличенные в различных махинациях. Кадровая чехарда, непродуманные действия директора (вроде ремонта корпуса Бенуа, едва не погубившего его), несдержанность в отношениях с подчиненными создали в музее нездоровую обстановку, а Министерство культуры РСФСР делало вид, что ничего не происходит. К весне 1985 года атмосфера накалилась настолько, что большая группа работников музея написала письмо на имя Генерального секретаря ЦК КПСС, в советские и партийные органы, в Министерство культуры и редакции центральных газет, в котором обвиняла Новожилову в «полной некомпетентности в музейном деле», и требовала ее отставки с поста директора ГРМ.

В таких условиях публикация во французском журнале произвела эффект разорвавшейся бомбы. Требовалось немедленно во всем разобраться, и по настоянию ряда сотрудников директорским приказом № 22 от 12.03.85 г. была создана комиссия под председательством Новожиловой для расследования чрезвычайного обстоятельства. Предстояло провести сверку наличия всех графических работ Филонова с документацией их приема в фонд и сопоставить рисунки из собрания ГРМ с репродукциями в журнале «Cahiers» и фотографиями из фотокаталога, составленного Глебовой и хранившегося в секторе рукописей музея. Сверка наличия показала: все графические листы численно на месте. А вот в результате перекрестного сопоставления подозрительных рисунков было обнаружено «полное совпадение общего и частностей в каждом из восьми воспроизведений в журнале и фотокаталоге. В отличие от них рисунки, хранящиеся в ГРМ, имеют, по мнению большинства членов комиссии, некоторые расхождения с воспроизведенными работами в журнале и фотографиями. «Становилось похожим, что некоторые работы Филонова, находившиеся в Русском музее, каким-то образом оказались за границей, а на их месте остались не слишком добротные копии, или, говоря музейным языком, «фальшаки»...

История подделок стара как мир. Еще древние римляне промышляли этим, изготовляя с греческих оригиналов тысячи мраморных копий. Копии снимали с картин великих мастеров Ренессанса. Но «золотой век» подделок наступил позднее. В 1920-х годах Грабарь, отправленный в Америку и Европу для организации распродаж наших национальных сокровищ, столкнувшись с этим, писал: «Подделки — давнее зло художественного рынка, но никогда еще они не превращались в такой бич человечества, каким стали в наше время, ибо никогда соблазн подделывать не был столь велик, как при современных головокружительных рыночных ценах».

Существует много видов подделок. Но подобная коллекция «близнецов» — случай в музейной практике небывалый. Ведь суть была не в копиях, на карту ставилась репутация двух крупнейших музеев мира, а это требовало ответа на вопрос: что это, если не подлог, как такое могло случиться и когда? Обычно истину в таких случаях устанавливает следствие, и все было бы просто, если бы оно состоялось. Но (здесь тема особая) его не было, и это необычайно осложняет поиски истины. И все же история эта стоит того, чтобы о ней рассказать. Поэтому, дабы не превращать повествование в расследование, я опущу детали и имена и, никого ни в чем не обвиняя, лишь изложу факты и задам некоторые вопросы.

...Вернемся к весне — лету 1977 года. Тогда и были составлены дарственная, внутримузейный акт № 4554, удостоверяющий, что 56 живописных работ Филонова и 244 графических листа поступили в Русский музей. Эти события совпадали с приходом туда нового директора — на дарственной и на упомянутом акте стоят ее подписи. В числе 244 должны были находиться и те восемь рисунков, из-за которых разгорелся сыр-бор.

Дарственной и актом № 4554 удостоверялось, что находившиеся семнадцать лет на временном хранении работы Филонова переходят на постоянное хранение музея и требуют немедленной документальной обработки. Сроки ее музейными инструкциями не регламентируются, но обычно на это уходит несколько месяцев, от силы год-полтора.

Надо сказать, что дар Глебовой произвел на коллектив ГРМ сильное впечатление. Хотелось поскорее задокументировать вещи, произвести их научную обработку, чтобы через пять лет открыть персональную выставку художника, приуроченную к его столетию. С живописью Филонова так и получилось: хранитель фонда живописи XVIII — начала XX века провела необходимую работу. Судьба графической части наследия сложилась иначе.

Год она лежала в фонде дореволюционной живописи в ожидании директорского приказа. 11 июля 1978 года по приказу и акту № 15596 рисунки Филонова были переданы в отдел советской графики на инвентаризацию. Приняла их хранитель гравюры и рисунка отдела. Однако в начале октября в отделе произошла полная «смена караула» и на место «добровольно» выбывших назначили трех новых хранителей. Вскоре одна из них, заведовавшая рисунком, ушла в декретный отпуск. Ей полагалось составить на филоновские вещи инвентарные карточки. Работа эта большая, сделать ее она не успела, и в итоге на неопределенное время графика Филонова оказалась как бы в положении человека без паспорта.

И вот тогда же, в октябре, началась крайне странная операция по передаче филоновских рисунков из постоянного фонда рисунка на временный, и по акту от 23.04.79 г., утвержденному замдиректора по пропаганде (тогда и. о. директора музея), они были переданы. Странность ее заключалась не только в том, что рисунки передавались с постоянного хранения на временное, но и в том, как это было сделано. Работы были переданы без необходимой в таких случаях поименной нумерации и не зарегистрированы поименно в книге поступлений отдела учета; их передали списком, указав только общее число — 244. Так, списком, они лежали два года и девять месяцев. Не стану искать здесь тайный смысл, но скажу, что сие означает. Сама передача означала более легкий доступ определенного круга сотрудников музея к незадокументированным произведениям искусства, а передача их списком давала возможность манипулировать ими как угодно.

В 1979 году прошла нашумевшая выставка «Москва — Париж», где филоновские работы привлекли к себе всеобщее внимание. После выставки популярность Филонова начала стремительно расти, и необходимость скорейшей научной каталогизации филоновского фонда стала очевидной. Сейчас трудно сказать, кто первым открыто поставил этот вопрос, но достоверно известно, что 29 декабря 1982 года на производственном совещании отдела рисунка XVIII — начала XX века заведующая отделом Л. П. Рыбакова и сотрудник отдела Селизарова в присутствии директора музея поставили его, предложив подключить к инвентаризации ведущих специалистов — Ковтуна и Селизарову. Новожилова соглашается, но потом последовал устный приказ директора: Селизарову и Ковтуна в фонд не пускать. А накануне приключился такой эпизод. Пришедшая из декретного отпуска хранитель фонда рисунка на свое усмотрение показала Селизаровой две коробки с рисунками Филонова. Перебирая их, Елена Николаевна вдруг обратила внимание на то, что среди массы добротных рисунков попалось несколько откровенно плохих. Острый глаз специалиста не мог их не заметить, и она подумала: «Смотри-ка, и у Филонова могут быть слабые вещи...» В полной мере значение этой мысли она оценила позднее.

16 июня 1984 года на производственном совещании того же отдела вновь был поставлен вопрос о допуске специалистов в отдел советской графики для работы с рисунками Филонова. Итог тот же. Даже когда полгода спустя обнаружились парижские двойники и была назначена комиссия по расследованию этого факта, ни Селизарова, ни Ковтун в ее состав не были включены! И лишь по окончании ее работы, когда выявилась возможность подлога и запахло грандиозным скандалом, перед уходом на персональную пенсию Новожилова издала приказ об инвентаризации филоновского фонда и о создании второй комиссии, куда были включены оба специалиста.

Но непонятные отношения сложились у директора не только с ними. Еще болезненней она реагировала на попытки ознакомиться с фондом Филонова главного хранителя Русского музея Г. А. Поликарповой. Под любыми предлогами она стремилась ее туда не пускать. Всякий, кто знаком с музейной работой, знает, что главный хранитель пользуется равными правами с директором в отношении музейных коллекций. Попытка оградить ту или иную коллекцию от главного хранителя не что иное, как нонсенс и произвол. Это, естественно, вызывало протесты.

Но увы, фонд Филонова был объявлен закрытым, правда, как выяснилось, не для всех. В журнале «Творчество» № 6 за 1982 год появилась публикация трех сотрудников отдела информации ГРМ, где говорилось: «Даже беглый просмотр графической коллекции П. Филонова позволил найти ценнейший исторический документ — зарисовку с натуры "Одесский порт после обстрела его броненосцем «Потемкин» в 1905 г.». Кроме неверности определения рисунка как натурного, бросается в глаза первая часть фразы о «беглом просмотре» графического наследия. Так что же, для этих сотрудников музея (среди них был сокурсник Новожиловой по университету) «закрытый фонд» был открыт? Да если бы только для них! По свидетельству очевидцев, в фонды пускали многих. Поскольку все делалось по устному распоряжению директора, письменных свидетельств этого почти не сохранилось. И все же два свидетельства — крайне любопытных — есть!

31 мая 1984 года в отделе рисунка XVIII — начала XX века появились трое элегантно одетых мужчин с устным указанием Новожиловой: «Показать все, что захотят». Как выяснилось, это были представители Центра искусств Жоржа Помпиду (!). Поскольку нахождение в отделе без пропуска являлось грубейшим нарушением музейных инструкций, его сотрудники отказались подчиниться приказу. Тогда после скандала появился пропуск № 302, а в книге посетителей отдела рисунка — записи №№ 177, 178, 179, удостоверявшие, что директор и двое сотрудников Центра Помпиду были в означенном отделе, где смотрели работы Малевича, Кандинского, Шагала, Филонова. Вот их имена: Dominique Bozo, Philippe Sainctavit, Christian Derouet. Возможно, до этого они находились в отделе советской графики. Их интерес к Филонову понятен, ведь накануне Центр Помпиду пополнился восемью рисунками художника — теми самыми, что должны были храниться в ГРМ!

А за день до этого отдел дореволюционного рисунка посетил еще один человек (о чем сохранилась запись в книге посетителей № 175). Его имя Джон Болт — американский профессор, основатель и глава Института современной русской культуры в Блю Лагун (штат Техас). В 1984 году он выпустил в США фундаментальную монографию о Филонове, что само по себе явление отрадное, но в ней есть ряд любопытнейших деталей.

Так, там воспроизведено множество вещей из числа тех, что хранились незаинвентаризованными в «закрытом фонде» Русского музея, при этом местонахождение остальных работ указано, а принадлежащие ГРМ почему-то проходят анонимно.

В аннотации к иллюстрациям есть очень странная фраза: «В момент написания этой книги Государственный Русский музей подвергается обширным структурным изменениям, что закрыло доступ к филоновскому фонду, но можно предположить, что большинство работ Филонова до сих пор там» (что за «изменения» и где Филонову быть?!).

Согласитесь, сказанное вызывает массу недоуменных вопросов: ценнейший художественный материал восемь лет (!) лежит без научной обработки и без приказа на нее, с ним производят странные манипуляции, издают за рубежом монографии и, наконец, обнаруживается подлог, а ведущих специалистов и даже главного хранителя к нему не допускают. Почему? По музею ходили слухи, будто директор готовит диссертацию о Филонове и потому оберегает филоновский фонд от конкурентов. Ну, что ж, Филонов действительно «лакомый кусочек», на нем можно сделать имя в науке; вот только диссертации до сих пор нет, а двойники в Париже объявились.

Немало пищи для размышлений дает и анализ кадровых перемещений в музее. Остановлюсь на двух из них.

Как уже говорилось, осенью 1978 года нежданно покинули музей два хранителя отдела советской графики, проработавшие там много лет, и на их место назначили новых людей. При этом одна из вновь назначенных сотрудниц должна была через два месяца уйти в декретный отпуск, а муж другой в сентябре 1976 года проходил свидетелем по громкому делу научного сотрудника Физико-технического института имени А. Ф. Иоффе Михаила Казачкова — валютчика и контрабандиста, ставшего платным агентом ЦРУ (он до сих пор отбывает срок в пермских лагерях). И старые, и новые хранители утверждают, что им неизвестно, как появились копии. Что ж, вполне возможно, и я не смею их подозревать. Но возникают вопросы: случайны ли были перемены в отделе сразу после передачи туда незадокументированного филоновского фонда и что творилось с хранением, ведь такие копии ни за день, ни за неделю не снимешь?

А вот сюжет из биографии Г. Он окончил психологический факультет ЛГУ и заведовал в Русском музее отделом социально-психологических исследований. В мае 1977 года — сразу после прихода Новожиловой — он был назначен на пост заместителя директора по науке, а год спустя еще и заведующим отделом советской графики (по совместительству), где, как мы помним, хранилось филоновское наследие. Длительное время отношения между директором и его замом были прекрасные. Но в 1983 году Г. неожиданно был снят с должности, ушел из музея и скоропостижно скончался в возрасте сорока двух лет. Им подписаны многие филоновские документы, в частности, в апреле 1982 года он подписал странный приказ о передаче всех работ художника из отделов дореволюционного рисунка и живописи в отделы советской живописи и графики. Приказ противоречил музейным правилам, согласно которым наследие Филонова должно распределяться по «четырем полкам» (живопись — графика, дореволюционный — советский периоды), и отдел рисунка XVIII — начала XX века его не выполнил, как необоснованный. Так что стоит за зигзагом судьбы и смертью Г.?

Еще интересный факт. Для фильма Ильи Авербаха о ленинградской блокаде с работ Филонова были сняты две копии. Режиссер умер, фильм не состоялся, а вот копии, одну из которых видели в реставрационной мастерской в присутствии музейного руководства члены посетившей Ленинград японской делегации, куда-то исчезли. Где они?..

Сводку «интересного» можно продолжать, но, думаю, хватит. 13 мая 1985 года на пост директора ГРМ заступил В. А. Леняшин. При нем месяц работала вторая комиссия по изучению графического наследия Филонова в составе десяти человек под председательством В. А. Гусева (тогда замдиректора по науке, а ныне директора ГРМ). В ходе ее работы были поэтапно рассмотрены все графические произведения художника, произведена сверка с фотокаталогом, а также предварительное технико-технологическое исследование ряда работ. Вот выписка из итоговой справки:

«1. Восемь работ, воспроизведенных во французском журнале, идентичны фотографиям в фотокаталоге, который составляла Е. Н. Глебова начиная с конца 1950-х годов.

2. Хранящиеся в ГРМ произведения за №№ 251, 249(162), 247(150), 227(137), 225, 272, 265(173), 242(142) имеют множественные несовпадения в деталях с воспроизведениями в журнале и фотокаталоге.

3. Итоги предварительной технико-технологической экспертизы показали ряд несовпадений материала и техники в эталонных и указанных восьми произведениях.

4. Во всех восьми указанных рисунках комиссия отмечает низкое художественное качество, особенно — в № 265.

5. Кроме того, при просмотре всего графического наследия выявлены №№ 32, 136, 185, 234, 237, 149, вызывающие сомнения по следующим причинам: (следует перечень.— **А. М.**).

6. Таким образом, указанные в п. 2 работы, хранящиеся в ГРМ, вызывают серьезные сомнения в авторстве Филонова (большинство членов комиссии считает их подделками или копиями). То же можно сказать по поводу рисунков, указанных в п. 5, особенно №№ 136, 32.

Комиссия считает целесообразным:

1. Продолжить технико-технологические исследования, обращаясь при необходимости к внемузейным специалистам.

2. Продолжить плановую работу по научной каталогизации и инвентаризации графического наследия П. Н. Филонова.

3. Дирекции ГРМ обратиться с запросом в Центр Помпиду по поводу источника и времени поступления восьми рисунков Филонова, опубликованных во французском журнале. Председатель комиссии Гусев».

А тем временем по музею стала гулять небезобидная версия, что во всем виновата Глебова — дескать, недоглядела. Что ж, мотивы тут ясны и в принципе такое возможно, но давайте взглянем не от лукавого. Да, Глебова брала работы домой, в том числе трижды эти восемь злополучных рисунков и трижды возвращала их обратно. Последний раз в 1975—1976 годах — накануне дара. Актом № 4016 от 31.03.77 г. зафиксировано, что новых поступлений рисунков в ГРМ и возврата Глебовой не было. Так что все ею было возвращено в целости и сохранности. По свидетельству подполковника Кошелева, постоянно общавшегося тогда с ней, Глебова была в здравом уме и добром здравии. Она великолепно знала работы брата и подмену сразу бы обнаружила. Евдокия Николаевна могла случайно «зевнуть» одну-две вещи, но не 8 и не 14. А как объяснить факт исчезновения из глебовского фотокаталога компрометирующих фотографий, обнаруженных в июне 1986 года при подготовке материалов к фондовой комиссии ГРМ? Было бы слишком просто списать его на случай. Нет, все говорит за то, что подмена произошла в музее, что-то неладное творилось там...

Последующие события развивались по восходящей. Сначала Центр Помпиду не откликался на запросы Русского музея, а филоновские рисунки висели там в экспозиции. Потом их сняли. В конце прошлого года в Ленинград приезжал представитель Центра. Он сказал, что рисунки поступили в музей в 1983 году из частной галереи, а увидев ленинградские двойники, удивленно воскликнул: «Конечно, это фальшивки!» В принципе Центр Помпиду согласился вернуть рисунки, и я писал эти строки в ожидании заключительного ритуала: искусствоведческой экспертизы, когда положенные рядом с подлинниками двойники, подобно дамам в старинном пасьянсе, окончательно откроют свое истинное лицо.

...Вот и все, что я знаю об этой истории, что могу рассказать. В дополнение приведу достоверные факты. Известно, что Запад наводнен подделками русского авангарда. В 1984—1985 годах в ряде европейских стран прошла персональная выставка Михаила Ларионова: «Путь к абстракции. Работы на бумаге». Организовал ее А. Наков — французский искусствовед болгарского происхождения. На обложке каталога была помещена пастель, которую советские искусствоведы Е. Ковтун, Г. Поспелов, Д. Сарабьянов отвергли, как фальшивую. Причем рука, которая сделала пастель, прослеживается во всех пастелях этой выставки. Наков в частной беседе заявил, что «все работы происходят из Ленинграда, из кругов, близких к Русскому музею». А недавно в музее обнаружилась пропажа коллекции предметов народного искусства (Палех) и изъяны в учетно-хранительской и реставрационной деятельности, вскрытые проверкой КРУ и отраженные в приказе № 65 от 02.08.89 г., подписанном директором ГРМ.

Еще факты. Летом 1988 года в Ленинграде состоялся суд по уголовному делу № 36 по обвинению В. Грешникова, А. Махина, И. Шура в контрабанде. Следствием установлено, что 24 августа 1982 года они незаконно вывезли из СССР две работы Филонова: «Голова» — стоимостью 70 тысяч рублей, и «Без названия» — с изображением людей и рыб, стоимостью 50 тысяч рублей. Они приобрели их на черном рынке и передали англичанину Джеймсу, который с сокрытием от таможенного контроля вывез их из СССР и доставил в ФРГ некоему Фюрсту. В 1985 году обе работы оказались в Кельне у известного коллекционера Людвига. Тогда же к нему попали еще две филоновские композиции. Пятью годами раньше филоновские «Головы» промелькнули на выставках в Лондоне, Нью-Йорке и Лос-Анджелесе, а еще одна композиция с таким названием выставлялась на недавнем аукционе «Сотби». Почти все эти произведения известны по монографии чешского искусствоведа Яна Кжиша 1966 года и по новосибирской выставке Филонова, состоявшейся годом позже. Тогда они находились в Союзе, но где прятались столько лет и как оказались за границей — неизвестно.

И последнее. После обнаружения «близнецов» дело с расследованием этого факта двигалось крайне туго. Он сразу не получил оценки со стороны руководства ГРМ, и его пытались замолчать. Понадобилась решительная позиция ряда сотрудников музея и вмешательство компетентных органов, чтобы создать комиссии, возглавляемые Новожиловой и Гусевым. О случившемся было сообщено в Министерства культуры РСФСР и СССР и, насколько мне известно, в Ленинградский обком партии. Но дальше все заглохло, и до сих пор уголовного дела не возбуждалось. Формальным поводом могла послужить недоказанность факта материальной утраты (в случае возвращения рисунков он будет налицо), но, как выяснилось, даже заявления о расследовании подлога в правоохранительные органы со стороны руководства ГРМ не поступало! Оно прислало на мое имя письмо, где говорится: «Музей заинтересован в том, чтобы история с произведениями Филонова была дорасследована; он не имеет никакой информации о ходе следствия и о причинах его прекращения». Но ведь официального следствия не возбуждалось, поскольку не было оснований — заявления потерпевшей стороны (было лишь оперативное дознание по частной информации, поступившей в КГБ). Отсюда вопросы: почему за истекшие годы руководство музея не написало заявления в правоохранительные органы с просьбой расследовать подлог, если оно было заинтересовано в этом? Почему должным образом не сработала информация, поступившая в эти органы, как и в высокие инстанции в Ленинграде и в Москве? Может, здесь не обошлось без вмешательства «сверху»? Если так, то чей покой нарушили «спящие девы» и куда тянутся их следы? Пять лет уголовное дело не раскрыто, и тень подозрения ложится на людей. Надо назвать виновных и снять подозрения с остальных. И, наконец, что делать с подозрительными рисунками Филонова, выявленными комиссией ГРМ в мае 1985 года, и не всплывут ли новые двойники?

Все это говорит о том, что даже если парижские рисунки вернутся, то это полдела, ибо останется загадка, в ней слишком много интригующих «белых пятен» и ставить точку здесь рано...

ПОСТСКРИПТУМ.

Существует много видов контрабандной деятельности, и каждый имеет свои особенности. Я остановлюсь на контрабанде культурных ценностей, сделав общее замечание.

Как известно, экономика — всему голова. С ней связаны все стороны жизни, в том числе и контрабанда. Ведь не случайно «золотой век» ее наступил, когда наша экономика была тяжело больна. Неконвертируемость рубля и падение его стоимости, прогрессирующий дефицит товаров и рост неудовлетворенного платежеспособного спроса населения, «вилка» советских и мировых цен, имущественная дифференциа-

ция послужили мощным стимулом для контрабандной деятельности, и масштабы ее всегда будут зависеть от состояния и характера нашей экономики. Какой она будет — покажет будущее, но экономическая реформа уже сейчас ставит вопросы принципиального характера. Ведь до сих пор контрабанда рассматривалась у нас как преступление против монополии государства во внешней торговле. Реформа открыла двери для прямого выхода на внешний рынок, что нарушает эту монополию, а значит, требует создания новой правовой концепции контрабанды и внесения соответствующих изменений в уголовный, уголовно-процессуальный кодексы и в подзаконные акты.

Основным подзаконным актом, регулирующим движение культурных ценностей, является «Инструкция о порядке контроля за вывозом из СССР культурных ценностей», утвержденная приказом министра культуры СССР № 120 от 23.03.87 г. Пункт 1.4 первого раздела гласит: «Не подлежат вывозу и пересылке из СССР предметы и коллекции, представляющие значительную историческую, художественную или иную культурную ценность, перечисленные в приложении № 1». Вот они: «Архитектурные фрагменты, скульптура, живопись, графика всех стран и народов до 1945 года». А в приложении № 4 среди культурных ценностей, на вывоз (пересылку) которых из СССР не требуется разрешения Министерства культуры, в пунктах 4 и 5 названы: «Культурные ценности, приобретенные в специальных магазинах по торговле на иностранную валюту (типа «Березка»), при наличии соответствующих чеков и счетов»,— а также: «Произведения советского изобразительного и декоративно-прикладного искусства, приобретенные в розничной торговле, на основании торговых ярлыков, чеков, квитанций и пр.».

Стало быть, достаточно приобрести в «Березке» или в «Художественном салоне» вещь, созданную после 1945 года, снабженную товарным ярлыком и товарным чеком, и ее можно беспрепятственно вывозить из страны. Одна дата вычеркнула, как «художественно малоценное», все современное искусство! А между тем можно назвать немало имен наших художников, чьи работы ценятся в десятки и сотни тысяч!

Существующее положение создает благодатную почву для махинаций в системе магазинов, торгующих художественными ценностями. Ну что стоит западному коллекционеру по договоренности купить через «Художественный салон» за 100—200 рублей картину, которая по западным меркам стоит в тысячу раз дороже? И покупают, сплошь и рядом! А еще переклеивают или ставят фальшивые ярлыки. Ведь товарный чек и товарный ярлык не являются документами строгой отчетности и не подлежат никакому учету. Ставь любой номер, любого автора и вывози! И главное, никто не проверит: таможенники в этом не разбираются, да и не обязаны проводить полный досмотр вещей выезжающих, а должность эксперта-искусствоведа в штате таможни не предусмотрена. В итоге мошенники набивают карманы, а в дураках остается государство, которое получает лишь 7 процентов комиссионных от продажной цены. На международно-правовом языке это именуется «утраченной выгодой».

Что же делать? Мировой опыт доказывает, что ничего лучшего пока не придумано, как налог со стоимости вывезенного имущества, только вопрос о целесообразности вывоза той или иной вещи, ее стоимости и величины налога должны определять не товароведы из «Художественного салона», а государственные эксперты, прикрепленные к таможенному управлению, знающие конъюнктуру мирового рынка и аукционные цены. Тогда можно будет упорядочить миграцию культурных ценностей, а государство будет иметь не символические 7 процентов дырявыми рублями, а солидные суммы в твердой валюте. Нужно разработать механизмы возврата незаконно вывезенных ценностей и наказания преступников, где бы они ни находились. А для этого мало исправить уголовный кодекс и глупую инструкцию — надо привести наше законодательство и подзаконные акты в соответствие с международным правом. Нужно также заключить соответствующие международные соглашения, а нашим компетентным органам налаживать контакты со своими коллегами за рубежом. Совершенное законодательство и ставка на экономические рычаги — вот стержень борьбы с контрабандой.

И, конечно, пристального внимания требуют вопросы учета и хранения, технической оснащенности, уровня профессионализма и материальных стимулов. Писать об этом стыдно. О персональных компьютерах я молчу, но отделы по борьбе с контрабандой не имеют даже передвижных средств, хранилищ для изъятых ценностей, библиотек с каталогами аукционных фирм и распечатками цен (их изымают у контрабандистов), а следователи вынуждены исполнять функции машинистки, фотографа и видеоинженера, что немыслимо даже с юридической точки зрения! Едва ли не половину всего объема контрабанды занимает современный авангард, а специалистов по нему в стране можно сосчитать по пальцам.

Думаю, до недавних пор мы недооценивали контрабанду, а она несет чрезвычайную общественную опасность. По линии контрабанды устанавливается связь между организованной преступностью у нас в стране и за рубежом — в последнее время раскрыто несколько крупных контрабандных групп, имевших прямую связь с зарубежной мафией. Сначала средством наведения мостов служили валюта и культурные ценности, потом к ним добавились наркотики, оружие, отравляющие и взрывчатые вещества. Все сплелось, и процесс принял угрожающие размеры.

Организованная преступность слита с коррупцией. Через контрабанду советские коррупционеры могут «брататься» с зарубежным преступным миром, что имело место в брежневскую эпоху. В связи с этим особо важное значение приобретает вопрос об изменении статуса органов КГБ. Они должны быть выведены из-под контроля местного партгосаппарата и подчиняться Верховному Совету СССР при правовом контроле со стороны Прокуратуры СССР.

Контрабанда множит рэкет. Контрабанда служит удобным средством проникновения в страну зарубежных разведслужб, ведь цепочка: контрабанда — шантаж — агентурная вербовка — хорошо известна, и нашумевшее дело Михаила Казачкова далеко не единственное (кстати, не исключено, что в истории с «близнецами» эта цепочка сработала).

...Заканчиваю. В «большой дом» у Литейного моста привезли свежую партию контрабанды: пейзажи XIX века, два изделия фирмы Фаберже (икона и чудесная серебряная вазочка Юлиуса Раппопорта), пять вещей Михаила Шемякина, остальное — современный авангард с липовыми ярлыками. Контрабанда на марше, и, если не принять экстренных и эффективных мер, нам за нею не угнаться.

Ленинград — Рига. 1989 г.

Когда материал готовился к печати, коллегия КГБ СССР приняла развернутое постановление, предусматривающее широкий комплекс мер по борьбе с контрабандой.

■

Руководители ВЦСПС в последнее время много и красиво говорят о социальной справедливости, о том, что нет для них высшей цели, чем забота о рядовом труженике... Послушаешь их — и такие они демократичные, плоть от плоти народа.

Но вот пришлось мне недавно побывать в здании ВЦСПС, и впечатления мои резко изменились. Я увидел, что слова уважаемых профсоюзных лидеров очень расходятся с их делами. И чтобы понять это, достаточно зайти в столовую. Оказывается, даже сегодня, на шестом году перестройки, пункт приема пищи в этой цитадели равенства и социальной справедливости строго разделен по иерархическому принципу: есть залы для «черных», то есть рядовых сотрудников, и большой зал «только для белых», перед которым стоит вышибала в ливрее и «черных» отфутболивает.

Так и возникает вопрос: если товарищи Шалаев и Янаев даже с сотрудниками центрального профсоюзного органа считают зазорным сесть за один стол, то как же они относятся к рядовым членам профсоюза?

Получается, дружба дружбой, а бутерброды-то врозь. Так что теперь я уже не удивляюсь появлению у нас всяких альтернативных профсоюзов. Далеко еще лидерам ВЦСПС до перестройки, даже в малом.

А. СЕМЕНОВ
Омск

■

О своем, так сказать, «земляке» — губернаторе Саратовской губернии Столыпине, казалось, мы знали больше других, да и портрет его, написанный великим Репиным, хранится здесь, в Музее имени Радищева. Кто он? Верный «сатрап царя», «обер-вешатель»? Эти и другие тенденциозно подобранные характеристики давали о нем и учебники, и учителя.

Заметки Б. Сарнова («Огонек» № 3) помогли более трезво оценить взгляды известного всему миру человека.

Как верно и афористично сказал Петр Аркадьевич более 80 лет назад о собственности: «Искусственное... оскопление нашего крестьянина, уничтожение в нем врожденного чувства собственности, ведет ко многому дурному и, главное, к бедности». Это ли не провидец! История как бы подписалась под его словами.

Святая собственность на землю остается пока мечтой, она живет даже в душах тех, кто уже полвека шагает по городским мостовым, убивает время на телепередачи. В сердце до сих пор не утихает зов родной земли: вернись, кем бы ты ни стал, вернись к своим предкам, здесь корень твоей жизни... Вспомни запахи пашни, сена, хлеба. Это и есть то «врожденное чувство», о котором писал Столыпин, и чувство это неистребимо. И почему же многим это непонятно?

С давних времен на Востоке говорят: сколько ни повторяй слова «халва, халва», во рту сладко не станет. Наша попытка оспорить эту истину не увенчалась успехом. И как созвучны с ней слова П. А. Столыпина: «Нельзя любить чужое наравне со своим и нельзя обхаживать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своей землею»! Как здесь не воскликнуть: неужели есть на земле люди, не разделяющие этих простых ясных слов? На мой взгляд, это и есть то, от чего и должны отталкиваться в решении вопроса о собственности наши законодатели.

И еще. Идут люди по моей Вольской, ныне Братиславской, улице мимо дома 22, дома губернатора Столыпина, как его называют старожилы, и спрашивают: «Зачем здесь областной тубдиспансер?» Невольно добавляют: «Как же загадили дворик, как же заплевали и заляпали художественную ограду!» И вспоминаешь золотые слова Столыпина: «Нельзя любить чужое наравне со своим»... На месте нынешних хозяев можно было бы и повесить дощечку с надписью: «Дом, в котором жил П. А. Столыпин». Об истории нужно рассказывать так, как это было в истории, а не так, как кому-то хочется или как прикажут сверху.

Н. НИКОЛАЕВ,
ветеран войны и труда
Саратов

■

Из года в год наши центральные газеты публикуют Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о присуждении Государственных премий в области науки и техники. У меня возникают вопросы. Какое отношение имеет общественная организация к определению наивысших технических и научных достижений? Почему общественная организация распоряжается государственными средствами? Могу согласиться с вышеизложенной формулировкой только в том случае, если не менее 50 процентов фонда Госпремии покрывается за счет партийных денежных средств.

А если не так, то неужели без ЦК нельзя присудить Государственную премию? Думаю, это подрывает авторитет органов, в компетенцию которых входит данная процедура, тем более что перед сегодняшним ЦК стоят серьезные проблемы.

И. ХОМИЧ,
член партии с 1972 года
Мурманск

■

В Хабаровске общество «Мемориал» проводило Дни совести в память о жертвах сталинских репрессий. В числе других мероприятий была пресс-конференция начальника УКГБ и прокурора Хабаровского края.

Им, в частности, были заданы такие вопросы. Каким образом журналисты, писатели, историки должны восстанавливать справедливость и раскрывать подлинную историю, если они не имеют доступа к архивам НКВД — МВД — УВД, и не только к личным делам репрессированных, но даже к документам лагерных управлений? Почему прерогатива работы с документами архивов принадлежит УКГБ и прокуратуре?

Начальник управления КГБ кратко ответил: «Порядок такой».

Не Закон, которого нет, а ПОРЯДОК. Не указ, не инструкция, а ПОРЯДОК! Я боюсь повторения 60-х годов, когда приоткрыли дверь гласности, а потом ее быстренько захлопнули.

Сколько же у нас в стране спецчастей и спецотделов, контролирующих гласность, а не государственную тайну. Почти на каждом предприятии, учреждении, исполкоме. Разреши всем без допуска, сколько людей без работы останется!

Так когда же дадут историкам, журналистам, писателям доступ к архивам лагерных управлений? От кого это зависит? Почему мы должны подчиняться ПОРЯДКУ, установленному кем-то и когда-то, а не Закону?

М. КУЗЬМИНА,
член Комитета по восстановлению исторической правды о жертвах репрессий
Комсомольск-на-Амуре

АВТОР

Галина ШЕРГОВА

РАССКАЗ

Рисунок Олега ВУКОЛОВА

С Переваловым было так: каждое предстоящее событие, прежде чем свершиться, являлось некой сценой, поставленной в театре воображения в декорациях, с диалогами и ремарками, как положено. Оттого, когда жизнь переиначивала предвкушаемое на свой манер, пусть даже улучшив ситуацию, Виктора Петровича брала оторопь, будто застигнут был врасплох.

Не только премьеру, но, пожалуй, десяток спектаклей отработала переваловская игра ума на тему «Первая встреча с героем и как бы автором Произведения». Расстелилась ковровая дорожка в коридорах ЦК, держали строй коричневые двери с табличками, аскетический кабинет помощника сберег все детали обстановки, проход в святая святых обрисовался. И так далее, включая обмен репликами, с учетом языковой характеристики персонажей.

И — все насмарку. Никаких коридоров, приемных, кабинетов. Последовало приглашение на госдачу, расположенную в средней полосе России, завтрак, обед с опекающим референтом.

На встречу отправились лишь во второй половине дня в места, отнюдь воображением не предсказанные. Через лесопарк, к реке, а там никаких впечатляющих павильонов или на худой конец, беседок, лишь деревянные мостки у самой воды, кабинки для раздевания да розовая будка-скворечник. Купальни, другим словом.

Референт окликнул кого-то:

— Иван Спиридонович, где ты есть?

Из розовой будки вышел мутноглазый старик в синем френче, галифе, с деревянной кобурой на боку, похожей на игрушечный рояль.

«Кобура-то от маузера или парабеллума, хотя скорей маузера. Неужто современным оружием обеспечить не могут?» — подумал Перевалов.

— Спиридоныч, вот писатель тут из Москвы, знакомится с образом Нашего. Пусть с твоего наблюдательного пункта обозревает. Лады? — объяснил референт. И к Виктору заговорщическим шепотом: — Это наш начальник купальни, строгий юноша.

— Проследование ожидается в отрезке 17.00—17.20.— Начальник купальни сверился с надвигающимся событием по изъятой из нагрудного кармана металлической полусфере — то ли личным курантам, то ли компасу.— Пройдите на причал, ожидайте.

Референт тут же — фьють! — сославшись на какие-то неотложные дела, исчез. А Виктор Петрович проследовал к скамейке, осененной полосатым тентом. И она еще, кроме перечисленных предметов, присутствовала на мостках. Тент был оторочен оборкой-зубчиками, на каждом зубчике болталось по маленькому мохнатому помпону, и казалось, проведи по ним пальцем, помпоши зазвенят, забренчат, как колокольчики.

Желание провести пальцем возникло сразу же, Перевалов и проделал это. И вроде услышал комариный перезвон. Потом еще и еще, с подголосками, цоканьем, первыми голосами и вторыми.

— Не положено. Инвентарь,— возвысился за спиной голос. Начальник купальни, придерживая рукой кобуру, шагнул, встал возле скамейки.

Уличенный в нарушении распорядка, Перевалов засмущался:

— Да, глупость, конечно, ребячество... Сколько ждать-то еще?

— Проследование ожидается в отрезке 17.00—17.20.— Начальник купальни вновь сверился по металлической полусфере.— Считайте.

— Выходит, минут сорок, полчаса... Да вы присаживайтесь.

Старик не двинулся, и Перевалов теперь уже не только засмущался, а даже оробел: впрямь строгий юноша, пеший этот кавалерист. И робость, и смущение Виктора Петровича вполне объяснимы, ибо, как указывалось выше, предварительное воображение никакого такого старика на сцену не выводило. Какие к нему подходы, черт его дери?

— Маузер? — кивнул на кобуру Перевалов.— К нему бы еще кожанку хорошо.

— Не положено,— отказал старик.

— А вот как раз и положено. Вы знаете, как в Россию маузеры попали? Их еще в первую мировую закупили вместе с кожанками, да так и не успели раздать армии. А в гражданскую Красная Армия склады захватила. Потому наши командиры в коже и щеголяли. И с маузерами на боку. Роскошная вещь — маузер, соединяешь с кобурой и вроде винтовки получается, кобура-то деревянная, как бы ложе. Только вот патроны где теперь достаете? Маузеровских-то у нас и раньше не делали.

Завязался разговор? Ничуть не бывало, вопрос остался без ответа. Впрочем, переваловская осведомленность в вопросах истории легкого стрелкового оружия, надо полагать, определенное впечатление произвела.

— Отдыхайте,— уже миролюбиво разрешил старик,— с приближением доложу.

Он проследовал в розовую будку, оставив Виктора Петровича один на один с простирающимся перед взором ландшафтом или, возможно, пейзажем.

Река, мощенная голубым булыжником мелких волн, казалась недвижной. Деревья на том противоположном берегу сличали точность своих очертаний с отражениями, росшими в воде вниз головой. Деревья так и кинулись в реку, не обронив, не потеряв ничего из даренного едва занявшейся осенью. Водно-земные двойники срослись изножьями, разделенные четкой линией воды, словно весь берег был огражден бесконечной шеренгой игральных карт.

Блаженный легкий перезвон, тот, что услышался от прикосновения к помпошкам, шел в душу, и Виктор Петрович подумал, что уже давным-давно не являлась ему окружающая действительность в ее образной подробности, когда река мощена голубым булыжником, а берега, скажем, означены картинками игральных карт, неведомых преферансистам или мастерам бриджа. Когда разложен вдоль реки пасьянс его, Перевалова, собственной жизни, и пасьянс этот обязан сойтись.

Правда, тут же Виктор Петрович внутренне поморщился от скудости и будничности ассоциаций, припомнив, что именно преферанс в последние годы сопровождал все его выезды на пленэр.

Пошел с мостков в сторону, в траву. Снова четко зазвенело, затикало, словно кто-то неподалеку вынул часы, возможно, Начальник купальни достал загадочную полусферу. Но нет. В травах трудились кузнечики и мураши. Особенно отчетлив был отсчет секунд вблизи пушистого листа лопуха, на котором натруженно вздулись зеленые жилы,— нелегкая, знать, работа — ковать время. Значит, время куется тут. Куется? Почему куется? Кузнецы часы заводят, надевают все ботинки... тащат звонкие минуты от былинки до былинки, до широкой наковальни пухового лопуха...

Так, так, недостает строчки после «ботинок» с рифмой к «лопуха», что же там нужно?..

Бог ты мой! С чего бы это повело его? Уж и не помнил, когда видимое оборачивалось строчкой, ритмом, рифмой... А кровь выстукивала: «До широкой наковальни пуховóго лопуха». Не-е-т. Пухового может читаться — пухóвого. Хотя что-то в этом есть: пуховая наковальня. Многосмысловость парадокса, сращение контрастов. И все-таки — нет. Шерстяного лопуха, так точнее. До широкой наковальни шерстяного лопуха.

— Пройдите, пожалуйста, на причал.— Из кустов возник человек в черных сатиновых трусах с матерчатым свертком под мышкой.

— Почему это? А я вот не желаю, я здесь желаю,— вздрогнув от неожиданности, огрызнулся Перевалов. Не то раздражился, что странный купальщик указывал, где гулять. Вторгся, обалдуй, в сладостный, полузабытый процесс стихосложения. Гад.

— Пройдите,— повторил тот и поправил сверток под мышкой. В белое вафельное полотенце, заклейменное траурным инвентарным знаком, был завернут какой-то твердый предмет.

— А я, может, искупаться желаю. Вы же вот желаете купаться. Жара, хоть сентябрь.

Это Перевалов бубнил уже от злости, успел ведь смекнуть, что пришелец из кустов никакой не купальщик, а охранник.

«Конспираторы хреновы,— выругался про себя Виктор Петрович,— маскарад устроили, пушку в полотенце запихнул и думает: порядок, никто не распознает. Старик, тот хоть без туфты. Кобура на боку, службу несу. Глядите».

Поэтическое настроение опоганилось, развеялось. Сразу ожидание стало скучным, долгим. «Пойти со стариком побеседовать. О подвигах, о доблести, о славе. О Шиллере, о славе, о любви. О башмаках, о кораблях, о сургучных печатях, о королях и о капусте. О пистолетных патронах. Надо ему сказать, что к маузеру подходят патроны от «ТТ».

В раму окна розовой будки была вставлена картина внутреннего бытия: старик сидел на струганой скамье возле струганого же чистого, молодого столика. Перевалов прилепил лицо к стеклу, услышав шорох, старик положил руку на кобуру.

«Пальнет еще сдуру».— Перевалов отпрянул от окна, стараясь тем не менее держать Начальника купальни в зоне обзора. Стариковская ладонь оглаживала детский рояльчик. Отстегнул стражник кобуру, переместил ее на стол. Перевалов замер, впился взором.

Степенно раскрыв грозный деревянный футляр, где положено было покоиться маузеру или парабеллуму, старик вынул из кобуровой утробы толстый бутерброд. Принялся уважительно его сжевывать.

Виктор Петрович захохотал и шагнул в будку:

— Так вот какой системы ваш пистолет! (Как же сразу не заметил, что рукоятка из кобуры не торчит!)

Старик ни слова, ни звука, зло зыркнул на Перевалова, зажевал торопливей. Чтобы разогнать неловкость, Виктор Петрович сказал:

— А знаете, что значит «парабеллум»? «Пара беллум — готовь войну». Из латыни: «Хочешь мира, готовь войну». Вы, надо думать, хотите мира. Потому кобура на боку?

— Привычка,— достойно отрезал старик.— Думаете, я весь век при купальне состоял? Уволь-те. Я в охране самого товарища...— Он бдительно смолк. Вынул часы-компас: «Время. Скоро проследование».

Они прошли к мосткам.

Старик двигался натужно, подагрически не отрывая сапоговых подошв от земли, будто торил в тропке песчаную лыжню. Идя следом, Перевалов видел, что синий френч сник беспомощными дряблыми складками, как детский воздушный шар, из которого выпускают воздух.

Мостки пахли «Зверобоем». «Совершенный вкус сливок»,— пришел на память гоголевский Ноздрев.

— И часто Сам здесь купается? — спросил Перевалов.

Старик ответил неохотно, понимая, что может разгласить гостайну.

— Пока не приходилось. У них другие места для досуга, а также отдыха. Они здесь уважают на уток охотиться. Поэтому купальню держим, если когда пожелают. Но пока не приходилось.

— Я знаю, Хозяин предпочитает юг.— Виктору Петровичу стало до смерти обидно, что отставной телохранитель и не мыслит переваловской причастности к небожительству верховных властей. Захотелось показать, что и он вхож:

— Мы с ним на новой крымской даче работать будем.

Старик, в свою очередь, видать, почуял, что Перевалов подозревает его в нынешней отстраненности от придворных таинств, обиженно зашевелил усами:

— Новая крымская не принята. Работнички! Полгода в горах дорогу к даче долбили, а вывели таким путем, что машина у подъезда не той стороной останавливаться должна. Передалбливать пришлось. Потом — другое. Комиссия приехала замерять шум от моря. А там децибелов больше нормы. Мешают умственной деятельности. Работнички. В наше время им бы за эти децибелы объяснили, что следует. Децибелов посчитать не могли! — Слово «децибелы» старик произносил на все лады, как бы с тремя, а то и четырьмя «л». Уж если это, мол, ему известно, то, надо понимать, что — в курсе.— Им бы в наше время...

Участь строителей, пренебрегших децибелами, осталась неуточненной, так как властный рокот мотора надвинулся с реки.

Минута, две, и целину реки вспахал еще невидимый лемех, а затем в зрелище с лету вонзился военный катер, испещренный праздничной суетой солнечных бликов. Вспарывая голубую брусчатку воды, катер обнажал серые глубины, скрытые поверхностью, принимая на свои победные бока отнятую у реки лазоревость.

На носу катера был закреплен крупнокалиберный станковый пулемет, над которым высилась массивная фигура в брезентовой робе.

Гипнотическая сила исходила от внезапного видения. Каково? Стремительность монумента, подвижная скульптурность, не соединимые сознанием. Отвердемость робы, подбитой ветром, каменная четкость капюшона, горизонтально притороченного к шее над спиной пулеметчика. Капюшон этот, тоже плотно набитый ветром, упруго подрагивал, подобно тормозным парашютам за хвостом истребителя, садящегося на палубу авианосца. Что сообщало и катеру боевую всепогодность.

Воинственная дрожь прошла по переваловскому телу, чуткое предчувствие упоения в бою.

И точно: стоило катеру выйти на траверс мостков, как из прибрежных кустов вымахнула плотная, но в то же время рваная стая уток, будто их кто специально высвободил в этот миг из заточения. А может, действительно специально выпустил.

Человек у пулемета всей массой объемистого тела налег на оружие, пулеметный ствол завертелся туда-сюда, точно нос длиннорылой твари, вынюхивающей добычу,— и застрочило, закосило!..

Утки рушились в реку, утопая, всплывая, пузыря поверхность маленькими кочками тел.

А пулемет сыпал гневную скороговорку, а пулеметчик тяжелым телом все выдавливал из машины эту смертную болтовню.

Мелькнуло и унеслось.

В полном обалдении взирал Виктор Петрович на присмиревшее поле брани, на безмогильный утиный погост.

— Уже? — прибежал запыхавшийся референт. Локтем референт с охранительной значительностью прижимал к телу красный прямоугольник.

— Уже,— сказал Перевалов.

— Ничего, вернутся,— успокоил референт и плотнее притиснул алую папку. Именно папка находилась под локтем.

Катер действительно вернулся. Умиротворенный, обретший беспечность прогулочного. И пулеметчик в обмякшей робе уже не смахивал на несущуюся скульптуру, а был заурядным поселянином, вернувшимся то ли с рыбалки, то ли со сбора грибов.

Зато сошедшее с ним окружение, как и те, что ждали на мостках, соблюдало торжественную выразительность момента. Хотя с некоторой веселой льстивостью. Непроизвольность льстивой улыбки зафиксировал на своем лице и Виктор Петрович.

Он впервые видел Самого живьем. Не на портретах, не в кино, не на телеэкране. Рядом.

— С удачной охотой! — приветствовал прибывшего референт, тут же представив Перевалова.

Охотник-пулеметчик радушно пожал руку Виктору Петровичу, стоящему чуть в сторонке старику и, что-то смекнув, воскликнул:

— Иван Спиридоныч! Ты ли это? Откуда? Тут?

— Так точно, тут! Служим,— громко отрапортовал Начальник купальни.

До этого мига все внимание Перевалова было, разумеется, сосредоточено на прибывшем, но скосил глаз на голос старика и все — сановный знакомец, референт, окружение — все пропали, растворились.

Необычайное явление сотворилось на глазах Виктора Петровича.

Не было рядом старика в поникшем синем френче, в неподъемных от земли сапогах. Фигура его импульсивно распрямилась, похоже, внутри был вставлен металлический метр, раскрытый одним резким движением, безвольные складки френча мускульно напрягались, крепкая ляжка подрагивала готовностью жеребца на скаковом старте, легкой кистью руки была вымерена безупречность расположения козырька фуражки над лишенным возраста лицом, в замызганных глазах, как на переводной картинке, проступил цвет.

Не было старика, не было, вот был, а — нет!

— А ты все орел, Иван Спиридонович,— похлопал его по плечу Сам.— На прошлой охоте я тебя с дистанции не разобрал. Был ты тут? Был, был. Орел! Я ведь тебя еще по старым временам помню, прямо тебе скажу, побаивался я тебя, да и все мы боялись, как увидим — что-то под селезенкой заскребет. Это я тебе честно говорю.

Складки стариковского френча округлились уже атлетически.

— Служба! — кавалергардски щелкнул каблуками Начальник купальни, показалось, даже звон шпор раздался. А Сам не мог уняться:

— Вот она, старая закалка! Это хорошо, что тебя на покой не отпустили, а то, знаешь, нынешние-то мои: все менять, всех менять, а нам такого народа, как ты, Иван Спиридонович, во как не хватает! Ну, бывай, счастливо тебе.— Он обеими руками подержал плечи старика.— Так. Теперь с тобой, товарищ писатель. Где же нам покалякать поудобней? Там, на даче, небось уж посол этого, как его, дожидается...

— Буркина Фасо,— подсказал референт.

— Во, во, я его все время Абрау-Дюрсо кличу,— согласился Сам.

— Немудрено и перепутать,— вставил свое слово и Виктор Петрович,— я о таком государстве и слыхом не слыхал, по-моему, и нет такого...

Но референт корректно пресек:

— Нет, так будет, со временем. В политике необходимо предвидение, которое как раз и отличает...— Мягкий жест в сторону Самого.— И государство будет, и посол.

Ходящий по Москве анекдот чиркнул в уме Перевалова: «Сообщение ТАСС: «Вчера советский руководитель принял французского посла... за английского».

И, будто подслушав эти мысли, Сам засмеялся добродушно и, как говорится в ТВ-программе, от всей души:

— Государств наплодилось, государств! Особенно третий мир! Не упомнишь. Однако надо уважать: освободились от колониализма, вот на даче решил принять, пусть чувствуют поддержку могучего Советского Союза. Верно поступаю, как считаешь, писатель?

Перевалов не успел ответить, референт перехватил внимание Самого, раскрыл папку, алые крылья ее распахнулись с плавностью лебединых в балетном адажио. Мастерски была раскрыта папка, с грацией и в то же время с неукоснительностью, предписываемой содержащимся внутри.

— Прошу прощения,— сказал референт,— но ведь еще Министерство обороны с МИДом вызваны.

— Ох, черт,— крякнул Руководитель,— я и забыл. А нельзя их на потом, на после отпуска? Не вздохнешь ведь.

— Увы! — Всем видом референт отобразил понимание трудной жизни шефа.— Мидовец отбывает в Женеву, куда ж ему без установок?

— Ладно, скажи: приму после этого, Абрау-Дюрсо... Нет, вот что,— лукавая придумка сверкнула в руководящих глазах,— давай их сюда. Пусть писатель поприсутствует. Надо же ему нас, так сказать, в действии, за работой понаблюдать. Как это у вас, писак, называется: войти в образ? Точно? А?

— Мысль блестящая,— несколько растерялся референт,— только тема разговора... так сказать...

— Ничего, свои люди. Да и сознательный же гражданин писатель наш, поймет. Роток на замок. Сознаешь, писатель? Где же нам расположиться? — Руководитель обвел взором пляж.— Во! К Ивану Спиридоновичу пойдем в будку. Как в полевых условиях будет, на КП. Примешь, Спиридоныч?

— Так точно. Разрешите готовить помещение? — Молодой старик, играя налитыми складками френча, рванул к будке аэродромной поступью почетного караула. В полязгивании кованых каблуков прослушивались литавры «Прощания славянки».

— А ведь точно — КП, штаб мой, напоминает,— мечтательно проговорил Руководитель, когда за струганым столом разместились Сам, пожилой, могучего сложения Маршал и моложавый представитель МИДа с усталым умудренным лицом, хрупкий.

Севший чуть поодаль Перевалов мог через окно, теперь уже с обратной точки, видеть Начальника купальни. Стоял как на карауле, руки по швам, кобура не шелохнется, приклеена к телу.

— Докладывайте, слушаю, что у вас? — пригласил Руководитель.

Маршал кашлянул:

— Да вот опять просят огород им прирезать.— Видно было, что Маршал отважился позволить себе несколько вольную стилистику беседы, рассчитывая расположить Самого. Мидовец принял предложенную манеру:

— Да уж не огород, товарищ Маршал, целую пашню.

— Ну и докуда решили пахать? Объясните товарищу Руководителю,— сказал Маршал.

— До Урала, никак не меньше.

— О чем вы? Говорите толком.— Руководитель поводил глазами от одного собеседника к другому.

— Та же проблема — зоны доверия,— пояснил представитель МИДа. Он хотел продолжить, но Маршал перебил:

— До Урала! Ну и аппетиты у них, товарищ Руководитель! Им палец дай — всю руку отхватить норовят. Один раз под эти их зоны доверия полосу в 250 километров вдоль границы отторговали, теперь до Урала подавай? Вам что, Пентагон платит? — Маршал усмехнулся, считая, видимо, это обращение к Мидовцу удачной шуткой. Тот дернулся, но сдержался, лишь упрекнув тихо:

— Товарищ Маршал!

— Спокойно. Без драки. Разберемся в обстановке.— Руководитель построжел.— Докладывайте мотивы,— обратился он к Мидовцу.

— Партнеры дали нам в качестве зоны доверия всю Европу. Нам необходимы еще и определенные пространства акватории. А мы им в ответ — приграничную полосу в 250 километров. Какого соглашения можно достичь на этих условиях, какие тут зоны доверия? И о каком доверии вообще может идти речь?

— Верно,— согласился Руководитель.— Доверие. Доверие сегодня в международных делах — все. Нам без доверия невозможно, мы должны за доверие бороться, мы всех впереди должны идти в отношении доверия.

Но Маршала не просто было укатать:

— Конечно, доверие, понятно. Но я честно, посолдатски скажу, товарищ Руководитель. Опасаюсь: больно доверчивые мы стали. А у меня вообще к возможному противнику доверия быть не может. Служба такая. Я, конечно, извиняюсь. Кривить не приучен.— Он припечатал к столу гигантскую пятерню.

— Но ведь мира без доверия не получишь,— попытался возразить Мидовец.— Как же нам очередной раунд переговоров вести?

— Дипломатические раунды — одно, безопасность Родины — другое,— отрезал Маршал.— Я лично Родиной в дипломатические игры не играю. Можем мы обезоруживаться, товарищ Руководитель? Не можем. Не имеем права перед народом.

— Верно,— согласился с ним Руководитель.— Безопасность Родины — это, понимаешь, дело святое. Тут держи ухо востро. Доверие доверием, а народ с нас за оборону спросит, ох как спросит!

— То-то и оно,— поддержал Маршал, понимая, что получает единомышленника.— Доверие!.. Каким же только путем? Вот вопрос. Зоны доверия, инструкции на местах... Что вы еще там, в своем МИДе, надумали?

— Вот как раз решить вопрос об инспекции на местах, вопросы контроля.

— Контроль — это важно,— подобрев к Мидовцу, кивнул Руководитель.— Контроль — это ключевой вопрос, мне со всей страны об этом пишут, информируют о постановке вопроса. С экспертами также обсуждали. Есть мнение, большой политический выигрыш в международном масштабе можем иметь. Как бы наша инициатива.

Маршал взорвался, даже присутствие Руководителя не помогало самообладанию:

— Что же выходит? Мы что — «туристическое бюро»? Путешествуйте, господа, по нашим военным объектам, мы вам еще и лимузины подадим. Так, что ли?

— Но ведь и мы получаем доступ к инспекции,— не сдался Мидовец.— К тому же всем известно, что со спутников сегодня видно все в подробностях.

Мгновение Маршал молчал, потом сказал уверенно:

— У нас все не разглядят... Над нашей территорией облаков больше.

— Синоптики гарантируют? — осведомился Руководитель и, когда Маршал утвердительно качнул головой, завершил: — Ладно, вы, товарищ дипломат, езжайте в свою Женеву. Мы тут посоветуемся еще. Установки передадим. Сейчас — все, дел полно, посол дожидается, вот с писателем покалякать нужно. Выйдемте, а то в этой нашей землянке в три наката живым сгоришь.

Маршал откозырял, дипломат откланялся, Руководитель с Переваловым и референтом (оказывается, он тоже находился в будке, но как-то бесплотно) вышли во владения предвечернего сентября, где надвигающийся закат с тщанием ученика-богомаза крыл каждую травинку, каждый листок сусальной позолотой.

Уселись под тент с помпошками-бубенцами. Помалкивали колокольчики, никто их пальцем не касался, да и какие могли быть перезвоны при речах Руководителя. А он доверительно опустил руку на переваловское колено.

— Значит, так: товарищи посчитали, что будет полезно, если я в литературной форме поделюсь своими воспоминаниями о некоторых героических этапах советской истории. Я, понимаешь ли, во многом имел личное участие. Так...— Он задумался на миг, и тут же встрял референт:

— Для молодого поколения это будет иметь огромное воспитательное значение. Бесценный материал, бесценный.

— Бесценный-то бесценный,— не возражал Сам,— да где время взять? Государственные дела, они, знаешь!.. Да еще в международном масштабе. Ты сам наблюдал только что. Я, конечно, мог бы самостоятельно, баловался писаниной в свое время. Но сейчас, сам понимаешь... Вот товарищи и подсказали — тебя привлечь. Перо бойкое, к тому же, говорят, ты в военное лихолетье в Угольном работал. Помнишь меня? Я тогда на обкоме был. Какими делами ворочали!

Ворочали, ворочали. Ожило тут же.

И зрелище военных разрушений, и даже слова, которыми некогда хотел Виктор Перевалов это зрелище запечатлеть: руины англофабрики — неряшливые бетонные соты, слепленные пчелами-бомбами, утратившими в безумии сокрушения присущее пчелиной архитектуре чувство гармонии.

Отчетливо увиделось: взорванные колонны доменных печей, разодранная бронь горна и заплечников... И накрененная Шестая.

— Да уж дела делались,— ностальгически подтвердил Перевалов,— неведомые прежней истории дела. Вот сколько веков человечество ломает голову над загадкой Пизанской башни, а там у нас Шестая домна тоже под наклоном была. И выпрямили. Выпрямили! И запустили.

— Было дело, свинья не съела,— подмигнул Сам,— а меня-то помнишь?

— Еще бы не помнить,— развел руками Перевалов и подумал: «Да я тебя всего раз из толпы на митинге и видел».

— Вот и ладненько. Я, понимаешь, в короткие часы досуга товарищам кой-чего рассказывал, а этот мой пострел,— кивок на референта,— на магнитофоне все зафиксировал. Ну, разрешил я ему. Говорит, складно получилось, увлекательно. Он тебе все отдаст, ты валяй обработай все хорошенько, как у вас, писателей, положено.

— Может быть, стоит и документы того времени привлечь, чтобы полнее была панорама событий? — рискнул посоветовать Перевалов.

— А как же! Надо масштабно дать. Они тебе всю документацию подготовят. Проси что надо, заказывай. Они сыщут, у меня аппарат толковый, грамотные ребята.

— Спасибо за доверие. Постараюсь, как могу,— сказал Виктор Петрович.

— Вот давай и потрудимся вместе для народа. А сейчас, извини, время поджимает, посол ждет, надо еще обмундирование сменить. Счастливо! Желаю успеха!

Встреча с Самим закончилась. Единственная.

Возвращаясь в Москву, Перевалов размышлял: «Конечно, сероват деятель-то, примитив. И как же это вышло, что взошел такой странищей заправлять? Впрочем, может, есть в нем некий светлый мужицкий ум. Может, я чего-то главного не понимаю? Дядя-то он и вправду симпатичный, без фанаберии, похоже, доброжелательный. Другой бы в его-то положении — о-хо-хо! И, смотри, пожалуйста, к государственным тайнам допустил. Запросто так доверился, в порядочность, значит, верил. Нет, мужик неплохой, определенно неплохой. К тому же действительно участвовал в событиях важнейших. Военное восстановление, это вам не хрен собачий. Материал достойный. Да и что выпендриваться перед собой: лестно ведь — тебе, а не кому-то предложили».

Виктор Петрович усмехнулся этим мыслям, однако невольная улыбка тут же напомнила о другой, той, неконтролируемой — льстивой, что засек он на себе во время беседы с Самим. Стало стыдно, мерзко, Перевалов замотал головой: «Нет! Нет! Невозможно. Этак в холуя недолго обратиться». Представилось, как, зажимая под мышкой красную папку, подскочит он к Руководителю, как взмахнут в его сноровистых руках алые лебединые крылья.

«Нет! Нельзя... А как бы другие братья-писатели? Отказались бы? Пожалуй, нет. Конечно, нет, никто бы не отказался. Ну и пусть, а я — откажусь...»

В школьные годы, в невнятном уже детстве забавлялся переваловский класс хитрой игрой. Хитрой, потому что не расшиши какие, не «морской бой», а наука. Учитель физики Платон Семенович показал, объясняя про магнитное поле. Подкладываешь под бумажный лист магнит, сыплешь сверху металлические опилки, и пошли, пошли блошиные бега: пока все блошки не расположатся по силовым линиям. Вот и играли — у кого быстрей. Играли все, а название игре не придумали.

И на тебе. Бумажный лист небывалых размеров, изрисованный загогулинами уплотняющихся тропок, распростерся сейчас перед Виктором Петровичем, наблюдаемый как бы с птичьего полета, с высокой надземной точки.

Иными качествами была наделена новая ипостась листа, качествами, выявляющими то обстоятельство, что дело отнюдь не в простом увеличении размера, а в смысловой значительности перемен. Прежде всего сама собой упразднилась безыменность блошиной мельтешни на тетрадочной страничке, требуя наречения процесса. Оно и явилось: визуализация векторного поля. Это на железных блошек можно было глазеть, то есть осуществлять глазение. Здесь — визуализация, никак иначе. Намагниченный железный кус получил титул «источника дивергенции». Что ни говорите, а само звучание слова несло в себе ритуальность помазания, что музыкальным строем напоминало инаугурацию.

Чародейский научный лексикон взялся не с бухты-барахты. Надеемся, читатель помнит, что военной порой, работая на восстановлении металлургического завода в Угольном, поэт-романтик Виктор Перевалов пережил профессиональную драму: не мог совладать с технической терминологией. Что и повергло его в позор, воспоминания о котором и тридцать лет спустя пламенем зажигали уши.

Загадочность, замурованный смысл научных слов с тех пор неодолимо влекли Перевалова. Трудностей здесь было навалом. Выучишь, овладеешь, поймешь и вдруг — бац! Как, скажем, на этапе всенародной борьбы с космополитизмом и преклонением перед Западом.

Слова-инородцы были тогда окрещены в купели неподкупного патриотизма, и для всей науки заведены новые святцы. Вольтметр стал напряжеметром, амперметр — токометром, а эта самая «дивергенция» получила исконное имя «расходимость».

Потому запомнилась особенно крепко, потому сейчас сразу и подсунулась.

Но и, конечно, потому, что не кургузый магнитик, а лишь источник дивергенции имел право размечать своей силой гигантский бумажный лист.

Лист-то лист, но можно было опознать в нем и вестибюль ЦДЛ. По отдельным признакам. Лестница справа, приглашающая на второй этаж, административный столик по другую руку, впереди за ковровым лугом зазывные сумерки ресторанного входа.

А посередке — источник дивергенции, он, Перевалов.

А вокруг курсирование писательских тел, выписывающих замысловатые маршруты.

Один собрат идет кратчайше, льнет в разнополюсном сращении: «Виктор Петрович, милый, кого вижу, над чем трудитесь?»; второй однозарядно отлетел за пределы поля: «Слыхали? Перевалов-то? Где же писательское достоинство?» (а самого аж крючит от зависти); третий вокруг да около выписывает робкие спирали: «Витя! Куда пропал? Пообщаться бы!»; четвертый, перечеркивая конкурирующие трассы, порывом, напрямик, прямиком: «Слушай, а тебе соавтор не потребуется? Там же материалов тьма, я мог бы с документами пошуровать...»; пятый...

Пятый своей траектории не сформировал, так как суетливое тщеславие всего этого видения вновь брезгливо покоробило Виктора Петровича.

Правда, точно желая успокоить, отогнать противность чувства, что-то внутри шепнуло, подсказало: в грядущее сочинение можно ведь вписать самые нужные обществу, самые благороднейшие мысли. Мнимый властительный автор в них ни уха, ни рыла додуматься бы не мог, а народ их как катехизис будет зубрить, законом жизни станут, в учебники войдут! Он, Перевалов, подарит всем идейную благодать.

И все-таки — нет, не будет, откажется. Пусть другой, кто хочет, пусть другие, не он.

Ведь писать от имени кого-то — значит стать им, с его обликом, речью, манерами... Но! Но, но, но... Действительно, возможно обратное: сделать так, чтобы Тот говорил от твоего имени, ну, не от твоего имени, а твое. Сделать его этаким актером, лишь произносящим чужой текст. Или не выйдет? Как же быть, как же быть?..

Захотелось восстановить образ «двойника». Но перед глазами почему-то вырос Начальник купальни. Синий его френч все набухал и набухал мощью, готовой распороть ткань, детский рояльчик у бедра, плотно набитый бутербродами, искрился глянцем истинного концертного инструмента, и даже на фронтоне зазолотились буквы, подобно, предположим, надписи «Стенвей» — «Парабеллум». Фигура старика росла, росла и вскоре заслонила собой все видимое пространство.

В конце января на проводившемся в Вене Международном семинаре по военным доктринам выступил начальник Центрального финансового управления Министерства обороны СССР генерал-полковник В. Н. Бабьев, и это выступление сразу же оказалось в центре внимания многих зарубежных военных экспертов и журналистов. Оно и неудивительно: «главный финансист» Советских Вооруженных Сил дал наиболее полную, чем когда-либо до сих пор, «раскладку» наших расходов на оборону. Цифры, обнародованные В. Н. Бабьевым, важны и интересны сами по себе. Они интересны вдвойне, если учесть, что в те же дни и с той же трибуны с сообщением об американском военном бюджете выступил помощник министра обороны США Д. Чу, и у наблюдателей появилась возможность сравнить, сопоставить военные расходы двух самых мощных в военном отношении государств мира. Сравним. Сопоставим.

Юрий КОРНИЛОВ

СЕКРЕТЫ ПАРИТЕТА

ЧТО СКАЗАЛ И О ЧЕМ УМОЛЧАЛ ГЕНЕРАЛ БАБЬЕВ

Рисунок Алексея МЕРИНОВА

В СССР в 1990 году ассигнования на оборону составляют 70,9 миллиарда рублей, в США — 305 миллиардов долларов. Каковы основные направления этих ассигнований? Их три. Первое — само содержание вооруженных сил; в нашей стране на содержание личного состава (включая выплату пенсий) ассигновано в нынешнем году немногим более 9 миллиардов рублей, в США — 78,5 миллиарда долларов. Вторая важная и крупная статья расходов — расходы на закупки вооружений и военной техники; они в нынешнем году в СССР и США будут выражены соответственно суммами в 31 миллиард рублей и 83,8 миллиарда долларов. Наконец, крупные суммы затрачиваются в обеих странах на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, призванные обеспечить современный уровень и высокое качество вооружений и военной техники. В нашей стране эти расходы составят за год 13,2 миллиарда рублей, в США — 37,1 миллиарда долларов.

Разумеется, структура вооруженных сил двух стран может быть различна. Очевидно и то, что рубль и доллар трудносопоставимы. Но все же, если верить приведенным выше цифрам, получается, что основные статьи военного бюджета США более «весомы», нежели соответствующие статьи нашего бюджета. Чем это объяснить?

Если проанализировать первую из приведенных выше статей военных бюджетов двух государств (содержание вооруженных сил), ответ, можно сказать, лежит на поверхности. Хотя по численности вооруженные силы нашей страны (около четырех миллионов человек) значительно превышают вооруженные силы США (2,1 миллиона человек), содержание американской армии, ВМФ и ВВС обходится значительно дороже, нежели армии советской. Причины очевидны: армия США комплектуется по найму, на добровольной основе, денежное содержание офицеров и генералов американских вооруженных сил в 6—8 раз выше, чем содержание соответствующих категорий наших военнослужащих. Советский солдат получает, если не ошибаюсь, 7 рублей в месяц. А американский? Месячная зарплата рекрута в США — 671 доллар, рядового — 753, капрала — 876, сержанта — 1060 долларов. То есть в десятки раз больше...

Но если «ножницы» в уровне расходов на содержание вооруженных сил двух государств объяснить можно, то гораздо сложнее найти убедительное объяснение того, почему подобные же «ножницы» образуются при затратах двух стран на закупки вооружений и научно-исследовательские работы. Для того, чтобы получить убедительный ответ на этот вопрос, надо иметь возможность сопоставить структуру, уровень и качество вооруженности армий двух государств, не просто сравнить соответствующие статьи двух военных бюджетов, но и «расшифровать» эти статьи, дабы знать, на какие конкретно программы, на закупку (или создание) каких систем и видов вооружений затрачиваются выделяемые государством многомиллиардные ассигнования.

В США данные о вооруженности армии публикуются, а американский военный бюджет содержит обстоятельные тактико-технические характеристики военных программ и видов оружия с точным указанием их количества, сроков поставки и, разумеется, стоимости. Проект бюджета, занимающий сотни страниц, ежегодно выносится на открытое обсуждение в конгрессе. Из печати мы знаем, какие ожесточенные баталии разгорались в последние годы между американскими законодателями по вопросам о том, сколько миллиардов следует затратить, скажем, на производство новейших бомбардировщиков-«невидимок» «Стелс», ракет «МХ» или тех или иных компонентов космического оружия. По требованию конгресса министерство обороны не раз меняло объемы военных программ: так, если первоначально Пентагон настаивал на производстве 200 ракет «МХ», то позднее был вынужден сократить эту программу вчетверо. Конгресс не раз вносил существенные коррективы и в планы Пентагона, касающиеся научно-исследовательских работ.

А как обстоит дело у нас? Справедливости ради надо сказать, что Министерство обороны, пусть и с запозданием — лишь на пятом году перестройки,— но все же обнародовало в декабре 1989 года данные об уровне вооруженности нашей армии, ВМС, ВВС. Из этих данных мы узнали, что в распоряжении наших вооруженных сил примерно 10 тысяч зарядов на стратегических носителях, более 8200 боевых самолетов фронтовой авиации, почти 64 000 танков, 260 подводных лодок, 157 крупных надводных кораблей. Опубликование этих данных дало основание академику Г. А. Арбатову заявить с трибуны второго Съезда народных депутатов СССР, что «мы производим и имеем больше, чем любая другая страна мира, почти всех видов оружия, кроме, пожалуй, крупных надводных военных кораблей и стратегических бомбардировщиков».

Не вдаваясь здесь в существо этой оценки, отметим, что сам факт опубликования приведенных выше данных — это, несомненно, шаг вперед в деле открытости и гласности в военной сфере. Но вот что обращает на себя внимание: сделав этот шаг, рассказав, что сделано для вооружения нашей армии в годы минувшие, Министерство обороны упорно продолжает окутывать завесой тайны наши оборонные программы сегодняшнего и завтрашнего дня. Этой завесой плотно покрыты и соответствующие разделы военного бюджета: сколько ни перечитывай венское выступление генерала Бабьева, под какой лупой это выступление ни рассматривай — никаких данных о стоимости наших программ вооружений, о закупках оружия, об ассигнованиях на конкретные военно-исследовательские работы там не найдешь.

А ведь речь идет не о малом — речь идет о сумме в 44—45 миллиардов рублей! Разве не вправе знать, на какие конкретные цели будет израсходована эта огромная сумма, если уж не широкая общественность, то хотя бы члены Комитета Верховного Совета СССР по вопросам обороны и государственной безопасности? А ведь даже комитету соответствующие данные недоступны. «Члены комитета разумно ставят вопрос, что они должны находиться в равном положении с зарубежными парламентариями, утверждающими ассигнования не только в целом, например, на военные закупки, но и на каждую программу вооружений в отдельности»,— отмечал в начале года на страницах академического журнала «Мировая экономика и международные отношения» обозреватель этого журнала, аккредитованный при Верховном Совете СССР.

«Нестыковка», образующаяся при сколько-нибудь серьезных попытках объяснить, как, каким образом наличие нашего военного паритета с США может сочетаться с отсутствием такого паритета в оборонных расходах двух государств, столь очевидна, что на нее, эту «нестыковку», не могут не обращать внимания на Западе. И они этой «нестыковкой» пользуются, заявляя, что, хотя советская гласность и позволила сделать впечатляющие шаги вперед в ликвидации столь тревожащих мир секретов о военной мощи СССР, Москва и сегодня не сообщает о действительном объеме и уровне своих военных расходов. В докладе специальной экспертной группы НАТО, обнародованном в январе в Брюсселе, утверждается, например, что в 1988 г. СССР израсходовал на военные цели от 130 до 160 миллиардов рублей — вдвое больше, чем объявлено. По утверждению экспертов ЦРУ, военные расходы нашей страны в реальном исчислении в последние годы возросли примерно на один процент. Тот же тезис проигрывали и представители Пентагона во время встреч и бесед с делегацией Комитета Верховного Совета СССР по вопросам обороны и государственной безопасности, побывавшей в феврале в США.

Да не заподозрит меня читатель в том, что я призываю слепо брать на веру данные о нашей военной мощи, почерпнутые из изысканий закордонных разведок! Это, конечно, не так — публикуемые на Западе цифры и комментарии к ним нередко диктуются политическими, а то и чисто пропагандистскими соображениями и уже поэтому зачастую носят явно тенденциозный характер; недаром видный американский военный эксперт Э. Кордесмэн, работающий в аппарате конгресса США, характеризует известное сочинение Пентагона «Советская военная мощь» как «смесь фактов с фантазией». Но ведь сомнения, касающиеся точности ряда опубликованных в последнее время данных об оборонных расходах страны, возникают и у наших весьма уважаемых и авторитетных специалистов. В качестве примера сошлюсь на недавнее интервью «Известиям» председателя Советской национальной комиссии содействия конверсии академика В. Авдуевского, который констатирует, что у возглавляемой им комиссии и ныне нет информации, достаточной для того, чтобы уяснить, что представляет собой советский военно-промышленный комплекс. «Официально публикуемые данные и сейчас не внушают доверия,— продолжает он.— Вдумаемся: что такое годовой бюджет Министерства обороны

в 70 миллиардов рублей? Мы говорим, что у нас паритет с США. Но у них годовой военный бюджет 300 миллиардов долларов. Допустим, у нас дешевая рабочая сила, дешевле содержание армии, материалы, но все равно слишком уж большая разница да еще при более низкой производительности труда».

Советская перестройка, наше новое мышление в международных делах, перевод советско-американских отношений из сферы противоборства на рельсы взаимодействия — все это позволило сделать мир более открытым, взломать многие тайные бастионы, столь долго и столь тщательно скрывавшиеся мундирно-бюрократической ратью от глаз и контроля общественности. Кто, например, мог бы еще два-три года назад всерьез говорить о том, что страны — члены противостоящих друг другу военно-политических блоков должны во имя упрочения доверия свободно наблюдать с воздуха за военной деятельностью друг друга? А недавно, в середине февраля, министры 23 государств, входящих как в Варшавский Договор, так и в НАТО, встретившись на международной конференции в Оттаве (Канада), в принципе выступили за осуществление режима «открытого неба». Даже список пунктов дислокации советских ракет средней и меньшей дальности — и тот обнародован недавно на страницах «Вестника МИД», разумеется, одновременно с аналогичным списком — перечнем пунктов дислокации ракетных баз США. И только когда речь идет о военных расходах страны, поставить все точки над «i» никак не удается ни народным депутатам СССР, ни нашим экономистам, ни журналистам...

Могут сказать: но, позвольте, неужели в военном бюджете США нет никаких секретных статей, которые не оглашаются публично? Есть. Но они составляют в денежном исчислении не более 7—8 процентов от общей суммы ассигнований. Да и об этих секретных расходах, именуемых американской прессой «черными программами», правительство и Пентагон обязаны информировать председателей соответствующих комитетов конгресса, а они, в свою очередь, вправе поставить вопрос об обсуждении данных программ за закрытыми дверьми — без участия наблюдателей и прессы.

Вывод? Он очевиден, и сформулировать его можно так: а не целесообразно ли сегодня еще раз публично и гласно — может быть, с помощью Комитета Верховного Совета СССР по вопросам обороны и государственной безопасности,— со всей скрупулезностью и тщанием проанализировать военный бюджет?

Цель такой работы видится не только в том, чтобы подтвердить должный уровень нашей оборонной мощи, хотя и эта задача исключительно важна; уместно напомнить в этой связи, что многие читатели «Огонька» задают в своих письмах вопрос: а не слишком ли мы спешим с мерами по разоружению, не ставим ли под угрозу безопасность страны? Но не менее важна, думается, и другая сторона дела — определить, а всегда ли аппетиты нашего ВПК соответствуют требованиям, которые предъявляет к вооруженным силам доктрина оборонной достаточности. Ибо кто, в самом деле, может сегодня гарантировать, что при тщательной, всесторонней депутатской проверке оборонных затрат не обнаружится вдруг несколько «лукавых» цифр, не выявится несколько миллиардов «сверхнормативных» рублей, которые Верховный Совет СССР вправе без ущерба для обороны переадресовать нашей находящейся в столь тяжком кризисе гражданской экономике, использовать для решения острейших социальных проблем?

Могут сказать: вопрос риторический. Пусть так. Но лишь до тех пор, пока не взялись всерьез за дело члены нашего парламентского Комитета обороны.

Александр НЕЖНЫЙ

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА

«Сын же сказал ему: «отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостоин называться сыном твоим» (Лука, XV, 21).

«Пока имеем время для врачевания, предадим себя врачующему Богу, давая ему плату. Какую? Покаяние от искреннего сердца» (Святого Климента, Епископа Римского к коринфянам послание второе).

1

Недавно, проходя по Новому Арбату, я обратил внимание на один из плакатов, выставленных в окнах почтамта. Изображены были на нем священник в черной рясе с наперсным крестом и опустившийся перед ним на колени некто в рубище, имеющий на спине пояснительную надпись: «нравственный дух». Все это называлось «Возвращение блудного сына», но, по сути, лишь весьма отдаленно и чисто внешне напоминало притчу, рассказанную Иисусом Христом в тридцатом году новой эры множеству следующего за Ним народа. Ибо священник на плакате был суров, как Савонарола, и в нем даже при очень большом желании нельзя было обнаружить той всепрощающей любви, с которой отец встретил младшего сына и которая и поныне внушает нам робкую надежду, что наше падение, может быть, еще не окончательно и что нам еще суждена иная жизнь.

Но вместе с тем этот плакат в самом центре Москвы, несомненно, отзывался на какие-то чрезвычайно существенные движения в обществе, выносил на всенародное обозрение схваченное поспешными чертами стремление к очищению, признание нравственного превосходства церкви и чувство вины перед нею... Наш «нравственный дух», по нехитрой мысли художника, и есть, стало быть, тот блудный сын, который вернулся и молит о прощении. И еще как бы не вполне известно, покроет ли строгий священник поникшую его голову епитрахилью и произнесет ли над нею проникновенные слова разреши-

Красноармейский клуб. 20-е годы.

тельной молитвы. Однако же чем больше стоял я возле плаката, тем сильнее овладевала мною какая-то смутная маета. Что-то неестественное казалось мне во всем этом — и в самой, так сказать, трактовке **возвращения,** и в том, что она олицетворяла; какое-то даже перехлестывающее через край самоуничижение, которое в недалеком будущем запросто могло перевернуться фарисейством.

Беда, наверное, в том, размышлял я, что в нас есть склонность становиться рабами какой-нибудь одной популярной мысли. В свое время значительная часть нашего общества даже, можно сказать, с надрывом, со злым наслаждением шатнулась в антирелигию, поверив товарищу Емельяну Ярославскому и прочим просветителям такого же пошиба, что Бога нет, а церковь является исключительно орудием эксплуатации невежественного народа. Конечно, сыграло свою роль невиданное в истории человечества насилие, но, помня о нем и отдавая себе ясный отчет, что это было насилие с ярко выраженной идеологической окраской (как сказано в одном партийном документе начала двадцатых годов: «Поповская голова для нас — это тот пень, на котором партия затесывает свои коммунистические колья»), мы не должны забывать, что хотя его острие было нацелено в самую сердцевину народного духа, осуществлялось все-таки оно руками народа, пусть во множестве случаев и одетого в красноармейские шинели.

Крестьяне и рабочие в шинелях и матросских бушлатах убили митрополита Киевского Владимира; закусывали в церквах, и не где-нибудь, а непременно в алтаре, на Святом Престоле; в одном сельском храме Бахмутского уезда пронзили штыками уста на иконах Спасителя и Божьей Матери и в образовавшиеся отверстия вставили зажженные папиросы, приложив затем к образу Иисуса Христа записочку: «Кури, товарищ, пока мы тут; уйдем — не покуришь». В этих вот папиросках, быть может, наглядней и даже страшнее, чем в кровавых расправах, обнаружилось овладевшее немалой частью народа пренебрежение святынями. Конечно, сыграло свою роль настроение **толпы,** взаимное возбуждение, жуткая радость вседозволенности — все, что всегда толкало и толкает человека п е р е с т у п и т ь. Вот почему какие-нибудь собрания, единогласно постановляющие вычеркнуть из числа святых Сергия Радонежского и Тихона Задонского как «праведников буржуазного происхождения», устраивающие суд над Богом и разбирающие нравственность Богородицы, или публичные, собирающие тысячи и тысячи молодых людей глумления в дни Рождества и Пасхи в десятках городов страны; или даже разрушение храмов, уничтожение икон и омерзительная продажа церковных ценностей и собраний религиозной и святоотеческой литературы сметливой загранице — все это воспринимается как закономерное следствие двух дымящихся в проколотых устах Христа и Богоматери папиросок.

2

Но как бы ни был силен потрясший Россию подземный толчок, Русская православная церковь едва ли оказалась на грани полного разрушения, если бы по ее стенам с давних пор не поползли бы опасные трещины. Понимая, что нет ничего беспощадней, чем праведный гнев людей, в самое последнее время объявивших — как вполне искренне, так и не без лукавства — о своей близости к церкви, я все же укажу на несомненные признаки народного охлаждения к культу, ставшие особенно заметными со второй половины семнадцатого столетия. Сделать это тем более необходимо, ибо в противном случае наше возвращение вполне может оказаться спектаклем, способным, правда, вызвать слезы умиления, но в итоге неминуемо оставляющим после себя пустую, черную сцену.

Так вот: сомнения в церкви как выразительнице божественной правды и любви, недоверие к ее служителям, зачастую отступающим не только от Христа, но и от требований повседневной нравственности, народ достаточно недвусмысленно выразил, например, в «Русских заветных сказках», где в роли глупца, сластолюбца, завистника и стяжателя непременно появляется священнослужитель. Поп, дьякон и дьячок за мзду хоронят по-христиански козла; архиерей, получив взятку, благословляет совершившееся святотатство... Поп ржет, как жеребец... Взяточник и распутник архиерей грешит с игуменьей... «Жил-был поп, имел большой приход, а был такой жадной, что Великим Постом за исповедь меньше гривенника ни с кого не брал...» Само собой, мы были бы слишком несправедливы к народу, если бы сочли эти сказочки исключительно плодом его досужего вымысла, ничего общего не имеющего с действительностью. «А на што тебе, Саввушка, кондак, блядин ты сын и так»,— читаем в «Сказании о попе Савве» и невольно отмечаем его перекличку с появившимся век спустя «Балдой» нашего первого национального поэта. Опустим «Гаврилиаду», но вспомним этот вот забавненький стишок, который, правда, всегда помещают в раздел сочинений, приписываемых А. С. Пушкину, но который тем не менее устойчиво связан с его именем. «Мы добрых граждан позабавим И у позорного столпа Кишкой последнего попа Последнего царя удавим». (Что ж после этого удивляться поповской голове, на которой очень удобно затачивать коммунистические колья!)

Можно было бы привлечь к сему высказывания наших революционных демократов, иные из которых вышли из семинарий законченными атеистами, но обратимся лучше к тем, кто держался веры отцов, кто видел в православии основу народной жизни и кто не мыслил Россию без храма. «Вот факт столько же бесспорный, сколько и печальный: власть духовная, носительница высшего нравственного начала в обществе, никакого нравственного авторитета у нас не имеет». Это Владимир Сергеевич Соловьев, год 1881-й; и хотя с некоторых пор одним из признаков хорошего православного тона снова становится подозрение Соловьева в католицизме и некое высокомерно-снисходительное отношение к его религиозно-философским построениям, нам все же, по-моему, следовало бы держаться скромнее и помнить, что это был, попросту говоря, гений или, если хотите, пророк (что в известном смысле одно и то же), указавший путь христианского возрождения России.

«Развился фетишизм лица, фетишизм фигур, фетишизм целого сословия: они все — маленькие боги, ходящие среди человеков,— движущиеся мощи, каждая ждущая своей канонизации». Это Василий Васильевич Розанов, его «Около церковных стен», где так много любви к церкви, но не меньше поставленных перед нею бесстрашных вопросов.

И — вслушайтесь, вчитайтесь, вдумайтесь: «Переход в социализм и, значит, в полный атеизм совершился у мужиков, у солдат до того легко, точно «в баню сходили и окатились новой водой». Это надгробное рыдание помечено восемнадцатым годом, годом, когда Василий Васильевич буквально проклял (но еще глубже, еще безнадежней полюбил!) Россию, сравнив ее с пьяной бабой, которая шла, «спотыкнулась и растянулась». (Много, очень много напряженной работы по стерилизации русской литературы и русской мысли предстоит очередным пленумам СП РСФСР.)

Князь Евгений Николаевич Трубецкой — в письме священнику Павлу Флоренскому по поводу его книги «Столп и утверждение истины» (январь 1914-го): «Это яркое и красноречивое свидетельство того, что не иссякла в нас жизнь духовная и что под п о к р о в о м м е р т в е ч и н ы, о к у т а в ш и м н а ш у Ц е р к о в ь (разрядка моя.— **А. Н.**), таится живая сила». И, наконец, вот свидетельство русского православного священника и выдающегося мыслителя Сергия Булгакова, размышляющего о глубинных религиозных корнях нашей революции: «Распутин был точкой приложения, медиумом для некоторых мистических сил. И тем не менее в этом роковом влиянии более всего сказался исторический характер, даже значительность последнего царствования. Царь взыскал пророка теократических вдохновений. Его ли одного вина, что он встретил на свой зов, идущий из глубины, только лжепророка? Разве здесь не повинен и весь народ, и вся историческая Церковь с ее первосвященниками во главе?»

В пору, когда действительно необходимое для нравственного оздоровления общества национальное самосознание подчас низводится до самого постыдного национализма, историко-философская трезвость русских религиозных мыслителей могла бы уберечь многие сердца от ненависти, уже теперь всем нам грозящей последней и окончательной пропастью. Праведен и страшен счет за насилие над церковью — за две чадящие папироски в устах Спасителя и Богоматери! — предъявляемый ныне к тем, кто вырезал из живой России немедленный рай. И храм Христа Спасителя, в тридцать четвертом превращенный в груду развалин, чтобы очистить место новому храму новой (но, в сущности, столь же древней, как и все прочие наши заблуждения) религии о б о ж е с т в л е н и я ч е л о в е к а (хотя сказано: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи». Мф. IV.10), недаром все неотвязней, все больней бередит нашу совесть, вызывая в ней искреннее желание искупить грехи самонадеянных отцов.

Однако материальное восстановление храма (построенного, как известно, из сорока миллионов кирпичей) при всей привлекательности и даже символичности замысла есть всего лишь самая малая часть выпавшей на нашу долю тяжелейшей духовной работы. Эта работа беспощадна и мучительна, как всякое очищение; но Лазарь останется мертвецом, если над ним будут произносить только хвалебно-утешающие речи. Она беспощадна в первую очередь к свойственному многим из нас стремлению изобразить народ исключительно жертвой великого обмана, а разрушение церкви — делом одних лишь выпестованных революцией безбожных сил. Но таким путем не совершается в о з в р а щ е н и е; так нас по-прежнему будет кружить бес: от ненависти — к ненависти и от крови — к крови. Когда в семнадцатом веке после потрясений едва не погубившей Россию Смуты русские люди стали задумываться о ее причинах, то ни келарь Троице-Сергиевой лавры Авраамий Палицын, ни дьяк Иван Тимофеев, ни один из известных нам и анонимных русских писателей той поры и в малой степени не поддались соблазну признать первоисточником всех бед какую-то чужую, внешнюю, инородную силу. Хотя причины такого рода буквально просились под перо, хотя чрезвычайно удобно и просто было объяснить Смуту польским (в военном смысле) и католическим (в религиозном) нашествием,

в отечественной литературе семнадцатого века мы находим совершенно иное, неизмеримо более глубокое толкование русской трагедии. Грех всей земли, всего народа, повреждение нравственных основ жизни — Христа забыли! — вот первопричина, в которой единодушно сходятся Авраамий Палицын и Иван Тимофеев и которая, по их мысли, и навлекла на Россию великую скорбь.

При всей прерывности русской религиозно-философской традиции нельзя не отметить общего для Ивана Тимофеева (XVII век) и, скажем, для Сергия Булгакова (XX век) бесстрашного стремления выявить объективные основы случившихся с нами национальных катастроф. И первой среди них они называют блуждания, смущения и соблазны народного духа.

3

Таков же был взгляд на русскую пореволюционную Смуту Патриарха Тихона (Белавина), печальника русской земли.

Избравший его Собор определил: «В частности, Патриарх имеет... долг печалования перед государственной властью». Долг, некогда исполненный митрополитом Филиппом и Патриархом Ермогеном и на сотни лет забытый иерархами Русской православной церкви, как бы потерявшей дар речи — сначала от преданности государству, а затем и от ужаса перед ним.

Со времен первого Патриарха Московского и всея Руси Иова берет начало важнейшая для отечественной истории глава, которую можно было бы назвать **первосвятитель и власть.** В ней повторяется сюжет, строящийся на противостоянии двух начал — духовного и государственного. Их симфония, радостное согласие и единство — идеал православного царства, словно бы даже обозначившийся при Никоне и Алексее Михайловиче, был и по всей видимости навсегда останется недостижимым прежде всего из-за трагического несоответствия земного и небесного в нашей жизни. Но невозможность симфонии вовсе не означает, что все духовное должно замкнуться в келью и лишь через узкое ее окошко иногда посматривать на погрязающий в грехах мир.

Семь с лишним лет служения Патриарха Тихона представляют собой беспримерный, пожалуй, во всей истории цивилизованного человечества подвиг борьбы главы Церкви с властью, едва ли не с первых дней решившей во что бы то ни стало истребить веру в народном сердце и окончательно упразднить религию. Это была борьба, быть может, даже не только и не столько за спасение Церкви, сколько борьба за народную душу, за спасение нравственности народа, **за сохранение в нем чувства греха и стремления к покаянию.** Это была борьба против лжи — за правду; против насилия — за добро; против несвободы, которую власть положила в основу нового государства,— за свободу, которую предоставил человеку Бог. В перевернувших Россию событиях, в той страшной, поистине апокалипсической године Патриарх Тихон увидел грех народа, не сумевшего противостоять обольщению земным благам. Увидел — и призвал к покаянию. Он увидел мрачное шествие насилия и, верный Христу, призвал Православную Русь отказаться от вражды, гнева и мщения. Он увидел погибель и разорение русской земли — и горьким словом обличил новых вождей.

Призыв Патриарха Тихона к покаянию, к сурово-взыскательному взгляду внутрь себя, к неприятию всяческой лжи и к осознанию Христа как единственного путеводителя и единственного судию во всех терзающих нас распрях нисколько не потерял для нас своей силы. Напротив — именно сейчас, когда последние запреты сметены и кровь уже пролита, когда, как говорил умный дьяк Иван Тимофеев, каждая злоба на наших глазах становится матерью второй, он приобретает поистине всеобъемлющее значение. Безумие заразно: в казарме, которую строило для нас государство, бред насилия может оказаться столь же повальным, как и в маленькой пивнушке, из которой проклюнулся громадный фашизм. И блудный сын спешит ныне к отцу не только потому, что бездарно прожил свою «часть имения», вынужден пасти свиней и мечтает досыта наесться «рожками», из которых варят для них пойло; не только нищета и голод гонят его, но и страх потерять образ человеческий, ужас перед духовной смертью и еще не убитое до конца отвращение перед унизительной ложью, мало-помалу выедающей из него душу.

Но хватит ли у него мужества последовать призыву Патриарха Тихона и признаться, что грех — на нем, что он сам, поддавшись соблазну, ушел от отца? И отвергнет ли льстецов, уже кидающихся наперебой внушить ему, что он, собственно, тут как бы и ни при чем, что ему необязательно казнить себя раскаянием и что его, если вникнуть, увели из отчего дома инородцы? И с тихим упреком промолвит ли священнику: «Пастырь добрый! Ты был поставлен пасти меня — и не уберег. Отчего?»

Немощь исторической Церкви в значительной степени определила духовное состояние народа. Мысль не нова, она тревожила Россию еще в самом начале нынешнего века, на пороге ее религиозного возрождения, так много обещавшего обществу и так страшно прерванного в семнадцатом году. Повсеместно было ощущение крайнего неблагополучия в Церкви, отлива религиозного вдохновения, углубляющегося разрыва между неканоническим, навязанным государством управлением Церковью и жизнью народа, для которого епископ был как бы маленьким монархом, лишь по великим праздникам снисходящим до подданных.

Я вынужденно спрямляю и потому не касаюсь глубочайшей темы народных основ православия. Она вовсе не исключает сказанного выше о Церкви, после петровских реформ угодившей в золотую клетку (в Советской же России — попросту в зону), но только она поможет нам уяснить такие потрясающие явления народной религиозной жизни, как Серафим Саровский, Иоанн Кронштадтский, Алексей Мечев, и только она, по моему убеждению, дает внятное объяснение тому, со всех остальных точек зрения, поистине необъяснимому факту, что Церковь выжила, несмотря на террор исключительно враждебного к ней государства. В хрестоматийном советском обиходе слово «мистика» приобрело столь же дурную репутацию, как, к примеру, «спекуляция» или «проституция». Однако свободное мышление, с достоинством признающее реальность неких, до конца непостижимых тайн бытия, скажет нам, что грехи и заблуждения исторической Церкви не могут поколебать ее внеземных опор.

Непроницаемая тайна окутывала доходы епископата. Только в 1909 году после настойчивых требований Думы Синод опубликовал соответствующие данные, и русское общество с горьким чувством узнало, например, что годовой доход киевского архиерея составляет 48 000, а московского — 35 000 рублей. (Правда, в епархиях поменьше епископы получали скромнее: в Пскове — 3600, Перми — 2900 рублей.)

Вообще говоря, для иных церковных деятелей и в ту пору, и в наше время зависимость от государства наверняка была милей, чем правовая и духовная самостоятельность Церкви и связанная с этим открытость. Десятилетиями наше общество было лишено всякой возможности узнать не только, кто есть кто, скажем, в Политбюро ЦК КПСС, каковы реальные доходы и условия жизни его членов, но не могло получить ответ на подобные же вопросы, относящиеся к епископату Русской православной церкви, материальное существование которого, между прочим, целиком и полностью обеспечивает народ своей добровольной жертвой. Когда телевидение показывает благостный сюжет о митрополите воронежском Мефодии, передающем дачу многодетной семье, нельзя не задаться вопросом: откуда у него, монаха, епископа, такая дача? И не осталось ли у него в запасе еще кое-какой недвижимости, с которой как-то увереннэй чувствует себя на грешной земле даже и архиерей? Самый молодой митрополит Русской православной церкви, открoвенно нацеленный на высшие посты в церковной иерархии, он был нежданно-негаданно приостановлен в своем стремительном продвижении и освобожден от должности председателя хозяйственного управления Московской Патриархии в связи с обстоятельствами, о которых можно лишь догадываться.

Есть нечто печально-общее в положении Русской церкви тогда и теперь. И сегодня, как в начале века епископ Антонин Нарвский, мы спрашиваем с тревогой: «Ужели апостол Павел пройдет по-прежнему прикованным к руке центуриона?» И, как епископ Антоний Волынский, сокрушенно вздыхаем о церковных бедах, сравнивая болезнь русского прихода со страданиями тифозного больного. И, как богослов В. Тернавцев в своем докладе, 29 ноября 1901 года открывшем «Религиозно-философские собрания» в Петербурге, отмечаем чрезвычайное положение Церкви и говорим, что наступило для нее время «не только словом, в учении, но и делом» принять участие в создании правды на земле.

Тогда — не получилось.

В 1905 году Николай II отложил Поместный Собор до «подходящего момента», который так и не дался ему в оставшиеся двенадцать лет его несчастливого царствования. Лишь на пороге другого времени Русская церковь ощутила себя свободной, но плен несравненно страшнее прежнего ожидал ее.

4

Притчу о блудном сыне Федор Михайлович Достоевский намечал развернуть в роман. Тема великая — все человечество, по сути, было и остается блудным сыном, но для нашего времени, для нашей страны с ее библейским опытом хождения по мукам она имеет совершенно особенное значение. Нам, может быть, будет легче вернуться, ибо за нас свидетельствуют пережитые нами страдания и пролитые слезы, которыми — хочется верить — очищается душа. Но вместе с тем такой крутой и долгий подъем предстоит нам, из такой пропасти социальной нищеты и духовного оскудения надо выбираться, что отчаянно-негодующий вопль в иные минуты разрывает грудь и достигает, должно быть, высочайшего неба: сколько же нам еще мучиться, о Господи?! Неужто, как отвечал некогда многотерпеливой своей жене протопоп Аввакум, «до самыя до смерти»?

Когда будто бы луч солнца нечаянно упал на золотые купола, и мы, словно прозрев после семидесятилетнего ослепления, наконец-то увидели ее красоту, то с каким-то, можно даже сказать, почти исступлением (обостренным, надо признать, и чувством вины за совершенное предательство) все свои упования вдруг возложили на нее. Она примирит раздирающие общество страсти, заживит раны, остановит кровь, она прольет мирру покоя в мятущиеся души. И со всех сторон, раздается сейчас этот призыв, этот глас надежды, этот иногда просто вопль: возьми нас и научи! Хотелось бы вздохнуть с облегчением и промолвить: наконец-то! — да что-то сдерживает.

Иногда, вы знаете, попросту столбенеешь от глупости и родной ее сестрицы — пошлости. Чего, к примеру, стоит популярный ныне исполнитель с припудренным, как у Пьеро, лицом, который выходит с гитарой под звучащую на весь зал из динамиков молитву: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас!» Хор из девиц в каких-то полупрозрачных одеяниях, пытающийся красиво спеть «Жертву вечернюю»! Телевизионная дама, со счастливым придыханием обращающаяся к митрополиту: «Мы ждем вашего божественного слова!» (Честно говоря, и сам митрополит, без тени юмора ее выслушавший...) Пишущий народ, валом поваливший в Оптину Пустынь и считающий непременным долгом запечатлеть свое пребывание в монастыре каким-нибудь выспренним текстом, а заодно и чуть-чуть польстить себе неким уподоблением Николаю Васильевичу или Федору Михайловичу, совершенно упуская при этом из виду, что они приезжали сюда вовсе не как писатели, а как православно верующие люди; комментатор программы «Время», без тени сомнения уверяющий нас (показывали архиерея, прибывшего в заводской цех), что архиепископ плохому не научит; народный депутат СССР Н. Струков, в речи на втором Съезде народных депутатов СССР искренне признавшийся в неизбывной любви к административно-командной системе и вместе с тем провозгласивший прямо-таки осанну религии и тем, кого он назвал «духовниками»,— все это не вызывает ни радости, ни облегчения. В самом деле, какая радость может быть от того, что молитву пристегивают к шлягеру, а чистое золото священного разменивают на мелкую политическую монету?!

М. Антонов со страниц «Нашего современника» открывает нам глаза на «космополитически» и «патриотически» настроенные руководящие кадры. Если первым, само собой, «наплевать на народ, на его духовность и, следовательно, на его Церковь», и они лишь «из политических соображений» заигрывают «с церковными иерархами, стремясь накануне решающей битвы в истории нашей страны привлечь верующих на свою сторону», то вторые в своей простодушной прямоте, будучи «менее искушены в политике, упрямо придерживаются своего недоброжелательного отношения к Церкви». Если отбросить тяжеловесность этого пассажа, то на свет Божий появится действительное и едва ли не основное противоречие нашей жизни — между теми, кто последовательно выступает за демократические преобразования общества, и теми, кто до судорог цепляется за достижения казарменного социализма, среди которых одним из наиболее замечательных было неограниченное право вбивать атеизм с помощью государственной дубины. Исходя из собственного немалого опыта общения с «патриотически настроенными руководящими кадрами» — всякий раз по поводу грубейшего нарушения ими прав верующего народа, смею вас уверить, уважаемый М. Антонов, что вы зря стараетесь: горбатого могила исправит. И вы совершенно напрасно превращаете Церковь в некую козырную карту политических игр — у нее, как вам известно, совсем иное назначение на этой земле.

Лишь поверхностному или — что, вероятно, одно и то же — необратимо секуляризованному уму религиозный вопрос кажется второстепенным, обособленным от социально-хозяйственной жизни и потому не имеющим того значения, какое, к примеру, придается всеобъемлющей экономической реформе. Можно показать, что это совсем не так, сославшись хотя бы на Западную Европу. Ибо все, чем она заслуженно гордится перед нами — политические свободы, свобода совести, права человека, экономическое благоденствие,— все это имеет глубокие религиозные корни. Религия создает личность; личность — общество и государство. Я не говорю уже о том, что заповеданные нам заботы о природе и всей сущей в ней твари, о плодах земли и человеческом благе без духовной санкции — и мы вполне убедились в этом на примере нашего хозяйственного крушения — будут лишены всякого положительного содержания. Вот почему религиозный вопрос — это первый и главный вопрос наших дней и вот почему не дай нам Бог уклониться в какое-нибудь ложное его решение.

Такая опасность есть — и вне Церкви, и внутри нее. Чрезвычайно поучительно в этой связи присмотреться к складывающемуся на наших глазах парадоксальному союзу определенной части партаппарата с определенной же частью епископата Русской православной церкви. Читатели, может быть, помнят статью первого заместителя заведующего Идеологическим отделом ЦК

КПСС, доктора исторических наук А. Дегтярева («Огонек» № 48, 1989 г.), поводом для которой стала моя беседа с бывшим председателем Совета по делам религий при Совете Министров СССР К. Харчевым («Огонек» № 44, 1989 г.). Об обстоятельствах смещения К. Харчева говорил на встрече с коллективом московского производственного объединения «Каучук» член Политбюро ЦК КПСС В. Медведев; пространную статью на эту же тему опубликовал в газете «Советская Россия» (22. XI. 89 г.) профессор А. Ипатов.

(Был членом Совета по делам религий при Совете Министров СССР, откуда в 1985 году вынужден был уйти с выговором за халатное отношение к служебным обязанностям.)

У меня (и, насколько я знаю, у Константина Михайловича Харчева) давно готов ответ на все эти выступления, из которого совершенно ясно, что подавляющее большинство обвинений, срочно собранных против бывшего председателя Совета, есть самая настоящая липа. Липа — история с так называемым церковным пчеловодческим кооперативом; липа — Харчев во главе религиозных делегаций; липа — общеконфессиональная, так сказать, нелюбовь к председателю Совета.

Конечно, Харчев не рубль, чтобы всем нравиться; но я знаю многих православных священнослужителей, которые относились к его деятельности с большим уважением. А председатель Совета церкви адвентистов седьмого дня в РСФСР М. П. Кулаков в разгар, как выяснилось позже, вовсе не беспочвенных слухов о готовящейся отставке Харчева обратился с письмом к М. С. Горбачеву. «Уважительное отношение К. М. Харчева к верующим людям,— писал, в частности, Кулаков,— содействует наилучшим образом заживлению многих тяжелых ран прошлого. Я с замиранием сердца думаю: неужели антиперестройщики в своей борьбе против умных и добрых людей, таких, как Харчев, возьмут верх? Каким шоком это явится для всех, кто уверовал в демократизацию нашего общества! Молюсь о том, чтобы этого не случилось».

И А. Дегтярева, и А. Ипатова ужасно подвело стремление выставить бывшего председателя Совета по делам религий в самом черном свете. Профессор размахивает мечом статистики, возлагает на Харчева ответственность за голодовку верующих в Иванове, утверждает, что члены Священного Синода Русской православной церкви побывали со своими жалобами на Харчева в Верховном Совете СССР, но всякий раз, рассчитывая подложить бывшему председателю свинью, обнаруживает ее под собственным боком.

Профессор! В следующий раз, взявшись за перо, попробуйте хотя бы на секунду вообразить, что вас запросто, без всякого уважения к сединам и званиям, словно какого-нибудь нашкодившего мальчишку, могут принародно уличить в желании обвести читателей вокруг профессорского пальца. Ваша статистика гроша ломаного не стоит, и вы это прекрасно знаете. Вы знаете, должны знать, что громадное большинство возникших в 1981—1984 годах новых религиозных обществ принадлежало баптистской церкви и церкви христиан веры евангельской (пятидесятникам). И что вызвано это было вовсе не потеплением отношения Совета по делам религий к протестантским конфессиям, а принятым в ту пору решением чисто политического свойства. Вы, несомненно, знаете, должны знать (и должны были сообщить читателям «Советской России»), что с 1965 по 1984 год было зарегистрировано всего 39 новых религиозных обществ Русской православной церкви. А закрыто (с благословления, разумеется, Совета, где вы активно трудились) — 1094. Эта красноречивая цифирь лучше всяких слов объяснит нам подлинное отношение к Русской православной церкви тех ответственных работников, которые сейчас вдруг оказались ее доброхотами, запамятовав однако, что при Леониде Ильиче им ничего не стоило переступить права верующих и оскорбить религиозное чувство миллионов своих сограждан.

Вы, кроме того, должны знать, что возглавляемый К. М. Харчевым Совет по делам религий был последователен за регистрацию второго православного религиозного общества в Иванове и за передачу ему Введенской (Красной) церкви; и вы не можете не понимать, что А. И. Лукьянов, у которого с жалобой на Харчева побывали постоянные члены Священного Синода Русской православной церкви, при совершенном к нему уважении никак не заменит собой весь Верховный Совет. Народные же депутаты СССР ни сном, ни духом не знали о смещении Харчева.

Замечу еще для сведения профессора, что предложение о выборах в церковное руководство вовсе не какая-то досужая выдумка, а возвращение к замечательному опыту Русской православной церкви. Летом 1917 года в России прошли выборы епископов. В Москве, например, епархиальный съезд (его члены были избраны тайным голосованием на приходских собраниях) из нескольких кандидатов большинством голосов выбрал московским митрополитом архиепископа Виленского и Литовского Тихона. Пять месяцев спустя, на I Всероссийском поместном соборе, митрополит Тихон, один из трех кандидатов, был избран Патриархом Московским и Всея Руси.

Но в конце концов ложь, недомолвки, умолчания есть всего лишь испытанные приемы отечественной пропаганды, равно как и соответствующий им набор выражений: «циничное отношение», «бесцеремонное вмешательство», «вспышки агрессивности», «не состоявшийся председатель»... Так вообще было принято (по крайней мере до недавней поры) в нашей партийной полемике, в которой спокойная сила доказательств сплошь и рядом подменялась направленным и злобным унижением человека, осмелившегося выйти из пристрастно-ровного для руководящего ока строя. «Несостоявшийся председатель» — и баста. И после этого с легкой душой можно ни единого слова не проронить о сути.

Отчего, например, в Идеологическом отделе ЦК КПСС проблемами религии по-прежнему занимаются люди, в свое время буквально ложившиеся костьми, только чтобы Киево-Печерская лавра не была возвращена Русской православной церкви? Отчего никак не дойдет до общества проект Закона о свободе совести? Есть ли смысл сохранять Совет по делам религий в его нынешнем виде? Будут ли внесены изменения в 52-ю статью Конституции СССР? Покончим ли мы когда-нибудь с государственной поддержкой атеизма? И как объяснить появление на посту председателя Совета по делам религий (без всякого обсуждения на Верховном Совете СССР) Ю. Н. Христораднова.

Будучи долгое время первым секретарем Горьковского обкома КПСС, он приложил немало усердия, чтобы довести нижегородскую землю до чудовищного состояния. В 1986 году «Правда» отмечала, что в РСФСР Горьковская область занимает 49-е место по вводу дошкольных учреждений, 59-е — по обеспеченности населения больничными койками, 68-е — по вводу общеобразовательных школ. В 1984—1986 годах область недобро прославилась целым рядом фальсифицированных судебных процессов; в 1987-м, на июньском Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь Центрального Комитета подчеркнул, что многие жизненно важные вопросы в Горьковской области решаются неудовлетворительно. Критика подействовала. Год спустя Ю. Христораднов оказался в кресле Председателя Совета Союза Верховного Совета СССР, а еще через год справил новоселье в кабинете председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР. Сообразуясь с принятым ныне тоном, он высказывает озабоченность нарушениями законных прав верующих граждан СССР. Это чистой воды лицемерие. Православные и старообрядцы Горьковской области могут многое рассказать, как им жилось при Христораднове, и ничего хорошего от них мы не услышим. Его назначение, разумеется, не случайно. Оно наглядно показывает сплоченность аппарата, его умение заботиться о своих и стремление проникнуть в сердцевину перестройки, чтобы высосать из нее все живые соки.

Разумеется, было бы детской наивностью предполагать, что все эти наболевшие вопросы действительно занимают наших авторов. Им, собственно говоря, важна не столько сама жизнь, сколько их представления о ней. И с этой точки зрения они справедливо возмутились Харчевым, который как бы вынес сор из избы, заговорил о том, о чем принято было молчать, открыл для всеобщего обозрения то, чему надлежало быть скрытым.

Удивительно тут совсем другое.

Знаете ли, чем больше живешь на белом свете, тем сдержанней относишься ко всякому внезапно вспыхнувшему чувству — тем более к любви, родившейся, мягко говоря, из крайней неприязни и как-то уж очень вдруг. В самом деле: еще вчера (о чем свидетельствуют недавно рассекреченные архивы Совета по делам религий) предшественник Харчева В. Куроедов определял, кого посвящать в епископы, а кого и близко не подпускать к кафедре, требовал от патриарха Алексия безоговорочного согласия на то или иное, уже принятое государственно-партийными органами решение, касающееся сугубо внутренних дел Церкви, по указанию свыше мог навязать Русской православной церкви реформу управления.

31 марта 1961 года в Совет были приглашены Патриарх Алексий, митрополит Питирим (Свиридов), архиепископ Пимен (Извеков) и епископ Никодим (Ротов). Куроедов объявил им, что необходима церковная реформа, и на классическом новоязе сказал: «Создавшееся положение с управлением религиозных общин справедливо вызывает недовольство среди верующих, тем более что в нашей подлинно демократической стране, в которой управление государством осуществляется народом, сохранившаяся в религиозных общинах диктаторская власть одного лица недопустима. По этому вопросу Совет получил указание правительства и рекомендует вам пересмотреть отдельные пункты Положения об управлении Русской православной церковью».

Иными словами, атеистическое государство, которое в первые десятилетия своего существования стремилось уничтожить Церковь, в 60-е, 70-е годы и в первой половине 80-х лишь терпело ее, при каждом удобном и неудобном случае давая понять, что она находится на положении заложницы и что советские законы на нее не распространяются.

Конечно, не к Церкви, не к народу, верующему во Христа распятого и воскресшего и «паки грядущаго со славою судити живым и мертвым», вдруг изменилось отношение определенной части партаппарата, а к церковному руководству. Какая-то невиданная до сих пор любовь к архиереям, какая-то, прямо скажем, небывалая идиллия и трогательное стремление уберечь их от неприятностей, какая-то совершенно исключительная подчас демонстрация уважения, вызывающая, впрочем, воспоминания об одной сентябрьской ночи сорок третьего года, когда «отец родной», почти уже прикончивший Русскую православную церковь, разрешил ей жить дальше. Взамен бывший семинарист хотел не только поддержки в борьбе с гитлеровским нашествием, он хотел, чтобы ему кадили и чтобы его власть и его царствование были освящены Церковью как власть и царствование от Бога. Он хотел — и получил желаемое.

Патриарх Московский и Всея Руси Алексий назвал Сталина избранником Божиим, «которого Промысел Божий избрал и поставил вести наше Отечество по пути благоденствия и славы...».

Сегодня в аппарате обособляется та его часть, которая пытается обосновать имперские притязания с помощью национальной символики, имеющей в своем центре Храм. И нельзя не поражаться, что деятелей Церкви не отталкивает легко различимый в мечтаниях их новых друзей образ России не Христа, а Ксеркса. Как будто на злобу нашего дня сказано Георгием Федотовым в тридцать третьем году: «Бесконечно тяжело, что наше национальное возрождение хотят начинать вместо плача Иеремии с гордой проповеди Филофея».

5

Читатели «Огонька» уже знают о майоре КГБ А. Хвостикове, проводившем «контрразведывательную работу по линии Русской православной церкви» (цитирую по тексту приговора) и расстрелянном в ноябре 1985-го по приговору военного трибунала Северо-Кавказского военного округа, в том числе и за взятки «от священнослужителей и церковников Ростовской епархии за выполнение, с использованием своего служебного положения, различного рода действий в интересах взяткодателей».

Трибунал счел доказанной сумму в 142 тысячи рублей, хотя, по утверждениям некоторых свидетелей, набежало под миллион... Суду, как говорится, виднее; Александр Михайлович Хвостиков на тридцать девятом году жизни к своим двум медалям («60 лет Вооруженных Сил СССР» и «За безупречную службу» III степени), диплому юридического факультета и партийному билету получил пулю, но правосудие, казнив этого еще молодого человека и приняв частное определение в адрес КГБ СССР, не произнесло ни единого слова о том, что Хвостиков погиб не раньше и не позже того дня, часа и мига, когда понял, что в мутной воде государственно-церковных отношений хорошо ловятся жирные караси.

Неглупый юноша (Хвостиков начал служить в 24 года), он довольно скоро сообразил, что поющаяся на литургии «Херувимская» вовсе не представляет собой зашифрованного сообщения для затаившегося в притворе Джеймса Бонда, что Советская власть наверняка не падет от заговора запуганных клириков и многотерпеливых русских женщин и что вообще вся порученная ему контрразведка есть бессмысленное и подлое издевательство над собственным народом. Осознав это, он, к несчастью, не вознегодовал, не проклял свою службу, не написал прямо на Лубянку, лично товарищу Андропову: «Протестую!» или хотя бы: «Прошу меня уволить из органов» — нет. Вместо этого открыл для себя, что приводящая в трепет миллионы простых советских граждан **тайна** государственной безопасности предоставляет ему неограниченную возможность выкачивать деньги из церковной кружки. Конечно, он врал, фанфаронил, пугал (иногда — жестоко), но ведь и помогал своим клиентам: Ф. Савиной — стать председателем церковного совета Покровского молитвенного дома в городе Шахты (попросту говоря, старостой. Факт: многие старосты ныне действующих православных храмов — ставленники либо уполномоченных Совета по делам религий, либо коллег Хвостикова по контрразведке «по линии Русской православной церкви»), В. Щеглову — получить должность завхоза Ростовского епархиального управления, а затем регистратора малого храма Ростовского собора, В. Коряку — занять место настоятеля Вознесенской церкви в Ростове-на-Дону. Ему **несли** из корысти, желания угодить, из страха — и он перекраивал церковный совет, выкидывал из него неугодных и включал угодных; несли — и он давал добро на рукоположение в священнический сан; несли — и он обещал священнику архиерейскую митру... Поистине, не к правящему архиерею сходились нити действительного руководства епархией, а к нему, Хвостикову.

И не он один был такой беззаветный контрразведчик в огромной нашей державе, и не его одного кормила и поила она, не смея даже спросить, в самом ли деле заняты они ее безопасностью!

Многозначительная сама по себе, история величия и падения майора Хвостикова представляет собой доведенную до умопомрачительного абсурда модель нынешних государственно-церковных отношений. И как это ни покажется странным, но в силу извращенного порядка вещей, отсутствия закона и малейших правовых гарантий, в силу, если хотите, рабства, в равной мере

пагубного и для господина, и для раба, вторую сторону подобные отношения вобщем-то устраивали. (Я вывожу за скобки примазавшееся к Церкви ворье, хотя и оно получает почти неограниченную возможность красть лишь благодаря существующему положению.) Она постанывала, покряхтывала, иногда отваживалась на анонимные письма с разоблачениями Хвостикова (тот и в самом деле обнаглел и «в последние годы контролировал почти каждый случай подсчета денег кружечного сбора и называл конкретную сумму для передачи ему в качестве взятки»), однако твердо усвоила, что заповеданная ей Патриархом Сергием покорность власти является для нее основным условием не только выживания, но даже и достижения благополучия (я имею в виду, конечно, личное благополучие, которым, как и многих из нас, грешных, власть смирила не одного епископа и священника). Быть может, сергианство и вправду сохранило нам церковную организацию, но заплатить за это пришлось страшную цену нравственного унижения.

Петь осанну Сталину, смиряться перед Хрущевым, славословить Брежневу, угождать Хвостикову — поистине такая участь достойна сожаления. Надо отрясать со своих ног самую пыль ее и уходить на дорогу свободного служения Богу, но соблазн сильнее прежнего овладевает теперь иными церковными умами, соблазн союза с национал-большевистской частью аппарата, соблазн империи и главенствующей в ней Церкви. Защитите нас от греко-католиков, взывает в «Правде» митрополит Киевский Филарет, а мы поможем отреставрировать Успенский собор Киево-Печерской лавры и передадим его под государственный музей (в устах православного епископа, надо сказать, вещь совершенно неслыханная). Отношения с Советской властью у Церкви всегда были прекрасными, уверяет другой митрополит, и не имеющий в своем сердце Бога священник гонит из храма людей только потому, что они пришли помянуть Андрея Дмитриевича Сахарова...

Хвостикову бы все это понравилось.

6

Больно общество, больна Церковь. Путь к выздоровлению один — покаяние.

Таким же и только таким путем может вернуться блудный сын.

Как неимоверно трудно ему — всем нам! — вступить на этот путь. Призрак уже совершившегося возвращения морочит сознание и смыкает нам веки, чтобы мы не видели свои струпья, чтобы мы не искали в себе вины за разгул жестокости, насилия и подлого лицемерия, чтобы мы, забыв все, помнили лишь одно: не наш грех, не наша вина — они нас сбили и увели от Отца. Не знаю, что может быть пагубней для нашего неокрепшего сознания, какой яд может быть обольстительней и страшней!

Горьчайший привкус нашего бытия, не оставляющая тревога за судьбу России, неоплаченные счета исковерканной жизни, мука за детей, которых поджидает, быть может, гибельный водоворот,— все это иногда вдруг освещается безрассудной, ни на чем не основанной надеждой. Мнится мне, что, как в Прощеное воскресение, русские люди просят друг у друга и у всех, кто с ними рядом, прощения, и каждый признает себя виновным за всех и за вся. И все дни Великого Поста со светлой печалью повторяют слова великого покаянного канона святого Андрея Критского: «Откуду начну плакати окаяннаго моего жития деяний?» И сокрушенными сердцами стремятся к Отцу.

Встретив блудного сына, отец велел своим рабам дать «перстень на руку его и обувь на ноги»*.

Сын вернулся и стал свободным человеком.

---

* Перстень и обувь — знаки свободного человека.

— ВЫ ПОЛАГАЕТЕ, ВСЕ ЭТО БУДЕТ НОСИТЬСЯ? — Я ПОЛАГАЮ, ЧТО

Алла БОССАРТ

Тем, которые родились, к собственному удовольствию, женщинами,— не надо проходить сокрушительную службу в рядах Советской Армии, и, кроме того, они обладают видовой способностью получать крупную и бескорыстную радость от платонического рассматривания одежды. Правда, если строго подчиняться мелочному произволу семантики, нельзя назвать вполне одеждой то, что выходит из рук вот этих восьми художниц.

Ибо одежда — это, бесспорно, то, что носят. Юбка, пальто. Жакет. Роба. Бесклассовая варенка. Тут же...

Ну какая безумка наденет на себя эту черно-красную увертюру Бизе из его же оперы «Кармен» в исполнении Людмилы Какуриной без риска быть расхватанной на сувениры (в лучшем случае)? И может ли наша нахрапистая жизнь сложиться в обстоятельства нов МОСХа и одного члена СЖ безгранично и подписывает себе приговор. Ибо Валентина Куприна, как бы внутренне топнув ножкой, а внешне застенчиво сцепив пальцы, но при этом абсолютно аристократично даме отказывает. «Почему же?» — теперь уже немножко злится эта. «Не хочу!» — беспечно поясняет Валя. И мне хочется расцеловать ее, потому что обожаю широкие жесты бедных, но знающих себе цену. Глупость, конечно. Однако для тех, кто понимает...

То, что они шьют, стоит сотни и даже, как видите, тысячи. Но Валя Куприна преподает в детской изостудии, и остальные тоже небогаты. Подработали на конкурсе красоты, одев по-человечески девочек; где-то что-то оформили — подножный корм. Прямым делом группа «Художник и модель» (так они исторически назвались) не зарабатывает.

Может быть, потому что биение об на ее же дочери — шестнадцатилетней Ольге, я бы еще не о том попросила. Ибо Ольга — это шея и плечи, и овал, и нога километра четыре, и все это в черно-белом обрамлении «Супрематического сна» мамы, от которого любая дискотека заткнулась бы навек и рассыпалась от потрясения в прах. Но Ольга на дискотеки не ходит, потому что не только красавица, но и умница, и отличница, и маме помогает. Манекенщиц у Нины Пуляхиной, Ирины Алмасян, Людмилы Введенской, Людмилы Какуриной, Валентины Куприной, Этери Лобжанидзе, Татьяны Шихиревой и Татьяны Смирновой нет. Манекенщицам не из чего платить. Спасибо, «московские красавицы» после конкурса прониклись: поработают иной раз на художниц, побродят по какому-нибудь самодельному подиуму в престранных нарядах, каждый из которых сама художница повторить не может.

Коллекции группы «Художник и мо-

столь изысканно-благородные, столь элегантные, чтобы гражданка сумела выглядеть непринужденно, облачившись у себя в Челябинске или, допустим, в Вологде, в черно-белую каллиграфию Ирины Алмасян? Где она, во-первых, найдет туфлишки, извините за выражение, в пан-дан? Однако, между прочим, на моих глазах состоялось и такое приключение.

Заходит посетительница и, окинув экспозицию наметанным оком, направляется прямиком к Валентине Куприной. И направляется такой особой, если знаете, стопроцентной походкой. А выставлены у Вали Куприной были не платья, а как бы дворцы. Золотое шитье по медовому фону, какие-то радужные квадратики, складки какие-то немыслимые — царственность, сияние, знойный полдень. Убранства. И эта, что с походкой, явно не пассажирка метро, вяло так пальчиком тычет: я бы, говорит, купила у вас это, это и, пожалуй, вот это. Сколько вы, мол, хотите? А Валечка щупленько жмется, совершенно обесплотев посреди своих имперских роскошеств, и буквально теряет дар речи, потому что, по самым скромным прикидкам, «это, это» и особенно «вот это» влетает тысяч в пятнадцать — восемнадцать. И от растерянности не только скромнейший автор Валя Куприна, но и прочие лица, включая меня, хором задают покупательнице (а она, это уже видно по всему, вряд ли приехала сюда на троллейбусе; не поручусь, что за дверью ее не ждал боевой слон в парче), стало быть, задаем мы в интонации, сформированной в очередях, этой грандиозной даме вполне придурковатый и, в сущности, бестактный вопрос: «А вы кто?» На что дама, усмехнувшись над нами, отвечает: «Ну, что я могу сказать?» И зачем-то поворачивается вокруг оси своих стройных координат, плеща долгими полами умопомрачительной шинели. Добавляя при этом абсолютно издевательски: «Вот я кто». Что под этим подразумевая, неясно. Хотя, конечно, ясно, но недоказуемо. Чем злит восьмерых членов

щественной мысли определяют в основном мужчины; может, потому что шикарной женщиной называется у нас та, что носит под брюки целые, нервание колготки; может, потому что улицы не чистят и вообще живем в интересное время,— но по какой-то же причине никто не понимал, о чем я толкую, рассказывая про восемь сумасшедших (целую палату), которые шьют костюмы, но не для театра; костюмы, но не одежду; костюмы, но вне моды, функции, быта, времени, денег, а только с учетом самовыражения на основе гласности и плюрализма. Почему-то даже до художников и до женщин с трудом доходит такая художественная и такая женственная идея, что костюм может играть роль произведения искусства. И только. Нет, начинается: а вот нельзя ли... Нельзя. В странах, которые живут не так сильно интересно, там имеются музеи и галереи для экспонирования и хранения произведений искусства этого «женского» жанра. Соответственно художник волен выставить или продать плод своего творчества, в данном случае — костюм, на тех же точно основаниях, на каких выставил или продал бы картину, скульптуру, графический лист, шкатулку из берцовой кости марала, потерявшего присущую ему бдительность под влиянием брачного энтузиазма. Группа «Художник и модель» такой возможности лишена — не брачного энтузиазма, а возможности реализации необходимых прав художника, создающего модель как нечто самоценное. Группа мыкает свое групповое горе черт те по каким закоулкам, подбирая на стройках щиты для подиумов, арматурный мусор для манекенов, после чего собственноручно отдирает фанеру или там жесть от известки и голубиного помета. И вот по этим закоулкам разыскивает группу и ее коллекцию, к вашему сведению, делегация из Лувра. И просит — просит! — о контракте.

Ну а с другой стороны, как не попросить. Будь я французом преклонных годов и увидь я модель Нины Пуляхиной

дель» могли бы сообщить также о культурных и эстетических принципах и связях художников, выраженных в моделях. Что само по себе интересно, как интересно это в любом факте искусства. Нина Пуляхина, как можно догадаться, боготворит Малевича и ищет музыкальную гармонию в композициях черных и белых квадратов. Мила Введенская пытается разрешить свои религиозные сомнения в иконописи на полотне задумчивых ряс-рубах; пробует сюрреалистически столкнуть ткань и бумагу со стихией: водой, воздухом, звуком... Этери Лобжанидзе пробирается в синих сумерках крутых улиц, увешанных наивной тусклой латунью — «Сундук моей тифлисской бабушки». А Таня Шихирева — та прямо заявляет: «А я вообще люблю Испанию! Это, знаешь, такой загадочный праздник, сказка... По-моему». Ну мне-то Шихирева известна своей экстравагантностью еще со школы, когда мы вместе занимались в одной изостудии. А многим ли известны ее станковые батики, редчайший жанр, изысканная работа, навеянная (ну и слово! — на моей совести) мотивами Пикассо, Эль Греко, Веласкеса? «Испанские» крепдешины уходят за рубеж, в ту же Испанию, где Таня сроду не была, а у нас... У нас выставиться негде. И кто наденет ее костюм Коломбины?

Нет, конечно, конечно! «С туфлями надо смотреть», а туфель не достать, и жизнь интересная и все такое. Но в то же время глядишь на эти в высшей степени легкомысленные, такие совершенно не функциональные, какие-то просто, понимаете ли, бесполезные формы и образы — и думаешь попусту: ну что бы, правда, не сделать сказку — былью? И, понимая всю младенческую глупость такого рассуждения, ты, наперевес со своей знаменитой женской логикой, заходишь с другой стороны: а почему бы наконец быль-то не сделать сказкой? И оденемся все, как Карменситы, как Ярославны какие, улыбаясь своим коломбинским — загадочным и праздничным — мыслям...

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

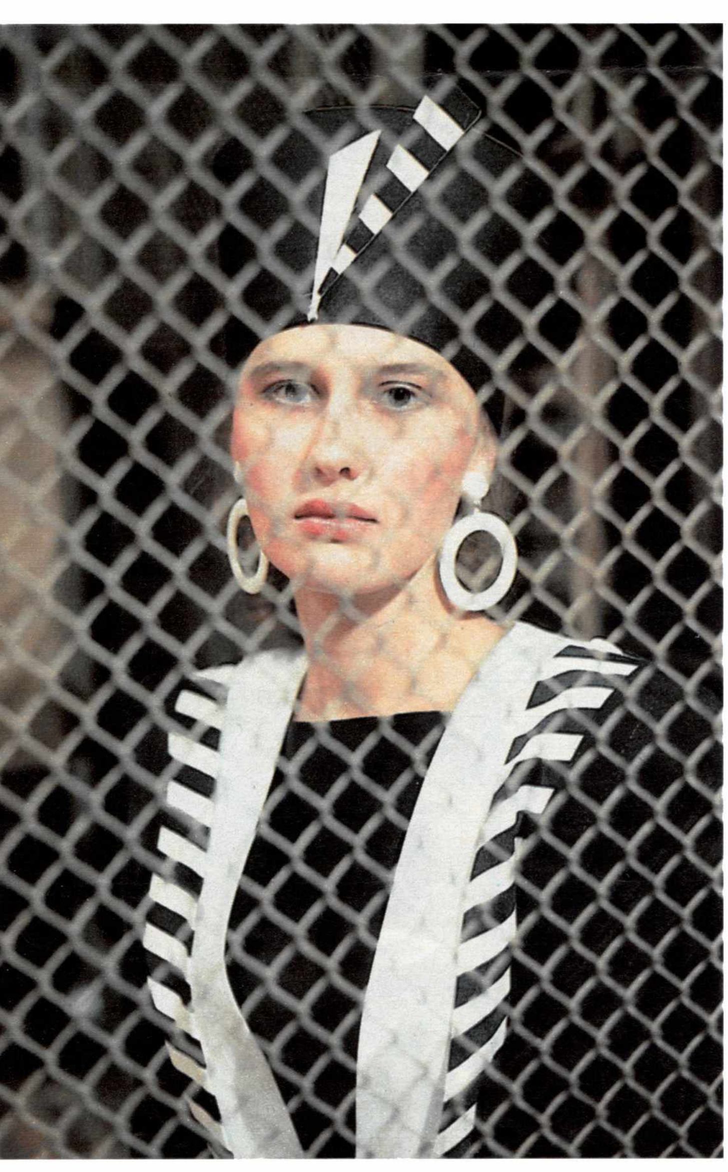

ВСЕ ЭТО СЛЕДУЕТ ШИТЬ!

«...ОН СДЕЛАЛ НАМ ЧЕСТЬ»

Я занимался подготовкой книги «Советское искусство от Ленина до Горбачева», заказанной брюссельским издательством «Ви увриер» и вышедшей затем в Москве в издательстве «Радуга» на русском, французском и английском языках. Готовя ее, в Париже я встречался с русскими художниками-эмигрантами. Одним из них был Олег Целков.

Неоспоримый глава советских «фигуративистов», москвич Олег Целков родился в 1934 году. «На мой взгляд, Олег Целков — самый замечательный художник послевоенного периода»,— сказал о нем Иосиф Бродский. Недавно крупнейшее итальянское издательство «Фаббри» издало о Целкове книгу в серии «Большие монографии», посвященной «звездам первой величины XX века», таким, как Фрэнсис Бэкон, Генри Мур, Карел Аппель, Хуан Миро, Марк Шагал, Виллем де Кунинг, Фрэнсис Пикабиа, Макс Рей...

В 1978 году французский писатель и искусствовед Алэн Боске писал: «Олег Целков в возвышенном совершенстве своего искусства ничего не оставляет на волю случая; от одного того, что он очень русский, очень насыщенный, очень педантичный, очень необычный и очень тревожащий нас в своей поэзии, Олег Целков не нашел у себя на родине понимания, не считая энтузиазма нескольких любителей и нескольких поэтов... И надо было, чтобы этот единственный в своем роде художник — наиболее мощный из всех приехавших на Запад русских живописцев — удалился от родины. И сегодня он среди нас. Он сохранил ту же скромность, ту же вежливость, ту же теплую отрешенность. Он не составляет манифестов и не становится ни на чью сторону: он даже не против тех, кто против него. Этот спокойный мечтатель-фантазер сделал нам честь, с абсолютным достоинством избрав для создания своих переживших годы творений город Париж. И отныне нашим долгом является открытие этого художника и чествование его».

Целков признается, что художником он почувствовал себя подростком. Он пишет:

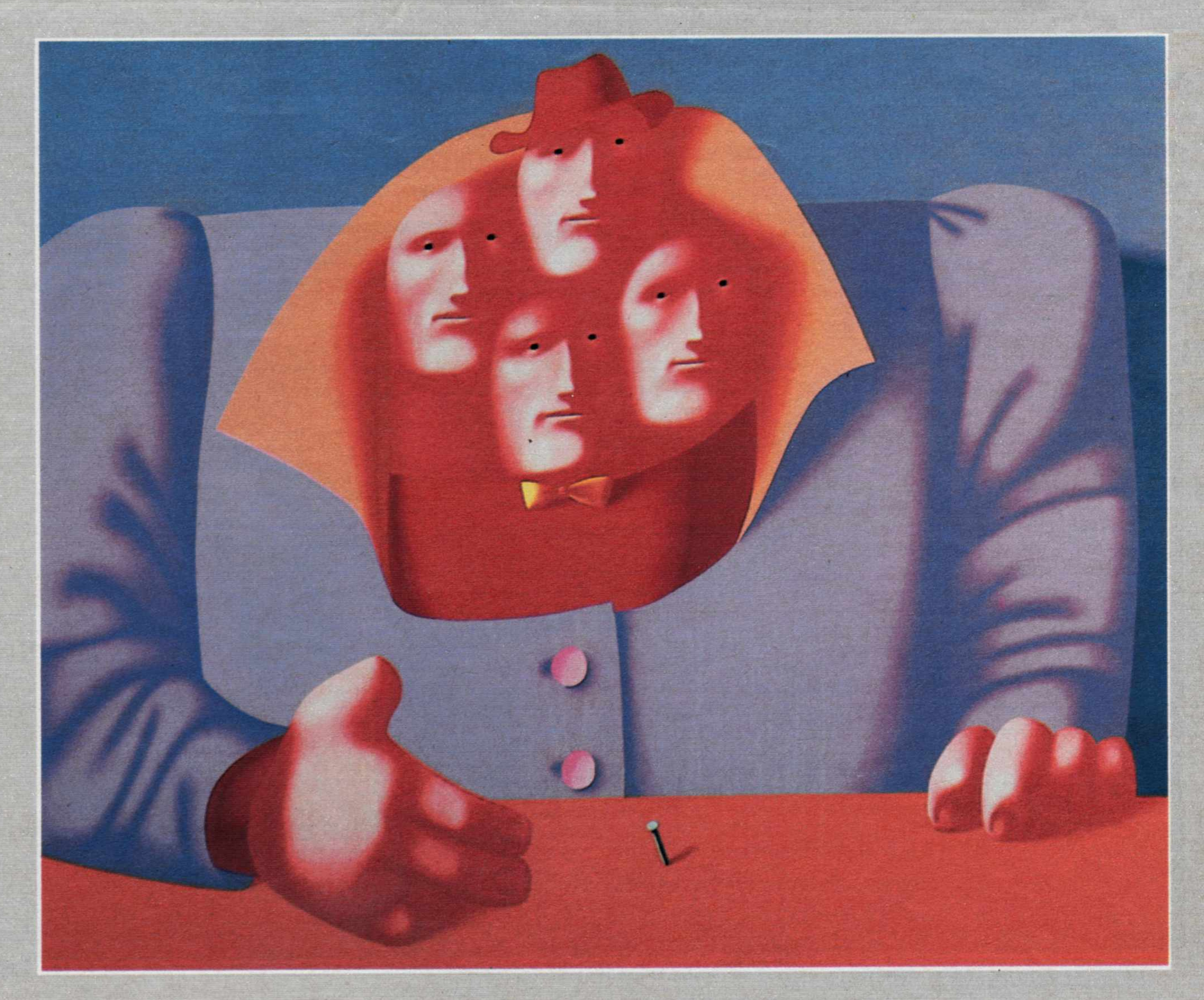
«Когда мне только-только исполнилось пятнадцать лет, я впервые познакомился с «живым» художником.

Под влиянием его красочных рассказов однажды бессонной ночью я в ОДНО МГНОВЕНИЕ понял, что я — ХУДОЖНИК! С этого момента я как бы очнулся.

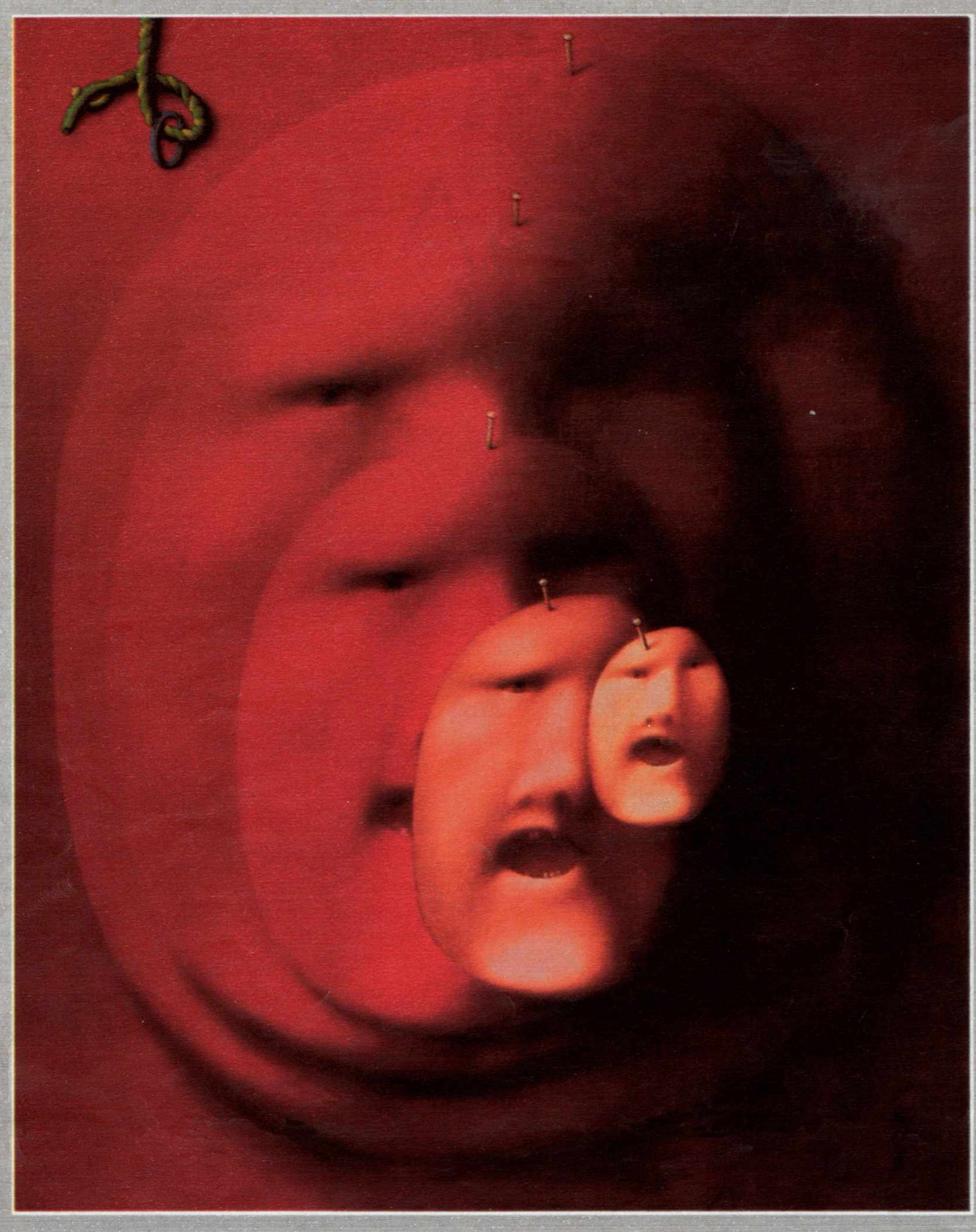
Этой же осенью, в 1949 году, я выдержал конкурсный экзамен в Московскую среднюю художественную школу при Академии художеств СССР. Это было чудом, так как никакой профессиональной подготовки я не имел, ни у кого никогда рисованию не учился. Первые годы моей учебы совпали с последними годами жизни Сталина. Он завершал начатое еще до войны ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ УНИЧТОЖЕНИЕ всего живого, превращая советских людей в послушные «винтики». Зощенко и Ахматова, Прокофьев и Шостакович, актер Михоэлс и врачи — «убийцы в белых халатах» были всего лишь верхушками огромного айсберга. Меня, наивного са-

ГРУШИ И БОКАЛ С ВИНОМ. 1986. Париж. Частная коллекция.

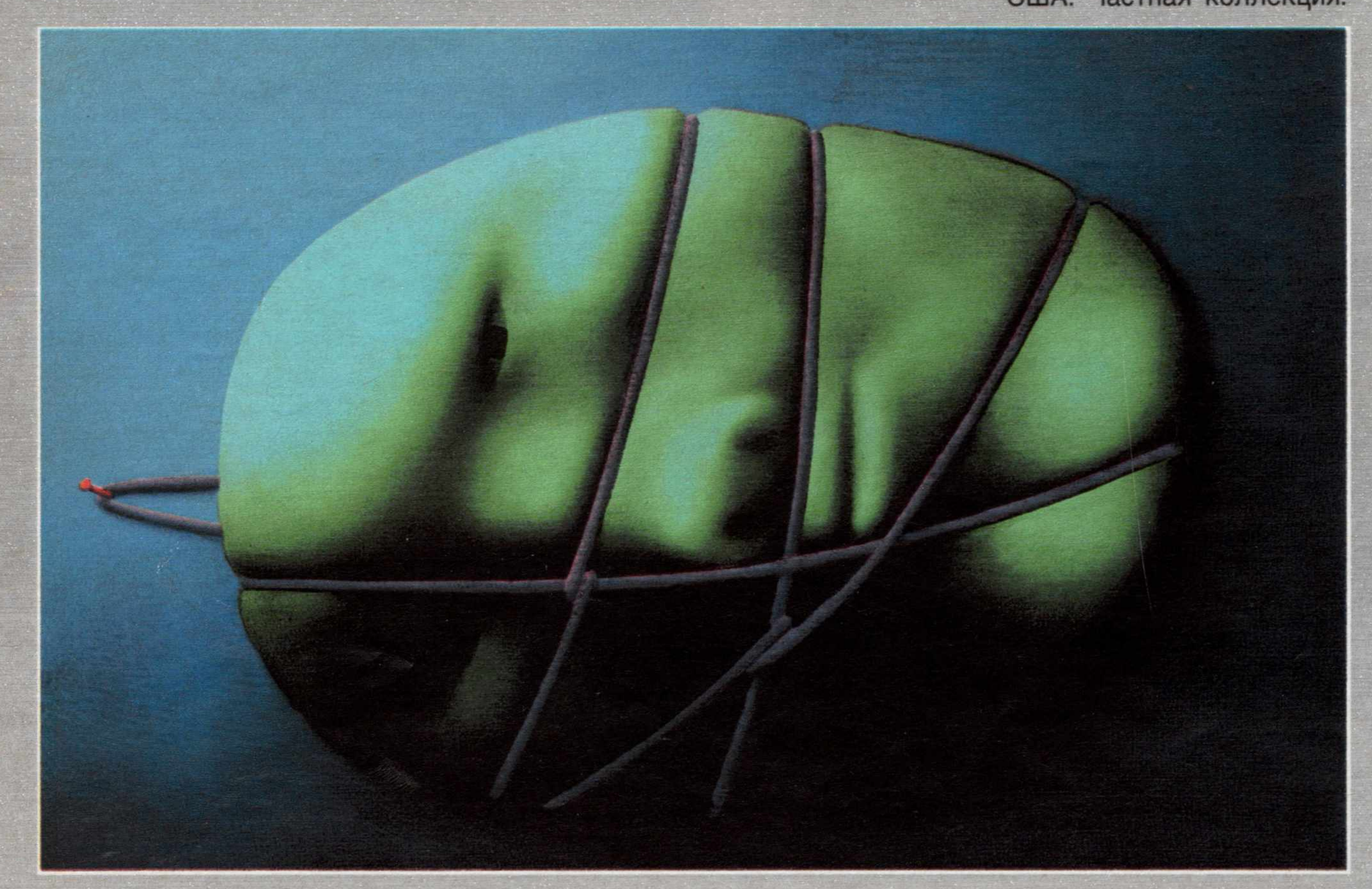

ЧЕТЫРЕХГОЛОВЫЙ С ГВОЗДЕМ. 1981. Нью-Йорк. Частная коллекция.

ПЯТЬ ЛИЦ. 1979.
Афины. Галерея Г. Костаки.

ПЕРЕВЯЗАННОЕ ЛИЦО. 1979 г.
США. Частная коллекция.

моучку, не понимавшего, что происходит вокруг, сразу же начали «исправлять» и «бить». Удивленный, я стал анализировать происходящее. Глаза мои стали открываться. В это же время я знакомлюсь с картинами русских художников 10—30-х годов — с русским авангардом. Картины эти хранились в запасниках Третьяковской галереи, и мне удавалось там бывать. Я начал неумело и робко подражать увиденному.

Осенью 1954 года я уже в Ленинграде, прошел экзамены и учусь в Институте имени Репина. И опять меня выгоняют. На этот раз по требованию студентов китайцев. Они обратились к ректору с протестом: оказалось, что мои ученические работы оказывают на них — китайских студентов — вредное «буржуазное» влияние.

Конечно, после смерти Сталина атмосфера чуть-чуть меняется, начинается «оттепель». Меня взял в Ленинградский институт театра музыки и кино на свой курс интересный режиссер и художник Николай Акимов!»

В 1961 году Целков обосновывается в Москве, где ему, как и многим его друзьям —художникам, пришлось испытать и горечь запрещенных выставок, и безденежье, и милицейский надзор... «Вся наша социальная система была направлена на то, чтобы задавить личность, чтобы раздавить художника»,— говорит мастер.

Но система ошибалась. Личность всегда сильнее всех систем! Однако работать в таких условиях все-таки очень и очень трудно. И в 1977 году, воспользовавшись «любезным» предложением «большого чина» из ОВИРа, Целков покидает СССР.

При встрече с Олегом Целковым поражает хлещущая через край энергия, отданная живописи. Счастливый эмигрант, сумевший организовать свою жизнь художника так, как задумал. Художник, который, обрубив свои корни, не утратил жизнеспособности, надежды, решительности. И это большая редкость.

Чтобы изображать человека в его первооснове, Целкову в своем искусстве не пришлось ничего менять, когда он оказался на Западе. Он и здесь разглядел «своего» человека, простого и малопривлекательного. И его искусство изображать жизнь такой, какой он ее видит, продолжало развиваться с прежней неумолимостью и тяжеловесной выразительностью, озаренной мимолетным прикосновением иллюзии и поэзии.

В основной своей толще живопись Целкова питается русской кровью. Если Малевич проповедовал в свое время искусство для всех, то Целков нашел в своем творчестве, исполненном внушающей уважение пластической суровости, подлинные ключи доступности для большого числа зрителей. И если в его полотнах присутствует агрессивность, то это потому, что он очень хочет быть услышанным.

Воспитанный на русском искусстве, русской литературе и русской поэзии, вдохновленный образцами лубочного рыночного искусства, Олег Целков признается, что во Франции он не чувствует себя своим. Но вместе с тем он считает, что ему было необходимо уехать из СССР. Вплотную, а не по журнальным картинкам, знакомясь в свободной Франции с мировым современным искусством, он сбросил наконец с себя все те «комплексы», которые неизбежно возникают в изоляции, в оторванности от искусства всего мира.

В этом нет сомнений. Его упорство, его страстная предприимчивость, его чувство драматизма, его вкус к жизни — эти качества сулят успех его огромному таланту.

Именно поэтому он и не перестает нас удивлять!

Роже Пьер ТЮРИН

Брюссель

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

В ДОКТОРА НАУК ...ПО СПИСКУ

Академик Всеволод Сергеевич АВДУЕВСКИЙ — крупный специалист по космической технике и материаловедению. Тем неожиданнее прозвучали возражения ученого против недавнего постановления Высшей аттестационной комиссии о присвоении ученых степеней специалистам, работавшим над системой «Энергия» — «Буран», без защиты диссертаций.

— Знаете шутливый лозунг: «Ученым можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан»? Так вот, теперь осуществить его на деле станет гораздо проще. По новому постановлению ВАКа создается специальный совет, который имеет право присуждать ученые степени вообще без защиты, без сдачи кандидатских экзаменов, без написания самой научной работы. Невероятно, но факт! Мы боремся с привилегиями и сейчас же создаем новые. Так что и в доктора наук практически теперь можно попасть по специальным спискам...

Меня такая постановка вопроса просто потрясла, и во время обсуждения я резко высказался против.

— И, наверное, сразу нажили себе врагов? Ведь вы сами работаете в области космической техники...

— Не знаю насчет врагов, но телефонные звонки с попреками были, и немало: дескать, я лишаю достойных людей заслуженной награды. Но, во-первых, за хорошую долголетнюю работу дают премии и ордена, а не ученые степени, а во-вторых, заслуживающие этих степеней специалисты в силах написать научную работу и защититься обычным порядком.

Однако скажу честно, упреки коллег меня расстроили. Я много думал, не ошибаюсь ли, имею ли моральное право возражать против новой системы? И понял — имею. То, что нам предлагают, скажется пагубно на научно-техническом прогрессе страны. И так мы безнадежно отстали почти во всех областях науки и техники.

— Ведь в постановлении речь идет только о космической системе «Энергия» — «Буран»? Стоит ли делать столь далеко идущие выводы?

— Сегодня сделано исключение для «Бурана», завтра — для какой-либо другой работы, а послезавтра «назначение докторов наук по списку» примет массовый характер. Мы прекрасно знаем, как часто исключение у нас становится правилом.

— О системе «Энергия» — «Буран» сведения противоречивые. С одной стороны, ее широко рекламировали, с другой — совершен лишь один испытательный полет «Бурана», до использования полученных технологий в народном хозяйстве еще далеко.

— Верно, хотя «Буран» — работа хорошая. Даже очень. Дело не в том. Ведущим специалистам по «Бурану» новый метод защиты ни к чему, они сами заинтересованы написать диссертацию, обобщить свой конструкторский и технологический опыт, положить свои кирпичи в здание науки. Цель нового постановления, считаю, иная — широко открыть двери с черного хода тем, кто ни написать, ни защитить диссертацию не в состоянии.

— Но решение ВАКа могло быть вызвано секретностью работ над «Бураном»?

— Секретность — лишь прикрытие. По программе конверсии «Буран» отнесен к гражданской продукции. Тайны здесь коммерческие, а не военные. И вообще что касается «секретной» науки, то таковой просто не существует. Ссылки на нее привели лишь к тому, что наша страна выпала из международного научного сообщества. Хватит уже разделять науку то по классовому принципу. то на "закрытую» и «открытую». Наука едина.

— А правда ли, что до сих пор существует практика периодического уничтожения так называемых «закрытых» диссертаций?

— Увы... правда. На мой взгляд, порочная практика. Если диссертация сильная, то результаты ее навсегда пропадают для науки, если слабая и ученая степень присвоена не по заслугам, то и концы в воду, не проверишь. Я убежден, что «закрытые» сегодня работы должны рассекречиваться через определенное время (предел три года) и становиться достоянием науки.

Настоящие исследователи, работающие по «закрытой» тематике, всегда старались что можно опубликовать в открытой научной печати, расширить круг ученых, принявших обсуждение качества работы, достоверности ее. Иначе наука не будет двигаться вперед. Не скрою, немного хитрили, был такой грех: в научных статьях, предназначенных для публикации, вместо, скажем, «закрытого» слова «плазма» писали «ионизированный газ», ракету называли летательным аппаратом...

А вот кто не был уверен в добротности своей работы, наоборот, стремился включить в свою серую диссертацию какой-либо секретный элемент, чтобы не допустить широкого обсуждения работы и легче защититься. Секретность становилась прикрытием серости.

Высшая аттестационная комиссия (ВАК) мотивировала свое решение еще тем, что многим космонавтам были присвоены ученые степени без защиты. Значит, конструкторам и технологам тоже можно.

Однако за последние 15 лет были единичные случаи присвоения ученой степени без защиты, но космонавтов среди них не было.

По моему мнению, цель постановления — усилить власть над конструктором, исследователем его начальника и чиновника из ВАКа: «Кому хочу, тому и присвою ученую степень, поклонитесь мне, и вы получите».

— Однако институт присвоения ученой степени без защиты «Honoris causa» существует во всем мире и у нас тоже...

— Да, за выдающиеся заслуги в науке и технике, по совокупности научных трудов. Подчеркиваю, научных трудов, тех же книг. Они написаны, изданы. С ними можно ознакомиться. Ими могут воспользоваться ученые, практики. В новом же постановлении речь идет о присвоении ученой степени вообще без написания работы.

— Если встать на такую точку зрения: есть машина, она работает, значит, ее можно считать коллективной диссертацией и всем создателям — конструкторам, технологам и т. д.— присвоить ученые степени. Писать каждому диссертацию, защищать ее — ненужная бюрократическая волокита.

— Бюрократизма в работе ВАКа хватает. Но он не в этом. Ну зачем, например, заполнение листков по учету кадров, где есть графа о членстве в партии, о партийных взысканиях? Ведь на научный уровень работы это не влияет. Зачем обязательная характеристика, подписанная в партийных и профсоюзных организациях, и т. д.? Если уж демократизировать систему защиты, то надо уничтожить как раз эти ненужные бумажки, а не написание научной работы, из которой видно, кто есть соискатель как творческая личность.

Наука — огромное здание, которое непрерывно строится, и каждый кладет в него по своему именному кирпичику. Об этом личном вкладе каждого ученого сейчас почему-то перестали говорить, словно забыли, что «коллективной» науки тоже нет, что она делается личностями. Мысль рождается в голове человека старым способом и у каждого индивидуально. В любую коллективную работу все вносят разный вклад.

Недавно было трехдневное широкое совещание об управлении научно-техническим прогрессом. Выступали руководители страны, ученые, президент АН СССР. Я был на этом совещании. И меня удивило, что никто не говорил о личности ученого. Мы как будто забыли, что делают науку, открывают новые законы конкретные исследователи, имена которых входят в историю,— Ньютон, Ломоносов, Циолковский, Эйнштейн, Капица, Келдыш, Сахаров... Научные дискуссии и время проверяют качество работ. По научным трудам, по написанным книгам воспитывается новая смена ученых.

Записать ход мыслей, доказательства правильности идеи, выведенные формулы — естественная потребность ученого, так же как писателя оставить книгу. Нередки случаи, когда ученый последние средства тратил на издание своих трудов. Циолковский за свой счет издавал свои книги. Поэтому сама мысль — упразднить написание научной работы — чудовищна по своей глупости.

Вначале было Слово. И тот, кто его произнес. Это начало всех начал.

— Всеволод Сергеевич, а тревожащее вас постановление проходило предварительно обсуждение в Комитете Верховного Совета СССР, которым руководит академик Рыжов?

— В том-то и дело, что не проходило. И Совет Министров утвердил его без такого обсуждения. Председатель Комитета академик Юрий Алексеевич Рыжов тоже высказывает свое удивление и несогласие с таким решением. Помимо всего, здесь еще и пренебрежение к нашему парламенту, к общественному мнению.

Сейчас я уже говорю не только о новой системе защиты диссертации. Вопрос много шире. В науке утеряны градации личностного вклада ученого, а значит, и ответственность за свою работу. Меня тревожит, что с помощью ВАКа узаконивается обезличка.

Ведь известно — науку создают лидеры. Она не двигается вперед широким фронтом, она развивается, лишь когда в той или иной области наступает прорыв. А он приходит не по списку...

Новое постановление все ставит с ног на голову. Всевозможную бюрократическую документацию к диссертации, отнимающую у молодого исследователя массу времени, оно не упраздняет, а саму научную работу для некоторых избранных по желанию начальства отменяет, создавая официальные лазейки для бездарностей и подхалимов.

Я так долго говорю об этом, так как, на мой взгляд, в работе ВАКа видятся многие наши пороки в организации науки. Здесь и подчас низкий научный уровень диссертаций, и бюрократическая волокита, и амбиции чиновничьего аппарата, и отсутствие гласности, ведущее к нарушению моральных, нравственных критериев, столь необходимых в отношениях ученых. Высшая аттестационная комиссия — уникальное бюрократическое учреждение. Ничего похожего нет нигде в мире.

Как только заходишь в помещение ВАКа, становится ясно, что ты в цитадели бюрократизма. Мраморная отделка стен, ковры, правительственные телефоны... У председателя ВАКа кабинет роскошнее, чем у президента США в Белом доме. Это бы все ничего, но работа и нового состава ВАКа в основном идет по линии создания бесчисленного количества инструкций.

Я уж не говорю, что сама практика выдачи диплома о присвоении ученой степени от... Совета Министров СССР (ВАК при Совете Министров) представляется мне довольно странной, приводит к снятию ответственности с лиц, оценивавших научную работу соискателя. Дипломы должны выдавать ученые, авторитетные научные учреждения.

Возьмите зарубежный опыт. Дипломы разных университетов ценятся мировой научной общественностью по-разному. Это учитывается при приеме исследователя на работу, влияет на его оклад. Одно дело — диплом, выданный безупречным Оксфордом или Гарвардом, другое дело — научным учреждением с меньшим авторитетом. Все это повышает ответственность ученых, престиж их профессии.

Беседу вела Ванда БЕЛЕЦКАЯ.

БЕЗ СТАРШИХ

Давид САМОЙЛОВ

СОРОКОВЫЕ

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещенья похоронные
И перестуки эшелонные.

Гудят накатанные рельсы.
Просторно. Холодно. Высоко.
И погорельцы, погорельцы
Кочуют с запада к востоку...

А это я на полустанке
В своей замурзанной ушанке,
Где звездочка не уставная,
А вырезанная из банки.

Да, это я на белом свете,
Худой, веселый и задорный.
И у меня табак в кисете,
И у меня мундштук наборный.

И я с девчонкой балагурю,
И больше нужного хромаю,
И пайку надвое ломаю,
И все на свете понимаю.

Как это было! Как совпало —
Война, беда, мечта и юность!
И это все в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..

Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

Когда после долгих усилий реаниматоры на мгновение заставили биться его сердце, он сказал: «Ребята... все в порядке!» — и ушел из жизни. Легко.

...Но если не захочет возвратиться
Душа, усилья медиков — ничто.
Она куда-то улетит, как птица,
На дальнее, на новое гнездо.

И молодой реаниматор Саня
Устало скажет: «Не произошло!»...

Ну почему пророчества поэтов распространяются на них самих! Кажется, напиши Самойлов другую концовку этого стихотворения — и он бы жил сегодня. Ему было чем заняться — остались сыновья, еще не кончившие школу, начатые рукописи. Он был необходим всем, кто его знал, любим всеми, кто знал его близко. Он был нужен и тем, кто никогда его не видел. Потому что Самойлов — один из немногих — умел каждым своим поступком и словом, самим своим присутствием в нашей литературе «хранить народа честь и просвещенье». Не случайно именно он сформулировал так назначение русской интеллигенции, к которой принадлежал целиком и полностью.

И все же в том, что произошло, как это ни горько сознавать, есть закономерность. Не хочется думать, что судьба так уберегает своих избранников от чего-то тяжелого, что предстоит сейчас нашему обществу, стране, всем нам. И все же такие мысли невольно приходят в голову. На рубеже девяностых мы потеряли лучших: историка Натана Эйдельмана, физика Андрея Сахарова, поэта Давида Самойлова. Все трое были истинными (а не мнимыми, коих развелось сейчас пруд пруди) патриотами нашего отечества, его Гражданами. Мы остались без старших. Почти. Что это такое, Самойлов хорошо знал сам.

В своем последнем письме — а им оказалось письмо Лидии Корнеевне Чуковской — жаловался, как трудно сейчас быть «старшим». А много раньше, на смерть Ахматовой, писал:

Вот и все. Смежили очи гении.
И когда померкли небеса,
Словно в опустевшем помещении
Стали слышны наши голоса.

Тянем, тянем слово залежалое,
Говорим и вяло и темно.
Как нас чествуют и как нас жалуют!
Нету их. И все разрешено.

В те годы, когда стихотворение появилось в печати, казалось, что в нем Самойлов несправедлив более всего к самому себе. Оказалось, что эти строки он написал и о своем уходе. Очень многие твердили их, когда узнали о происшедшем...

Это случилось 23 февраля. Давид Самойлов сделал доклад на организованном им вечере памяти Пастернака в Таллинне. И — слишком большая смысловая нагрузка ложится на эти слова — ушел со сцены. Его старый друг Зиновий Гердт услышал стук упавшей за кулисами палочки...

Самойлов не дожил до своего семидесятилетия три с небольшим месяца.

В этот же день — 23 февраля — только четырьмя годами раньше умер Борис Слуцкий. Они дружили, любили и ценили друг друга... Можно было бы извлечь некий символический смысл из того, что два друга — поэта фронтового поколения, два солдата Великой Отечественной, отвоевавшие «на полную катушку», ушли из жизни именно в такой день. Но зачем? Для смерти не существует красных дней календаря, и государственные праздники она явно не признает. Важнее другое: ощущение конца целой литературной эпохи. «Нету их. И все разрешено.»? Страшно, когда великая поэзия остается «без старших»...

Самойлов не случайно избрал Таллинн местом проведения вечера памяти Пастернака. Последние пятнадцать лет он вместе с семьей жил поблизости — в Пярну. Друзья шутя называли его внутренним эмигрантом. Была ли в этой шутке доля правды?

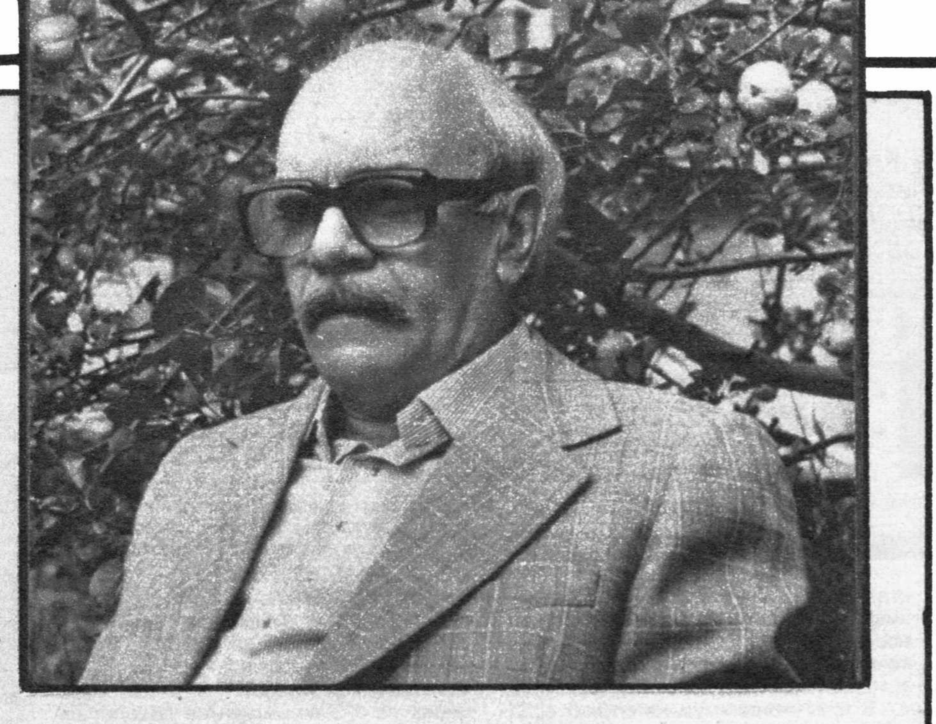
Он не мог представить своей жизни вне родины, часто об этом говорил. И все же его переезд в Эстонию, как все в жизни истинного поэта, не был только житейским обстоятельством, малозначащим эпизодом. Это была эмиграция — из любимого им города, оказавшегося тогда, пятнадцать лет назад, столицей застоя и маразма, из Московской писательской организации, превратившейся в орудие подавления инакомыслящих, очаг коррупции и карьерного национализма, наконец, из ежеминутно обременительного для немолодого и больного человека тяжкого московского быта.

В Пярну он мог работать, прогуливаться вдоль залива, писать письма (кстати, отвечал всем и всегда). Возможно, Пярну продлил его жизнь. Скажем спасибо эстонскому городу.

А приезды Самойлова в Москву были всегда праздником. И для читателей поэзии — он часто выступал с новыми стихами. И, конечно, прежде всего для друзей: он умел быть близким. Так же, как умел быть легким в общении, несмотря на свою полуслепоту, всегда доброжелательным, остроумным и совершенно, на редкость естественным человеком. Замечательным! Мне искренне жаль всех, кто его не знал.

Книга воспоминаний о Самойлове — а она непременно будет написана — получится интересной и удивительно веселой. Потому что всегда, когда была малейшая возможность, он находил в себе силы весело жить, весело писать («Я сделал вновь поэзию игрой...»), даже весело воевать. Только представьте себе, чего стоило юноше, почти мальчику, недавнему ифлийцу, пройти войну от и до — и не где-нибудь, а во фронтовой разведке!

Думаю, без его счастливого характера, демократизма, доброты и сострадания к людям это было бы невозможно. Справедливо, что именно Самойлов написал самое, быть может, знаменитое

стихотворение о войне — «Сороковые» (кстати, в связи с ним одна сумеречная экстремистская критикесса, не нюхавшая, естественно, пороху, укоряла Самойлова в легкомысленном отношении к народному горю, каковым является война,— да пребудет она тверда в своем заблуждении!). В этом стихотворении есть все: и судьба, и свой мир — то, без чего поэзии не существует,— и боль, и пушкинская легкость... Кажется, пушкинское начало сумел сохранить один Самойлов и бережно донести до последних десятилетий сурового для России двадцатого века. Как завет звучат сейчас его строки:

Пусть нас увидят без возни,
Без козней, розни и надсады.
Тогда и скажется: «Они
Из поздней пушкинской плеяды».
Я нас возвысить не хочу.
Мы — послушники ясновидца...
Пока в России Пушкин длится,
Метелям не задуть свечу.

Больше нет в нашей поэзии такого ясного и чистого голоса.

Вообще же кажется, что он сказал в стихах все, что хотел,— нужно только читать и перечитывать. Это счастливая и редкая судьба! Думаю, несмотря на все испытания, которых в достатке выпало на его долю, Самойлов прожил удавшуюся жизнь:

... Крути мою ленту обратно.
Злорадствуй, механик шальной.
Зато я увижу двукратно
Все то, что случилось со мной.

Я прожил ни много ни мало
Счастливых и сумрачных лет.
Я фильм досмотрю до начала
И выйду из зала на свет...

Олег ХЛЕБНИКОВ

Фото
Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

СВЯТОЙ ОГОНЬ

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ *

1

С любовью дружеской и братской
Я вновь сегодня помяну
Всех декабристов без Сенатской,
Облагородивших страну.

Сыны блистательной России,
Горевшие святым огнем,
Отечество не поносили —
Радели искренно о нем.

К их праху, после муки черной
Всех неурядиц и невзгод,
Народ России просвещенной
Благоговейно припадет.

2

Откладыватель в долгий ящик,
На послезавтра, на потом,
Певец каникул предстоящих,
Дней, не заполненных трудом,

Ленивец, не любитель спешки,
И постепенности пророк,
Я раздавал свои усмешки,
Пока всему не вышел срок.

Теперь уже не до усмешек,
Когда азартно, как юнец,
Нагромоздив орлов и решек,
Играет время в расшибец

И делает уже попытки
Втянуть нас в дикую войну,
Чтоб мы рассыпались от битки,
Как гривенники на кону.

3

В. М. Василенко

Свободы нет. Порыв опасный
Отнюдь не приближает к ней.
Лишь своевольства дух всевластный
Осуществляется вольней.

Но все же в звездные минуты
Мы обольщаемся мечтой.
И кровь кипит. И судьбы вздуты,
Как парус, ветром налитой.

И в упоенном нетерпенье
Рвем узы тягостных тенёт.
И сокрушаем нетерпенье,
Чтоб утвердился новый гнёт.

* * *

Меня не трогайте! Я занемог
Недугом русским — чаяньем,
надеждой.
На зов ее, как птица на манок,
Я откликаюсь радостью поспешной.

Разочаровывать меня нельзя.
Разочаровывать меня жестоко.
Надеюсь, что верна моя стезя.
Надеюсь и на милосердье рока.

* * *

Листик остренький, как свечка,—
Огонечек к новоселью.
Нам уже известно нечто
Страшное про нашу землю.

Дымы мощные, как кроны,
В небесах сомкнулись дружно.
Для погибели-то, кроме
Дымов, ничего не нужно.
21.02.89

* Эти и остальные стихи подборки написаны в 1989 году, публикуются впервые.

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Дорогая Лидия Корнеевна!

Спасибо за хорошее письмо. Хотел на него ответить вчера. Но была мерзкая погода — дождь, ветер. А мы ведь живем гораздо ближе к погоде, чем в Москве.

Сегодня солнце. И письмо, может быть, получится повеселее.

Хочется иногда пожаловаться комунибудь старшему. Но старших почти нет. Один только Бог.

А молодым тоже хочется старшего. Вот и пишут мне, приезжают. Насчет стихов я им что-то могу сказать. А им знать хочется,— как жить. Да я откуда знаю?

Трудно радоваться тому, что «нас призвали всеблагие, как собеседников на пир» — тем более что на пиру водку продают по талонам, а закусывать почти нечем.

Да, выпало нам жить при последнем акте исторической драмы. Боюсь, что не только героям, но и статистам достанется.

Шекспир разработал все три варианта финала трагедии — погибают положительные герои, наказано злодейство и — все погибают, как в «Гамлете». Не явится ли и к нам Фортинбрас?

От этого всего не уйдешь. И события тянут из угла на форум. Даже в тихом Пярну меня постоянно тянут — то статью написать, то выступить. Выбрали даже председателем одного из русских культурных обществ. На этом основании я сделал хоть одно полезное дело: организую вечер памяти Пастернака в Таллинне 23 февраля. А в Пярну пока заказал литургию (...)

Все это отвлекает от работы. А скорее служит поводом для отлынивания.

У эстонцев есть свой простой национальный план — отделиться. В России такого плана нет. По существу, идет извечный спор славянофилов с западниками. Но славянофилы и западники уже не те, что в XIX веке. Из славянофилов получились хулиганы, а из западников люди моды. Если в кулаки пойдет, западникам несдобровать. Пора разумным людям соединить воедино два проекта — Сахарова и Солженицына. Я прежде недооценивал конструктивные стороны плана А<лександра> И<саевича>.

Вы ничего не пишете о здоровье и о работе.

Говорят, в Москве широко празднуется столетие Бориса Леонидовича. Даже Лигачев присутствовал. Растут духовные потребности.

Большой привет вам от Гали. От нас обоих Люше и Фине.

Обнимаю **Ваш Д. С.**
10.02.90.

Станислав РАССАДИН

КИЖЕ и ОНЖЕ

Призрак бродит...

1

«Побег был обнаружен лейтенантом Куршаковым на станции Новосибирск. Всех арестантов вывели из теплушек и под мелким холодным дождем считали, «перекликали» по списку на статью и срок — все было напрасно. В строю по пять было тридцать восемь полных рядов, а в тридцать девятом ряду стоял один человек, а не два, как было при отправке. Куршаков проклинал минуту, когда он согласился принять этап без «личных дел», прямо по списку, где под номером «шестьдесят» значился бежавший арестант... За такие потери взыскивали строго, и Куршаков уже прощался с погонами и офицерским пайком...»

Это мучительная, но словно бы безэмоциональная проза «Колымских рассказов» Варлама Тихоновича Шаламова,— вот точно так же безэмоциональным, ничего не выражающим кажется лицо человека, который сдерживает, умеет сдержать свою великую муку,— и, перейдя от цитирования к пересказу, поясню. Даже заскочу вперед. То, что никто не откликнулся ни на № 60, ни на странное имя Онже Берды, объяснялось просто — так же просто, как и странность этого имени. Машинистка, перепечатывая список, ошиблась. Арестант, шедший под № 59, имел в придачу к фамилии кличку Берды («он же Берды»), и вот в результате канцелярской промашки на свет словно бы объявился несуществующий зек.

Если спрошу, что́ это напоминает, боюсь, обижу читателя. Кому ж не памятен рассказ Тынянова «Подпоручик Киже»,— правда, возможно, не все знают, что он, как и шаламовский, документален. По крайней мере документирован. Как свидетельствует анекдот времен императора Павла, все это **было:** и писарская оплошность, когда в приказе вместо слов «подпоручики же» возник «подпоручик Киже» (в анекдоте — Киж, вот и вся разница); и сумасбродство царя, возжелавшего чуть не ежедневно производить новоявленного офицера в следующий чин (в рассказе, впрочем, ему случится попасть и в немилость); и желание наконец повидать невидимку лично; и переполох средь завравшихся подчиненных; и спасительная их ложь, будто Киже помер. «Жаль,— сказал Павел.— был хороший офицер».

«У меня умирают лучшие люди»,— скажет он у Тынянова.

«Анекдот, превратившийся в мистический символ»,— кратко оценил тыняновский шедевр тот же Шаламов, и тут впрямь многое наводит на размышления если не вневременные, то современные.

К примеру, двум часовым велено конвоировать невидимку в Сибирь, как раз по маршруту шаламовского этапа:

«От шлагбаума к шлагбауму, от поста к крепости, они шли прямо и с опаскою посматривали на важное пространство, шедшее между ними.

...Когда они вышли за черту города, у них было сомнение. Не слышно было звука цепей и не нужно было подгонять прикладами. Но потом они подумали, что дело казенное и бумага при них.

...На первом посту смотритель посмотрел на них как на сумасшедших, и они смутились. Но старший показал бумагу, в которой было сказано, что арестант секретный и фигуры не имеет, и смотритель захлопотал и отвел им для ночлега особую камеру в три нары. Он избегал разговаривать с ними и так юлил, что часовые невольно почувствовали свое значение.

Ко второму — большему — посту они подошли уже уверенно, с важным молчаливым видом, и старший просто бросил бумагу на комендантский стол».

Сомнение — смущение — и, наконец, важность, надменность, хамство... Странная эволюция? Для нас, увы, нет.

Нам ли не оценить этого самоутверждения, этой гордости от своей причастности к тому, что «фигуры не имеет»? Нам ли, в чей уже, можно сказать, генетический опыт заложено долгое обожание Гения и Корифея Всех Времен и Народов, никогда в качестве такового не существовавшего, и если мы, слушая похвалы пятизвездному Верному Ленинцу, уже отнюдь не гордились им и собой, а травили анекдоты про его уникальные брови и соревновались, кто смешней изобразит уникальную дикцию, то у меня тем более возникает сомнение: коли так, сознаём ли мы вообще, что такое «культ личности»? **Личности!** Допускаю, что нет, ибо это сверхрасхожее словосочетание уже удается встретить и в таком, скажем, контексте: у нас утверждается культ Солженицына, который, как полагают, ничем не лучше всякого другого.

Насчет Солженицына хорошо сказал Сергей Залыгин, вежливо предположив: «В принципе не такое это плохое дело — культ большого писателя. Чем уж так плох был культ Толстого?» («Новый мир», 1990, № 1).

То есть при большом-то желании и Залыгина можно словить на слове: любой, дескать, культ опасен или по крайней мере чреват опасностью, и даже в культе Пушкина, самом традиционном и наиболее бескорыстном, есть неизбежные крайности, смахивающие на кликушество и на угрюмую охранительность: несоразмерный скандал вокруг «Прогулок с Пушкиным» — свежайшее тому подтверждение.

А все же не только не стану спорить, но и дополню. Боюсь, что до культа — Солженицына ли, чьи идеи мы, разрознив, уже норовим растащить по своим противоположным углам, или Сахарова, или еще кого из великих духовных авторитетов — до такого культа нам так же далеко, как склонность к суевериям далека от способности к вере. К «просвещающей вере», по слову Николая Семеновича Лескова. Ибо именно личность-то мы как разучились, так до сих пор и не научимся чтить, а тот многолетний столбняк, в котором пребывали, был культом **без личности.** Культом безличности. Всякого рода фантомов, химер, мнимостей, жалких минусов, воспринимаемых как победные плюсы. И это так перекорежило наше общественное сознание, что мы стали важничать и гордиться само́й неестественностью своего положения — точь-в-точь как тыняновские солдаты.

Например:

«В том, что рок-музыка служит средством идеологического влияния на нашу страну, я наглядно убедился в 1965 году в Англии...»

Это пишет в журнал «Наш современник» (1989, № 6) профессор Кемеровского мединститута Логачев, и, лишь слегка преувеличив, могу предположить, что его письмо-монолог есть не менее точное свидетельство о нашем времени, чем анекдот про Киже — о павловском.

«Наша группа лекторов общества «Знание» была приглашена на завод грампластинок в предместье Лондона — Хейсе... Я попросил список пластинок с записями произведений Баха, Бетховена, Чайковского и Шумана. Пока я изучал список, принесли только что выпущенный, ярко оформленный диск с портретами знаменитой четверки («Битлз».— **Ст. Р.)** и сказали, что фирма хотела бы подарить мне новую пластинку. Я уже было взял ее, но что-то меня остановило...»

«Что-то»? Да полно! Подумаешь, бином Ньютона, как говаривал булгаковский гаер Коровьев. Лично я могу с полной ответственностью объяснить, что́ именно: в подкорку засевшая память об инструкциях выезжающим «туда», обещание провокаций на каждом «ихнем» углу. Что и подтверждается дальше:

«Оглянулся. За моей спиной стояли два фотокорреспондента. Видимо, фирме нужна была реклама: советский профессор — любитель «Битлз».

Предоставляю свободу смеяться тому, кого всего лишь развеселит картина, кемеровский пропагандист как надежный гарант финансового успеха команды Леннона и Маккартни, без чего им, как видно, не продержаться. Но несомненный юмор мешает понять трагизм происшедшего — о, конечно, не с одним Логачевым, иначе то был бы всего лишь курьез. Свою прославленную запуганность, многократно возрастающую за границей, но ни на минуту не отпускающую и дома, наш «простой советский» уже и сам (искренне? Думаю, да) воспринимает с гордостью. Настолько, что готов погордиться печатно, публично. Все, все подменено: «ихнее» гостеприимство понимается как коварство, подарок — как бомба, а собственная горестная неполноценность объявляется сверхполноценностью. Вокруг стоящего настороже патриота из Кемерова невидимо, но враждебно кишат многочисленные кижата, а сам он, живущий фантомными представлениями, разве не своего рода Киже?.. Впрочем, когда нечто единичное (в данном случае, как нам казалось, характеризовавшее причудливый нрав императора Павла Первого) превращается в множественное явление, в психологическое состояние, тут и слово потребно другое. Предлагаю: КИЖИЗМ.

Несколько лет назад мне посчастливилось заглянуть в рукопись одного национального полуклассика, сочинившего повесть, в центре которой было жизнеописание Нур Мухаммеда Тараки: как он жил и боролся, как стал во главе афганской революции. Рукопись-то прислали из журнала на отзыв моей жене, но она не смогла не поделиться со мной потрясением.

Дело в том, что к той поре Тараки был убит заменившим его Амином, и вот на протяжении всей повести его имя было аккуратно зачеркнуто, а поверху вписано имя убийцы. Биография одного без малейшего исправления перевручалась другому, а пикантность ситуации удесятерялась тем, что уже и Амин успел отойти в небытие, получив титул врага народа и уступив место Бабраку Кармалю.

Привычные ко многому, мы с женой все-таки озадачились. Но пока она, выбирая выражения пообходительнее, письменно объясняла автору-мифотворцу, что поступать этак вроде бы не принято, в журнал от него пришла деловито-беспечная телеграмма: всюду, где стоит имя Амина, вписать имя Кармаля. Было всеочевидно, что автор сохраняет полнейшее самоуважение и от всех прочих ждет понимания и сочувствия. А что? Дело житейское...

Это почти как в песне Александра Галича о показательном гегемоне Климе Петровиче, который, выйдя на трибуну, шпарит по бумажке, заготовленной, как оказалось, в расчете не на его пол: «Израильская,— говорю,— военщина известна всему свету! Как мать,— говорю,— и как женщина требую их к ответу!»

И зал воспринимает это как должное...

Занятно, что в первой редакции песни было иначе. Зал взрывался-таки хохотом, и опростоволосившийся Клим получал пожизненную кличку «мамаНя», но твердо помню, как друг Галича и мой друг, Анатолий Аграновский, вмешался: «Чудак! Да ведь в том-то и дело, что никто ничего не слушает и не слышит, что всем всё равно...» — и песня обрела свою смешную и жуткую логику. Ведь и Клим — не тот живой человек, который вкусно парится в баньке и смачно предвкушает послебанную выпивку, а функция, держащая официальную речь,— «фигуры не имеет», не имеет даже признаков пола, он тоже — Киже, а то, что он вещает с трибуны,— кижизм.

И это ужасно. Потому что в атмосфере торжествующего кижизма нет ни собственного стыда за собственную вину, ни личной ответственности за содеянное лично тобою, зато есть совсем небезосновательная надежда пренебречь — заслуженно недоброй памятью, вроде той, которую посулил тот же Галич убийцам Пастернака и тем, кто, развалясь, чуть не скучая, наблюдал за ритуалом убийства:

Мы не забудем этот смех
И эту скуку!
Мы поименно вспомним всех,
Кто поднял руку!

Впрочем...

Когда я вспоминаю это жесткое «поименно» и перед моими глазами встает стенограмма унижения и уничтожения поэта, свидетельствующая, что руку-то

подняли **все**, то есть сотни, а выступления, по несчастью, замарали себя и люди, которые потом это горько пережили и, главное, жизнью постарались — нет, не стереть пятна, его уже не сотрешь,— но по крайней мере уравновесить зло последующим добром, я думаю: а не жестока ли сама по себе эта «поименность»?

Правда, говоря совсем начистоту, сам я этого не думаю. Но допускаю, что сомнение может прийти в голову и проникнуть в души, которые не назовешь темными и безнравственными.

Когда после второй мировой войны французы судили предателя Лаваля, Симона де Бовуар усомнилась, есть ли в суде смысл. Ведь эта развалина, рассуждала она, этот жалкий старик, трясущийся от ужаса смерти, уже не совершил бы того, на что был способен негодяй-властолюбец в расцвете сил. Значит, тот Лаваль ушел от расплаты, отвечать за его гнусности предстоит другому, а ежели так, есть ли резон у нынешнего правосудия? Быть может, оно и не правосудие вовсе, а акт мести?..

Выглядит до соблазна логично — или соблазнительно парадоксально; так или иначе игра ума если и не убеждает, то увлекает. И все-таки — нет, нет, нет! «Поименность», которую гневно провозгласил Галич, это не месть, это **память,** необходимая прежде всего тем, кто «поднял руку». Для душевного их спасения необходимая, и, напротив, отговорки, имеющие свою «кижистскую», обезличивающую логику: «я был, как все», «это не я виноват, а время», есть неуклонный путь освобождения от стыда, от совести, от души.

Когда, помнится, в «Правде» появилось «письмо семи» — стыдное, доносительское,— я с болью увидел под ним подпись Виктора Астафьева. Потом полегчало, когда прошел слух, будто Астафьев возмутился, что кто-то (якобы) воспользовался его именем; потом слух не подтвердился... Что делать? Но когда я сейчас узнаю, что в день черносотенного погрома в ЦДЛ было выкрикнуто: «Товарищи евреи, покиньте зал, вы не писатели — писатели Распутин, Астафьев, Белов»,— я, быть может, наивно спрашиваю себя: неужели авторы «Последнего срока», «Царь-рыбы», «Плотницких рассказов» с легким сердцем восприняли этакое величание? Неужели ни одному из них не стало мерзко? Неужели им не захочется отстоять свое реальное, не фантомное имя, вырвать его из абсурдного, призрачного сообщества, объединенного по нелепому признаку: кто не еврей?..

2

Но что он такое, этот самый кижизм? (Уж простите мне неуклюжий рабочий термин.) Стихия, у которой ни руля, ни ветрил? Или то, в чем участвует и целенаправленное сознание, что строится, укрепляется, вооружается, а то и готово пустить оружие в ход?..

Передо мной удивительный документ: письмо далекого 1967 года, опубликованное В. Оскоцким в журнале «Горизонт» (1990, № 1). Адресат — Михаил Андреевич Суслов, корреспондент — Александр Львович Дымшиц, по тем временам влиятельный официозный критик и, можно сказать, классик кижизма. Будучи немаловажным чиновником Комитета по кинематографии, вычеканил в свое время формулу, достойную того, чтобы перед ней снять шапку (да и снимали, приходилось): «Этот фильм не должен быть фильмом об эпохе культа личности, ибо никакой такой эпохи не было, а была эпоха перехода к коммунизму, отягощенная отдельными явлениями культа личности» (см. «Искусство кино», 1989, № 1).

Так вот, после необходимого: «Дорогой... Простите, что беспокою... Но чувствую себя вынужденным...» — корреспондент переходит к делу. Шьет дело — редакторам 4-го тома Краткой Литературной Энциклопедии, которые осмелились не только начать том заметкой «ЛАКШИН В. Я.», как бы оказав особую честь неблагонадежному новомировскому критику, но и без осуждающих комментариев перечислили его «вредные статьи», руганные аж в самой «Правде».

«Но — это частность (хоть и характерная), из-за нее я не решился бы Вас потревожить.

Наиболее возмутительным, бессовестным является указание на автобиографию Б. Пастернака в рекомендательной литературе к статье МАЯКОВСКИЙ. Известно, что в этой автобиографии Б. Пастернак написал, что Маяковский в советские годы «выдохся», перестал быть поэтом, что его творчество в нашей стране насаждали искусственно. Это — прямая клевета на Маяковского, продиктованная завистью и озлоблением. По какому же праву в энциклопедическом издании автобиография Пастернака, помещенная в № 1 журнала «Новый мир» за нынешний год, рекомендуется в одном ряду с научными трудами о великом поэте революции?..»

Дальше о Пастернаке будет сказано и еще покруче («подлая оценка» — да, именно так!), но пока попробуем сдержанно восхититься неуклонной логикой кижизма: если, мол, что-то содержит «не те» мысли, его как бы и не существует, не должно существовать. И отдадим должное мастерству профессионала доноса.

Автор заметки о Маяковском — Станислав Лесневский; его, стало быть, и призвать к ответу? Э, нет, вовсе не он занимает Дымшица, как и не главный редактор Алексей Сурков; первый сбрасывается со счетов способом уничижения, второму грех отпущен с полупоклоном: нельзя же невесть чего требовать со столь занятого человека.

Но уж зато...

«В списке редакторов книги редактором раздела русской советской литературы назван А. Г. Дементьев. Он-то уж, вероятно, не может не быть причастным к тем фактам, о которых я написал выше. Еще не так давно он был заместителем редактора «Нового мира» и печатал статьи В. Лакшина и, возможно, принимал к посмертной публикации автобиографию Пастернака...»

Заметим: «вероятно... возможно...». То есть в точности Дымшицу ничего не известно и, сунувшись в сусловское логово, он опасается брать на себя ответственность за слова,— но чувствуете, как сужается круг, как набрасывается петля?.. «Подлый» клеветник Пастернак, опубликованный «Новым миром»... «Вредный» Лакшин, близкий сотрудник Твардовского... Дементьев, недавно снятый сусловцами его заместитель... Сам «Новый мир», который в эти дни добивают и скоро добьют... И — готово, накинутая петля, наведенный прицел:

«С его (то бишь Дементьева.— **Ст. Р.**) стороны рекламирование статей В. Лакшина и рекомендация автобиографии Пастернака в качестве научного источника для изучения Маяковского, на мой взгляд, непростительны».

Точка. Вернее, еще будет толика сентиментально-партийной истерики: «...Как коммунист, не могу молчать... Куда мне было обратиться? В мою ПАРТИЮ... Я надеюсь, что партия призовет к ответу... осмелились... в год 50-летия Советской власти...» (и это, умница, пристегнул), но дело сделано. Сшито. Следствие проведено лучше некуда; несуществующее, как сам подпоручик Киже, преступление взвалено на весьма конкретные плечи. «Член Союза писателей СССР, доктор филологических наук, профессор» кончил свою работу, теперь черед кнутобойцам...

Тут, впрочем, скорее-то вспоминается не Киже, а другой персонаж тыняновского рассказа. Фигуру имеющий.

В этом рассказе оплошность писаря не только **ничто** превратила в **нечто**, но и, напротив, реального человека, поручика Синюхаева, обратила в ничто (тоже, кстати, основано на историческом предании). Писарь ошибся, записав живого умершим, император собственноручной подписью придал ошибке силу закона, и даже родной отец Синюхаева не посмел пустить сына в дом.

Силы, подобной силе самовластного росчерка, нынче нет, слава богу, ни у кого, но желание перечеркнуть, вытеснить, обратить духовно и плотски реальное в то, что «фигуры не имеет», оно, разумеется, неистребимо...

«В субботу — в Доме литераторов перед поклонниками выступает Наум Коржавин, вознесенный до небес корешами, сумевшими спастись в России, когда неистовый Наум Коржавин уехал, не снеся ига издевательств, неправд и маеты. Но вдруг из Тель-Авива, из обетованного рая Наум Коржавин обратил тоскующие очи на серую Россию, прилетел, уважил нас, русских.

...Неужели, чтобы о тебе шумели центральные, областные и районные газеты, надо родиться Наумом Манделем, стать Коржавиным (либо кем-то другим — не в Коржавине дело), писать на русском языке, ненавидеть русское, выть о русском в закордонье, издавать антирусские листки, организовывать уголки русской культуры за рубежами России, носить русские псевдонимы и подменять русских на земле, на воде, на небе?»

Писано стихотворцем Валентином Сорокиным, напечатано в «Нашем современнике» (1989, № 8) и, по правде, ошарашивает яростным шовинизмом даже на страницах этого, переставшего удивлять журнала.

Неправды тут полным-полно, от смешной до клеветнически-злобной, от Тель-Авива, где якобы обитает Коржавин, до его (!) ненависти к русскому, но я прошу читателя обратить внимание всего на одно слово: «подменять». Да! Русскому поэту и еврею по крови, Коржавину приписано безумное намерение подменять на белом свете... Кого? Представьте, Сорокина. И не потому ль возникает само это дикое подозрение, что дело-то обстоит совершенно наоборот, и наш автор, ущемленно страдающий, что это не о нем шумят центральные газеты, страстно жаждет подменить своею персоной... Снова спрошу: кого? Нет, не одного Коржавина, тут и правда «не в Коржавине дело», тут не тот размах, аппетит и масштаб, а (назову имена, с особенной ненавистью отщелканные в сорокинской статье) Пастернака, Мандельштама, Багрицкого, Бродского, Высоцкого, Галича...

Впрочем, здесь и спрашивать незачем. Все откровенно. То есть сперва нам скажут с примерной скромностью: «Не считаю себя лучше Бродского или Галича...» (прикиньте, зажмурив для остроты впечатления глаза: Сорокин, согласный считаться не лучше Бродского,— недурная картинка?). Но уж затем: «Я, например, не желаю, чтоб за меня на моем родном языке сочинял стихи башкир, еврей, татарин, грузин, не хочу, я им не поверю, не даст мне музыку моего слова башкир, не даст еврей, даст русский...»

Это попытка дематериализации самого что ни на есть реального, сущего, того, что любят, знают, читают, поют:

Я вернулся в мой город, знакомый до слез...

Или:

Как обещало, не обманывая,
Проникло солнце утром рано...

А то еще:

Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Чтó жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем,
И в ночь идет, и плачет, уходя.

Мандельштам, Пастернак, Фет — у последнего ведь с русской кровью тоже было неладно. Но что тут поделаешь? Ну, не дают они Сорокину («не хочу... не желаю...») «музыки моего слова»,— а хочет он и желает слова именно своего, сорокинского, чья музыка, например, такова. Прилежно цитирую отрывок из его поэмы «Бессмертный маршал», где герой, Георгий Константинович Жуков, беседует со своим другом:

...Самих себя вылепливаем сами,
То бородой упьемся, то усами,
У нас в цеху руководящий босс
Обрился «под Никиту», а кудрявый.
— А вы?
— Намыливаемся оравой...

Не споткнулись на глаголе «намыливаемся»? Тогда вот вам орешек потверже:

Я Берию впечатала б в букварь...

Закалившись на языколомном «бвб», уже без особенных мук прочтете такой монолог, наконец имея возможность, победив, так сказать, форму, вникнуть и в содержание. Тем паче монолог-то не чей-нибудь — сталинский!

Как барс, я с оппозицией дерусь,
И Лев Давыдович — блестящий Яго,
Семиголовый змей, я не берусь
Расшифровать,
Не вытерпит бумага;
Меня щадил он? Не щадил, попал
Под лопасти — зацепит и закрутит,
И я рубил, и он меня вкопал
В дол окровавленный, аж душу мутит,
В кровавый зев я кинулся, и в кровь
Я вывозился с ним, и кровью вымок,
Бронштейн — кровавый выхаркнутый вымах,
Рак общества, я подтверждаю вновь...

Уж не знаю, остался бы Сталин доволен качеством стихов, вложенных в его уста (сам, как-никак, сочинял) или же... Но о последствиях его неудовольствия думать и то страшно, так что я лишь прошу заметить: мне отнюдь не пришлось ехидно вылавливать несуразности («то бородой упьемся, то усами... и в кровь я вывозился с ним...»). Какое-то время назад все эти строки бережно отобрал сам Сорокин, представив их на страницах одной газеты, во-первых, образцами политической смелости, которым преградили путь конъюнктурщики-редакторы, а во-вторых... Вот, впрочем, авторская самооценка:

«...Даже с этими трусливыми выхолащиваниями поэма, как мне кажется, все-таки сохранила свою энергию... Люди... благодарят за эту правду. Она лечит, правда — здоровье народа».

Пожалуй, тут занятней всего тотальность вытеснения и самоутверждения. Ведь не только «музыку моего слова» не уступает Сорокин, так сказать, «башкирам», нет, даже репутации гонимого и непубликуемого поэта им ни за что не отдаст. «Был ли Галич запрещен? Нет» — и ведь остроумно, черт побери: нельзя же закрыть то, чему и открыться не дали. Словом, свершилось! Киже подменил Синюхаева. Галича не запрещали. Запрещали — Сорокина. Короче: «Все наше! Всю Россию потребуем...»

Правда, это уже не из нынешнего стихотворца; это Иван Антоныч Расплюев, персонаж сухово-кобылинской «Смерти Тарелкина», вступив в долж-

ность квартального надзирателя, бушует по-своему, по-расплюевски,— но отчего полицейский этот азарт кажется знакомым до отвращения?

«Я-а-а таперь такого мнения, что все наше отечество это целая стая волков, змей и зайцев, которые вдруг обратились в людей, и я всякого подозреваю; а потому следует постановить правилом: — всякого подвергать аресту... Да-с. Правительству вкатить предложение: так, мол, и так, учинить в отечестве нашем поверку всех лиц: кто они таковы? Откуда? Не оборачивались ли?»...

Ну, и так далее; все в самом деле знакомо: «надо родиться Наумом Манделем, стать Коржавиным... носить русские псевдонимы и подменять...». Оборачиваться, говоря по-расплюевски.

Кажется, мы наконец дожили до того, что фантасмагория, возникшая в голове гениального, безудержного сочинителя гротесков и даже благожелательным современникам порою казавшаяся чрезмерным, «озлобленным шаржем», стала реальностью... Хотя так ли? Разве можно назвать реальностью претендующую на ее права фантомность, расплюевскую чертовщину, поголовный кижизм, когда для объяснения уж таких-то невыдуманных наших бед отыскивается некто, фигуры не имеющий?

«На действенную помощь Кремля, раболепствующего перед инородцами, рассчитывать не приходится!.. Мы вправе спросить: Горбачев, где обещанные презервативы? Ты отдал их казахам!.. Убийственный вирус СПИДа, выведенный в тайных масонских лабораториях еще при Лорис-Меликове, которого в действительности звали, как известно, Лейба Меерзон...»

Я цитирую повесть Вячеслава Рыбакова «Не успеть» («Нева», 1989, № 12), где на манер нашумевшего «Невозвращенца», сочиненного Александром Кабаковым, мрачно предвидится наша близкая будущность, да и такое ли уж это **пред**видение? Выступавший недавно по телевидению лидер московской «Памяти» Дмитрий Васильев тоже ведь объявил, что уже не «бархатный диктатор», не граф-армянин Лорис-Меликов, но и российский дворянин Александр Керенский, «как известно», на самом деле Арон... Вот только не помню: Куперман? Купершток?

Покойный прозаик Борис Ямпольский рассказывал мне когда-то: нужда завела его в отдел кадров Союза писателей, где он приметил лежащее на столе «личное дело» Юрия Олеши, еще здравствовавшего, и, когда сотрудница отлучилась, Борис согрешил: не удержавшись, раскрыл олешину папочку.

Вот что его поразило. Среди характеристик и анкет он нашел весьма давнюю, к тридцатым годам относящуюся жалобу: некая женщина сообщала, что мужчина, назвавшийся автором «Зависти» и «Трех толстяков», пробовал добиться от нее взаимности в темном подъезде.

Тут же были приложены документы, ясно свидетельствующие, что Олешу вызвали, убедились: то был самозванец, и отпустили с миром. Но жалобу не порвали, оставили — вдруг пригодится?..

Ничего не скажешь, мудро. Всегда должен быть наготове какой-то Киже: жидомасон, инородец, член межрегиональной группы, интеллигент, очкарик — да мало ли кто? Главное, чтобы был. «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути».

А теперь можно вспомнить и то, с чего начали и что надолго забыли: рассказ Варлама Шаламова.

С легкой руки Тынянова мы по сей день, столкнувшись с припиской или с бюрократической липой, говорим: «Ну, опять подпоручик Киже!» Но не слишком ли безобидно звучит?

Подумаешь — Киже! Того, павловского невидимки как не было, так и не стало. Он прошел над своей эпохой анекдотической тенью, насмешкой над капризом взбалмошного царя, которому никто не смел перечить,— как, к примеру, никто не поправил Сталина, в 1938 году произнесшего тост «за здоровье Ленина». Я еще удивляюсь тому, что, когда вождь сделал свою комически знаменитую надпись на слабенькой горьковской сказке, которая будто бы посильнее, чем «Фауст», и прибавил: «Любов побеждает смерть»,— как это придворные лингвисты не стали нас всех вразумлять, что искони писавшийся в слове «любовь» мягкий знак есть пережиток капитализма. Впрочем, при Хрущеве хотели-таки заставить писать «за**е**ц» и «огурц**и**» — полагаю, не в последнюю очередь из-за тех трудностей, с какими тогдашним владыкам давались — да так и не дались — российское правописание и связная речь.

Но сейчас не до насмешек, не до усмешек, и история нашенского Киже — виноват, Онже — куда пострашней старопрежней. Ведь каким образом догадливый энкаведешник исправил описку канцеляристки? А очень просто: изловил первого встречного, не говорящего по-русски туркмена, приказал отзываться на имя Берды Онже, и в ГУЛАГе одной жертвою стало больше: «Статья сто шестьдесят вторая, срок десять лет».

То есть «ихняя» история про Киже — о том, как человека словно бы создали из ничего; наша, про Онже,— как человека обратили в ничто. Да пооснователънее, чем отверженного Синюхаева: растерли в «лагерную пыль».

Вот цена **наших** описок, приписок, просчетов, липы, обмана, чьих конкретных виновников мы и не знаем; вот цена **нашей** трусости перед лицом власти, которой мы опасаемся выложить всю правду. Грянул Чернобыль — и вот начались чьи-то попытки оттянуть весть о несчастье, скрыть размеры беды, вот и нынешний полумолчок об уровне радиации, как и то, что от гнева народного откупились, выдав на суд «подпоручиков» и прикрыв «генералов». А Тбилиси — где же все-таки тот невидимка, что допустил «опечатку»? А Карабах? Баку? Душанбе? Что за тайные приводные ремни запустили машину разрушения? До чего ж будет длинен список вопросов, если его продолжать, и наступит ли ему конец?

Нет, не имеем мы права смеяться над капризами императора Павла, не заслужили, и ежели все же положим конец страшному списку, ежели есть спасение, то оно — в прямом слове, все называющем по имени. «Мы поименно вспомним всех...» Да, необходимо вспомнить, необходимо назвать не ради мести, а ради убережения от смертельной опасности. Всем, кто не назван публично, но знает за собою вину, грозит... Вряд ли прижизненное наказание, тут иллюзий питать не стоит, но что им гарантирована позорная память, это уж точно. Тут история обнадеживает нас и пугает их, и они на все пойдут, чтоб оттянуть поименную гневную память.

...Ну вот. Кончил перепечатывать статью, перевел дух, взял свежую газету. Узнаю: ее корреспонденту вздумалось взять да и разыскать «рабочего Игнатенко», чье угрожающее письмо прочитал на Пленуме ЦК секретарь Киевского горкома: дескать; пора, Михаил Сергеевич, кончать с разгулом демократии и употребить власть для защиты «завоеваний социализма»... Искали, искали — нету такого! Нашли лишь однофамильца, который о письме и не слыхивал.

Господи, как все похоже, как до скуки однообразно! И потребуем ли наконец ответа за ложь, за обдуманное производство новых и новых Киже?!

...Что пожнем?

■

Отвечаю на письмо Германа Андреева — доцента университета Майнц, ФРГ («Огонек» № 1), в связи с публикацией сцен VI пленума правления Союза писателей РСФСР. Письмо напечатано под заголовком «А нам все равно?..».

Мне лично — далеко не все равно!

Нашему обществу выдано полновесно, какую часть письма ни возьми. Хотя бы вот это: «Русские писатели, открыто выражающие расистские убеждения, наносят катастрофический урон репутации русского народа. Учитывая это, участники пленума правления писателей РСФСР никак не могут быть признаны истинными русскими патриотами, за которых они себя крикливо выдают». Все не только высказано с беспощадной внятностью, но еще и неопровержимо по корректной логичности выводов. Этот твердый холод заслуженного нами осуждения для меня, как для русского человека, непереносим.

По специальности я психолог. Поэтому прежде всего думаю сейчас о детях: как на них отзовется этот недобрый посев противопоставления «русский» — «еврей»...

Свои опасения адресую тем, кто еще не успел оказаться в плену расизма, и тем, кто пока еще способен стряхнуть с себя этих демонов розни.

Для всех тех, кто небезнадежен, хочу напомнить эпизод из жизни молодого К. Г. Паустовского:

«Перед экзаменами в саду была устроена сходка. На нее созвали всех гимназистов нашего класса, кроме евреев. Евреи об этой сходке ничего не должны были знать.

На сходке было решено, что лучшие ученики из русских и поляков должны на экзаменах хотя бы по одному предмету схватить четверку, чтобы не получить золотой медали. Мы решили отдать все золотые медали евреям. Без этих медалей их не принимали в университет.

Мы поклялись сохранить это решение в тайне. К чести нашего класса, мы не проговорились об этом ни тогда, ни после, когда были уже студентами университета...» (К. Г. Паустовский, «Повесть о жизни», книга первая — «Далекие годы»).

Когда-то этот эпизод не вызывал у меня ни восхищения, ни удивления, настолько естественным («нормальным»!) казалось решение гимназистов. Но теперь!..

Хочется упомянуть и литературный поступок «самого русского» писателя XIX в. Н. С. Лескова, которого нередко обвиняли в антисемитизме, поверхностно воспринимали его шаржированные рассказы, связанные с жизнью евреев. Но более серьезный читатель мог увидеть под язвительными штрихами его еврейских портретов потрясающе выписанные им причины их неприглядности: глумление и чудовищное насилие над евреем. Со временем лесковский гуманизм возобладал над едкостью, шарж отступил перед глубиной его постижения обусловленности еврейских характеров, постижения трагедии этого народа.

В брошюре «Евреи в России» Лесков доказывает, что полезнее — во всех отношениях — снять всевозможные ограничения для евреев, исключить всяческое насилие над ними (приходилось ли вам читать о жизни малолетних солдат-кантонистов, о детях, которых — по закону! — отнимали у родителей-евреев для армии?). Он доказывает, что евреи вовсе не стремятся повредить христианской вере. В брошюре приводятся мало кому известные, но очень интересные и исторически значимые факты. Например, на исходе XVIII века евреи (раввины) преимущественно русского подданства сумели защитить библейское учение о Едином Боге от самого Вольтера, написав в ответ на его антибиблейскую критику «Еврейские письма», которые были переведены на многие языки и пользовались уважительным вниманием всех серьезных читателей как произведение образцовое по тону и глубине религиозного содержания.

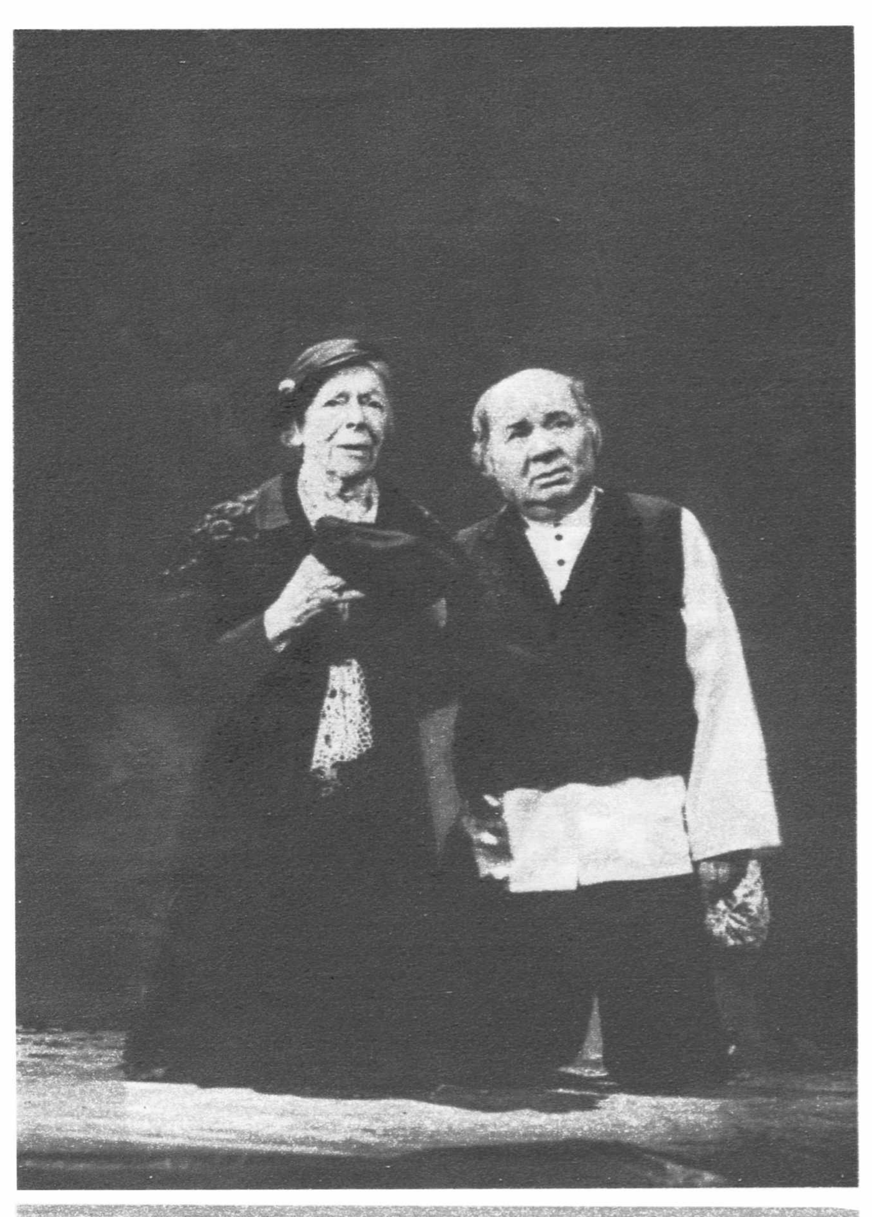
Брошюра Н. С. Лескова была выпущена в 1884 г. анонимно, всего 50 экземпляров. Мне посчастливилось прочесть ее переизданной в Петрограде со вступительной статьей Ю. Гессена. Глубоко убеждена: именно в наши дни эту работу надо сделать доступной для читателей.

Безусловно, взгляды Лескова на проблему гораздо сложнее, уверена, что у меня найдутся оппоненты. Но нельзя не согласиться с его главной мыслью, что решать «еврейский вопрос» надо «в духе человеколюбия и истинной государственной пользы».

Еще раз повторяю: мне не все равно, ибо нет ничего страшнее и гаже расизма — он разрушает человеческое достоинство обеих сторон и обрекает его (достоинство) на несостоятельность в наших детях и внуках, ведет к нравственной разрухе.

Н. ЖУТИКОВА,
психолог
Новосибирск

НА ПОНЯТНОМ ВСЕМ ЯЗЫКЕ

Наталья КРЫМОВА

С театром у нас плохо. Штампом стало утверждать это, но ведь действительно плохо. Пьес, которые выразили бы состояние сегодняшнего человека, почти нет. Возможно, мы стали плохими зрителями — нервными, раздражительными. Перегруженные нелегкой информацией и тяжестью повседневных забот, чего мы ждем от театра — еще больших потрясений? Объяснения реальности, в которой так трудно разобраться? Отражения политической борьбы? Успокоения? Развлечения, наконец? Жаль, но большинство спектаклей последних лет толком не удовлетворяет ни одну из этих потребностей. Бывают, однако, и исключения. Они становятся событием, иногда — сенсацией. Ряд недавних постановок М. Захарова в Театре имени Ленинского комсомола — и «Диктатура совести», и «Мудрец» содержали в себе умный политический расчет, стали явлением общественно-политической жизни. Но вот новый спектакль — по Шолом-Алейхему, «Поминальная молитва» — совсем другой.

Однажды Михоэлс передал свой разговор со Станиславским. Они встретились в санатории в 1937 году, когда Станиславский был уже стар и болен, но все еще продолжал размышлять о природе творчества. Он вдруг спросил Михоэлса: «Как вы думаете, с чего начинается полет птицы?» «Эмпирически рассуждающий человек, как я (вспоминает Михоэлс), ответил, что птица сначала расправляет крылья». «Ничего подобного (сказал Станиславский), птице для полета прежде всего необходимо свободное дыхание, птица набирает воздух в грудную клетку, становится гордой и начинает летать».

«Поминальная молитва» — спектакль, поставленный с тем свободным дыханием, которое птице нужно для полета, а искусству — для существования. Поставленный не в еврейском театре, а в русском, сыгранный русскими актерами, спектакль этот заставляет вспомнить прежде всего о той «всемирной отзывчивости», которая в идеальном виде присуща была гению Пушкина, но с давних времен являлась одной из важных примет всей русской культуры. Эту отзывчивость и калечили, и порочили, и затаптывали, а она сохраняла себя Бог знает в каких глубинах духовной жизни народа и вот проявилась еще раз. И напомнила, кстати, что та психологическая школа, которую называют мхатовской, тоже может проявиться самым удивительным образом в неожиданном месте, где ее специально никто не декларировал.

...Зрители еще не разместились в зале, не затихли, когда из правой кулисы появился — бочком, будто стесняясь,— человек, которого нельзя не узнать. Это Евгений Леонов. Мешковатая фигура, которую джинсовый костюм не делает более спортивной, какая-то домашняя ковбоечка, руки в карманах, голова втянута в плечи. Меньше всего он похож на персонажей Шолом-Алейхема. Постоял с полминуты, глядя в зал, и, кажется, успел встретиться взглядом с каждым из пришедших. (Это особое свойство актера — видеть зрителей, когда стоишь в луче света. Тех, кто не видит, сразу отличаешь, с ними неловко встречаться глазами.) Ничего не играя, Леонов заговорил обычным своим негромким, домашним голосом, но явно волнуясь.

Он сказал зрителям, что писатель Шолом-Алейхем умер в 1916 году и оставил завещание, в котором написано... Тут Леонов нащупал в кармане очки, вытащил их, из другого кармана достал сложенный вчетверо лист бумаги, расправил его и стал читать:

«...На моей могиле в каждую годовщину моей смерти пусть оставшийся мой единственный сын, а также мои зятья, если пожелают, читают по мне поминальную молитву. А если читать молитву у них не будет особого желания, либо время не позволит, либо это будет против их религиозных убеждений, то они могут ограничиться тем, что будут собираться вместе с моими дочерьми, внуками и просто добрыми друзьями и будут читать это мое завещание, а также выберут какой-нибудь из моих самых веселых рассказов и прочитают вслух на любом понятном им языке. И пусть мое имя будет помянуто лучше со смехом, нежели вообще не помянуто».

Никакой торжественности не было в этом чтении. Актер делал паузы, когда не хватало воздуха, переводил дыхание и продолжал читать. Потом прикрепил листок на ближайшую боковую кулису и побрел на середину сцены, на ходу размышляя о том, что театр все же не храм, а театр, но жизнь сейчас такая, что в пору и тут, в театре, сказать: помоги нам, Господи!

От лица Тевье-молочника он заговорил только тогда, когда осмотрел все пространство сцены и показал: вот где-то здесь, «в деревне Анатовке с древних пор жили русские, украинцы и евреи. Жили вместе, работали вместе... Здороваясь, русские снимали шапки. Евреи шапок не снимали никогда!.. Обычай!». На этих словах Леонов достал из кармана черный картуз, надел его и в таком виде показал нам себя как бы уже заново. «Обычай!» — Он произнес это и уважительно к обычаю, но и посмеиваясь над тем, как он, артист Леонов, выглядит в таком картузе. И зрители вместе с ним тоже в первый раз засмеялись.

Потом они еще много будут смеяться: театр играет человеческую драму в форме комедии. Автор пьесы Гр. Горин, не придерживаясь текста Шолом-Алейхема, мастерски чередует серьезные реплики со смешными. Придерживаясь, однако, духа первоисточника, он дает театру возможность намекнуть, что вековечный еврейский юмор имеет свою защитную и жизнеутверждающую функцию. Люди защищают себя иронией, юмором, ибо больше защититься нечем. Очевидность этого так наглядна и проста, что сама по себе становится важным смыслом спектакля. Прежде всего через юмор раскрывается такая сложная, трудно определяемая материя, как национальный характер. Это характер народа, обреченного на страдания, но умеющего страдать мужественно, с тем многообразием жизнестойкости, которое вмещает в себя и прагматизм, и высокий настрой духа, у деловых людей подразумевает деловую хватку, у бедняков — увертливость, а у мечтателей — такой идеализм, что никакому материализму уже и места не остается. Русские актеры играют спектакль о народе, своеобразном по внутреннему складу, корнями уходящему в глубокую древность — по обычаям (иные из которых нам вовсе не известны, другие и самим народом забыты, а третьи бережно хранятся), по напевам, молитвам, привычкам. Любой народ интересен в своей неповторимости и оригинальности — эту нестертую оригинальность мы и видим в спектакле, где своей человеческой и национальной общности никто не стесняется, напротив, ею держатся. Я говорю «никто», имея в виду не только героев Шолом-Алейхема, но и участников спектакля, объединенных неким художественным родством, общим пониманием жизни и своего в ней места.

Не будь этого единства, распалось бы и все представление. Точно так же, не будь живой лошади, где-то на заднем плане неторопливо жующей сено,— распалась бы нить, связывающая Тевье с землей, с хозяйством на ней, с природой, наконец. Не было бы нежных цветов багульника на голых ветках, видных в щели забора,— что-то живое ушло бы из спектакля, потому что каким-то странным образом это печально-нежное, недолгое цветение багульника рифмуется с самыми маленькими дочерьми Тевье, девочками, чьи головки мелькают то тут, то там, так что в конце концов сбиваешься со счета — сколько дочерей родила жена Тевье: пять, шесть, семь? (Кстати, у Шолом-Алейхема говорится по-разному, то пять, то семь. Главное — это дочери, и их много.)

Речь идет о целостном мире, где все связано одно с другим, о внутреннем и внешнем единении всего этого пестрого сборища и зрелища как о драгоценном свойстве спектакля. Но ту же общность в данном случае следует и разъединить, потому что тут у каждого своя заслуга и своя роль. Заслуга Гр. Горина в том, что он написал умную, полную иронии и грусти пьесу. Композитор М. Глуз сочинил прекрасную музыку. Что же касается режиссера М. Захарова, выскажу мысль неожиданную: он поставил самый простодушный, а значит, и незащищенный свой спектакль. И это прекрасно! Ведь сейчас такое время, что каждый человек (в том числе и режиссер) выставляет впереди себя какие-то шипы. Все будто готовятся к защите и предвидят опасность — косой взгляд, вражду или элементарное хамство.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Спектакль «Поминальная молитва» без шипов.

Не случайно в нем так много детей всех возрастов. Мальчик-подросток со скрипкой; только что родившаяся внучка в одеяльце на руках у Тевье; маленькие его дочери, бегающие, что-то свое поющие, жующие или смирно стоящие подле взрослых. Есть, можно сказать, и еще не родившиеся дети — старшая дочь Тевье вышла замуж, а уже в следующей после свадьбы сцене несет впереди себя живот и с трудом застегивает жакетик. И другая дочь не успела, нарушив все законы, повенчаться в русской церкви, как тем же застенчивым жестом застегивает пальто.

Всем этим детям, родившимся и еще не рожденным, в финале предстоит уйти за «черту оседлости» — уйти, хотя кто-то еще не появился на свет и ходить, разумеется, не научился. Вспомним, кстати, что к детям и к музыкантам с особой нежностью относился Шолом-Алейхем...

«Провались они, мои дочери! Уж если втюрятся в кого-нибудь, так всем, всем сердцем, всей душой, без остатка!» Этот текст Тевье есть у Шолом-Алейхема, его нет в спектакле, но все три актрисы (Е. Шанина, Л. Артемьева, А. Захарова) играют дочерей Тевье так, будто эти слова слышали.

Первая половина спектакля посвящена той дочери, которую зовут Цейтл. Тут и сватовство богатого мясника, и любовь Цейтл к бедному портняжке Мотлу, и, наконец, свадьба, на которую являются погромщики. Роли Цейтл и Мотла написаны как бы пунктиром, но актеры Е. Шанина и А. Сирин легко и точно пользуются каждым своим крошечным появлением, чтобы сыграть не Ромео и Джульетту, а полукомедийную местечковую вариацию шекспировской темы. Молодые актеры открывают в себе юмор и ничуть при том не теряют обаяния. Вообразите, что счастье Ромео зависит не только от Джульетты, но и еще и от обладания швейной машинкой, а Джульетта столь же страстно, как к своему возлюбленному, относится к «настоящему Зингеру», который обеспечит ее с Мотлом и их многочисленное (в этом можно не сомневаться) потомство.

Другую дочь, Годл, уводит из дома злополучный, весь из острых углов состоящий студент Перчик, а точнее — неодолимый ход истории, потому что Перчик оказался революционером и его ссылают в Сибирь.

Пора прощаться. Перчик и Годл нагнулись, чтобы взять узел, выпрямились, чуть не столкнувшись лбами, и вдруг, повернувшись к залу, тонкими голосами запели: «Вихри враждебные веют над нами...» Это пение так неожиданно, что зал засмеялся. И тут же затих. «Нас еще судьбы безвестные ждут...» Два юных существа поют это как клятву, но правда о «судьбах безвестных» сегодняшнему залу открыта неизмеримо больше, чем Перчику, Годл и даже самому Шолом-Алейхему. Тут у каждого на сцене и в зале свое знание и своя боль. Оттого внезапно обрывается смех.

Еще минута — и всех будто ветром сдует со сцены. Тевье останется один.

...Я все ищу места, чтобы сказать о том, какой силой обладают новое спокойствие и сосредоточенность Евгения Леонова. Какая-то внутренняя тишина поселилась в знакомом актере и видоизменила его. Русский актер играет еврея. Он не ищет национальных примет, не меняет склада речи, не прибегает к гриму. Он играет, как принято говорить, «от себя» и тем проявляет художественную мудрость. «От себя» в данном случае значит: понять структуру другого характера, взять на себя тяжесть чужой жизни и в течение трех часов спектакля достойно пронести ее, как, согласно складу своей души и вере, проносит ее Тевье.

Какие тут нужны внешние приметы характерности? Никакие. Разве что смена костюма — появляются, когда надо, картуз и белая рубаха, жилетка и сюртук, а когда наступает зима — пальто. Снегом заносит Анатовку, люди мерзнут, мерзнет и Тевье. А вокруг него распространяется ощущение вселенского холода, озноба и сиротства.

Когда-то Михоэлс делил актеров на «атмосферных» и «неатмосферных». Еще совсем недавно, подумав, можно было отнести Леонова к «неатмосферным». Он являлся на сцену как бы сам по себе, этим был привлекателен, за это его и любили. Но в «Поминальной молитве» именно он, идя впереди других, вносит на подмостки очень реальную, ощутимую атмосферу жизни, то одну, то другую. Ведь атмосфера домашнего очага — это одно, а распахнутый дом или уже проданный — совсем иное.

И то, и другое можно создать и чисто постановочными средствами, но М. Захаров проявляет себя как постановщик там, где считает необходимым. Громкие, эффектно поставленные сцены чередуются с такими, где в тишине вступает в свои права актер, его внутренняя жизнь. Все остальное в конце концов только сопровождение, фон и аккомпанемент. («И пускай музыка! — то ли от себя, то ли уже в роли Тевье Леонов в самом начале обращался к музыканту, сидящему на сцене. — Только потише играй, понял? Потише...»)

Лицедейство, то есть своеобразное притворство,— в природе актерской профессии. Известны случаи столь виртуозного сценического преображения, что только оторопь берет. Однако, глядя на Леонова, вспоминаешь не эти случаи, а совсем другое. Когда-то великий русский актер Михаил Чехов высказал мысль, которая звучит примерно так: актер будущего откроет для себя интереснейшую истину. Он поймет, что, какова бы ни была сила актерского перевоплощения, зритель всегда стремится заглянуть за создаваемый актером образ и разглядеть, разгадать человека, который образ творит. И чем привлекательнее этот человек окажется, тем большей верой откликнутся ему зрители. Актер неизбежно поймет необходимость человеческого самосовершенствования и относительность всего, что в театре является обманом.

Я не знакома с Леоновым как с человеком. Но не вижу в его сценическом поведении ни малейшего обмана и потому решаюсь утверждать, что он играет «от себя». Больше того, покаюсь, что, наблюдая за ним в роли Тевье, иногда забывала о том, какой национальности этот Тевье. Может, кто-то придерется к его манере носить картуз или готовиться к молитве — не так, мол, это все делалось во времена Шолом-Алейхема. Может, и не так. А может, и так. Актер играет не ради того, чтобы убедить: «Я все это изучил, а теперь и вам покажу». «Поминальная молитва» лишь в какой-то мере держится бытовой точности. Можно себе представить, какая убогая «правда» вступила бы на сцену, если бы там был сооружен, скажем, натуральный деревенский плетень, а не тот фантастический, куда-то ввысь и в бесконечность уходящий дырявый забор, который сейчас благодаря художнику О. Шейнцису занимает весь задний план сцены. Между прочим, сочетание реального и нереального заключено в природе Шолом-Алейхема (как известно, последователя Гоголя). И потому в «Поминальной молитве» есть синтез музыки и разговорной речи, соседство напевов и молитвы, чередование житейской походки и эксцентрических танцев.

Кому-то покажется, что допущен перебор и этих танцев, и разного рода песнопений. Но у Марка Захарова всегда в чем-то перебор, без перебора нет его режиссуры. В этом смысле он, по-моему, рассчитывает на публику, которая предпочитает в театре перебор, испытывая явный недобор в своей реальной, достаточно убогой жизни. Такая новизна связей между эстетикой театра и серостью жизни очевидна. Право режиссера все это учитывать.

Самое главное — лишь бы не перебирали актеры! Ведь тема, которую условно назовем шолом-алейхемовской, сравнительно легко допускалась на нашу сцену как раз в обличье грубовато-эстрадном, пошловато-опереточном. Она развлекала как «вставной номер» и жалко оправдывала себя комедийным нажимом.

Участники «Поминальной молитвы», кажется, все это понимают. Они сознательно направлены на другое качество

игры. Соответственно переменам они осваивают новое профессиональное и гражданское мышление. А уж если в некоторых ролях без резкой характерности не обойтись, то театр находит для этого резервы, которые оборачиваются художественным открытием. Например, А. Абдулов в роли Менахема-Мендла прибегает к острейшему внешнему рисунку, но это выглядит у актера как идеально сшитый именно на него сюртук. Нелепый человек в пяти рваных кофтах, с привязанным на веревочке огромным носовым платком, с бесконечными тиками на небритом лице — и это Александр Абдулов? При всей своей забавности ни на секунду Менахем-Мендл не привлекает к себе специального внимания, не выступает вперед когда не надо, не заслоняет других. Но уж если в поле зрения оказывается, мы как завороженные рассматриваем и его бесконечные рваные кофты, и диковинные заплаты на брюках, и то, как элегантно он усаживается, прежде чем размотать веревочку, расправить платок и высморкаться, и то, как, продолжая рассуждать о жизни, он складывает этот платок и аккуратно обвязывает его веревочкой, прежде чем уложить в карман. И это известный нам Александр Абдулов?! Не может быть! Кто-то даже извлекает программку, чтобы удостовериться. Все точно, это он. Потому что человек может родиться статным красавцем и душу иметь добрую, но волей обстоятельств превратиться в такой вот тип и в такую, как сказано у Шолом-Алейхема, родню, «с которой лучше переписываться, и то по большим праздникам». Каждая реплика этого Менахема, любое его передвижение в пространстве вызывают смех. Потому, чтобы не развлекать присутствующих, он и ведет себя крайне тактично — часто сидит спиной к нам или вообще исчезает, будто растворяясь в воздухе. В той жизни, о которой спектакль рассказывает, представляющей, как говорит Тевье, «один сплошной несчастный случай», Менахем-Мендл, созданный Абдуловым, не просто сосредоточивает в себе весь наивный местечковый практицизм (граничащий с идиотизмом, равно как с идеализмом), но еще и выворачивает эту нелепую смесь каким-то фантастически смешным жестом. Так что и изнанка видна, и лицо не скрыто. Со стороны смешно, а каково человеку, который от собственного характера уже не может отделиться? Что навсегда, то уже навсегда. И это еле уловимой грустью окрашивает образ.

В финале, как уже было сказано, жители Анатовки, собрав пожитки, должны уехать из родной деревни — их выселяют «за черту оседлости». Тевье, говорят, пошел на кладбище проститься с женой. Он уже три дня молчит — как услышал, что всех выселяют, так и замолчал, потому что впервые подумал, что его разговоры с Богом ничуть не делают жизнь лучше. Вот он молча проходит через сцену, молча дает лошади сена (лошадь уже продана), а вернувшись, молча смотрит на людей, собравшихся у его дома. В этот прощальный момент плотник Степан решил помирить отца с дочерью, которая вышла за русского,— Хава и Федор пришли, потому что решили ехать вместе со всеми. Степан понимает и Хаву с мужем, и Тевье. Ему надо помирить их, он зовет мальчика-скрипача и сзывает людей, чтобы те образовали круг, из которого Тевье уже не сможет уйти, не увидев дочери. Режиссерски сцена выстроена почти без слов, чисто музыкально: запела скрипка в руках у мальчика, ее подхватила еще более мощная музыка, и Тевье медленно поднимает голову. Мы видим то, что чудится ему: где-то там, неведомо где, в вышине, он видит свою жену Голду и слышит ее напев. Кажется, что то же самое слышит и Хава — она встает на колени, осторожно и нежно подхватывает родную мелодию и прижимается к отцовской руке. Дрогнула рука Тевье и погладила голову дочери.

В эту секунду, когда зрители еще вытирают глаза, появляется Менахем. Одной рукой он держит узел с пожитками, а другой поддерживает свою старенькую маму. Маму играет Т. Пельтцер. Всего несколько минут занимает этот финал, но, конечно, нужно было, чтобы на сцене появилась в роли мамы такая актриса, как Т. Пельтцер. Мама совсем не понимает, где оказалась, всему готова обрадоваться, но каждому объясняет, что ее «в поезде так трясло...». Последний момент спектакля: когда никто ничего не понимает. Почему тут оказался Менахем?! И не один, а с мамой, ведь к нему в Бердичев собирается Тевье с семьей... Да потому, как выясняется, что телеграфист перепутал и вместо «приезжа-ем» отстучал «приезжай-те»... Вот и приехала пожить в деревню та единственная родня, на которую в Бердичеве мог рассчитывать бедный Тевье.

Как разрешается вся эта ситуация? Как и положено, на языке театра. Ибо в реальности лишь Богу известно, как подобное можно разрешить. В ремарке сказано, что Тевье «смеется». Леонов действительно смеется. И последний раз поднимает руки к небу: «Господи милостивый, ты хочешь, чтобы я молчал?» А Степан-плотник говорит свое: «Ну, народ... С ними не соскучишься...»

Какой-то невидимый дирижер руководит всем этим, распределяя меру смеха и слез, музыку и отдельные реплики, поведение одного человека и поведение толпы. Но режиссерская воля тут, как в лучших моментах спектакля, неощутима, о ней не думаешь. Больше всего думаешь о людях, об их судьбах, о странном, но несомненном сближении судеб разных народов в разные времена.

Нет в спектакле оттенка той мнимо-милосердной мысли, что «евреи тоже люди». Расхожесть этой мысли равна ее высокомерной пошлости. Расхожесть ее в сфере театра, увы, является приметой того, как трудно театру подняться на ту высоту культуры, к которой иных зрителей нужно еще подтягивать.

Не хочется употреблять такое слово, как «милосердие». Оно хоть и прекрасно, но вот-вот окажется затасканным, как и многие другие. К тому же, кажется, оно тут и не вполне к месту. Ведь если задуматься, то это не мы снисходительно-милосердны к таким, как Тевье, а он, простой деревенский молочник, созданный современным актером, великодушен и добр к нам, приносящим в театр тяжесть своих проблем, раздражение и недоброту. Создаваемая театром атмосфера человечности волнами окатывает зал и объединяет его.

Какова мера этого объединения, так ли уж оно велико? Трудно сказать. И не стоит обольщаться. Кроме того, как уже говорилось, вполне естественны разные точки зрения на один и тот же факт. Я, допустим, говорю о единении, а Мейерхольд когда-то считал, что зал надо обязательно расколоть на две половины — одна «за», другая «против» — и чтобы возникла борьба. Вот тогда и будет настоящий театр. Согласимся, что Мейерхольд прав. (Для своего времени, хочется добавить.) Хотя зачем выглядеть наивным и сегодня не видеть тех, кто, вполне вероятно, на дух не примет ни «Поминальной молитвы», ни всех моих размышлений?

Спектакль противостоит агрессивности — здесь человеческая его позиция, мирная, но нелегкая. Но при всей тяжести содержания это спектакль легкий. Когда трудность и тяжесть осознаются, но играются легко — это первый признак искусства.

Шолом-Алейхем в своем завещании тактично дал понять, что его далекие потомки могут заговорить совсем не на том языке, на котором он писал. Он соглашался, чтобы его рассказ люди прочли «на любом понятном им языке». В «Поминальной молитве» проза писателя переведена на язык театра. И не слышать эту речь невозможно.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Роман В. Гюго. 6. Преобразование, изменение, переустройство. 8. Река в Югославии. 10. Ластоногое животное семейства тюленей. 11. Первая в России женщина-офицер, писательница. 12. Моряк, рядовой флота. 13. Широкое дамское меховое пальто. 15. Артистка Малого театра, Герой Социалистического Труда. 17. Аттракцион. 19. Стихотворение, созданное мгновенно. 20. Русский электротехник XIX века, изобретатель. 21. Стиль в архитектуре и декоративном искусстве XIX века. 22. Народный поэт Дагестана. 24. Река в Боливии. 26. Композитор, народный артист СССР, автор балета «Красный мак». 28. Северное созвездие. 29. Город в Краснодарском крае. 30. Итальянский композитор, автор оперы «Паяцы».

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Плотничий инструмент. 2. Дерево семейства ореховых. 3. Одна из крупнейших малых планет. 4. Фрукты, сладкие блюда, подаваемые в конце обеда. 6. Определение местонахождения и удаленности объектов. 7. Способ письменной фиксации устной речи для более точной передачи произношения. 9. Прибор для измерения ускорений летательных аппаратов. 13. Остров в центре Средиземного моря. 14. Оптическая система. 16. Южное вечнозеленое дерево или кустарник. 18. Картина Б. М. Кустодиева. 23. Месяц календарного года. 25. Горная порода, декоративный и поделочный камень. 26. Балет А. И. Хачатуряна. 27. Столица Марокко.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. «Нашествие». 5. Рокировка. 10. Стихотворение. 11. Этап. 14. Дрил. 16. Кукша. 17. Проба. 19. Колба. 20. Творчество. 21. Информация. 23. Влага. 24. Ровно. 25. Рулет. 27. Арфа. 28. Агра. 29. Классификация. 30. Макаренко. 32. Альпинист.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Шнур. 2. Островский. 3. Бега. 6. Киоск. 7. Верша. 8. Стогометатель. 9. Нивелирование. 12. Телевизор. 13. Папировка. 14. Джаманова. 15. Инициатор. 18. Астра. 19. Кефир. 22. Калифорний. 25. Русак. 26. Тукан. 30. Маас. 31. Ость.

АНТИВИЧ
АНОНИМНОЕ
ОБСЛЕДОВАНИЕ
НА СПИД
ИЗБАВИТ ВАС
ОТ СОМНЕНИЙ
АНОНИМНОСТЬ
ДОСТОВЕРНОСТЬ
БЫСТРОТА
Консультации и обследования
проводятся по адресам:
Москва, 8-я улица Соколиной горы,
д. 15, корп. 3, тел. 365-06-01;
Сочи, ул. Тоннельная, д. 19,
тел. 91-34-14;
Рига, ул Линэзера, д. 3;
Туапсе, ул. Армавирская, д. 2.
По желанию выдается
официальный сертификат
об обследовании.
АНТИВИЧ
40 коп.
Индекс 70663